

Законодательное собрание Забайкальского края
Министерство международного сотрудничества
и внешнеэкономических связей Забайкальского края
Забайкальское региональное отделение ВПП «Единая Россия»
Забайкальский государственный университет
Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова
Российское общество политологов
Российское историческое общество
Русское географическое общество
Академия военных наук
Забайкальское общество любителей истории

РЕГИОН В ПРИГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

посвященная 165-летию образования Забайкальской области,
165-летию Забайкальского казачьего войска
и 95-летию установления дипломатических отношений
между Россией и Монголией

**9 сентября 2016 г.
г. Чита**

Часть 2

Чита
Забайкальский государственный университет
2016

Legislative Assembly of Zabaykalsky Krai
Ministry of International Cooperation and
Foreign Economic Relations of Zabaykalsky Krai
Transbaikal regional branch of VPP "United Russia"
Transbaikal State University
Transbaikal Regional Museum named after A. K. Kuznetsov
Russian Society of Political Scientists
Russian Historical Society
Russian Geographical Society
Academy of Military Science
Zabaykalsky Society of Lovers of History

REGION IN BORDER SPACE

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

**dedicated to the 165th anniversary of the Transbaikal oblast,
the 165th anniversary of the Transbaikal Cossack Host
and 95th anniversary of the establishment of diplomatic relations
between Russia and Mongolia**

**September 9, 2016
Chita**

Part 2

Chita
Transbaikal State University
2016

УДК 316.334.52(571.55:517.3)
ББК 60.59(2Рос-4Чит:5Мон)
Р 326

Рецензенты

В. В. Номогоева, д-р ист. наук, доцент,
Бурятский государственный университет
М. Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор,
Забайкальский государственный университет

Редакционная коллегия

Е. В. Дроботушенко (гл. редактор), А. В. Дроботушенко,
М. В. Пряженникова, Ю. Г. Саранчина, О. А. Яремчук

Регион в приграничном пространстве : материалы междунар. науч.
Р 326 конф. [в 2 ч.] / Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2016.
ISBN 978-5-9293-1708-8
Часть 2.– Чита, 2016. – 142 с.
ISBN 978-5-9293-1710-1

В сборник вошли материалы докладов и выступлений участников международной научной конференции, посвященной 165-летию образования Забайкальской области, 165-летию Забайкальского казачьего войска и 95-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией. Представленные материалы характеризуют самые разные аспекты социально-политического развития России в целом и Забайкалья, в частности, а также сопредельных территорий в их историческом развитии.

Конференция проводится в рамках программы ежегодных научных конференций по теме «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии».

УДК 316.334.52(571.55:517.3)
ББК 60.59(2Рос-4Чит:5Мон)

Reviewers

V. V. Nomogoeva, Dr. of Historical Sciences,
Associate Professor, Buryat State University
M. N. Fomina, Dr. of Philosophical Sciences,
Professor, Transbaikal State University

Editorial board

Е. В. Дроботушенко (chief-in-editor), А. В. Дроботушенко,
М. В. Пряженникова, Ю. Г. Саранчина, О. А. Яремчук

Region in border space : proceedings of the international scientific conference [2 p.] / Transbaikal State University. – Chita : Transbaikal State University, 2016.
P 326 ISBN 978-5-9293-1708-8
Part 2. – Chita, 2016. – 142 p.
ISBN 978-5-9293-1710-1

The collection includes presentations and appearances of the participants of the international scientific conference, dedicated to the 165th anniversary of the Transbaikal oblast, the 165th anniversary of the Transbaikal Cossack Host and 95th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Mongolia. The proceedings characterize various aspects of socio-political development of Russia in general and the Transbaikal in particular, as well as adjacent territories in their historical development.

The conference held in the framework of the annual scientific conference on “Cross-border cooperation: historical events and modern realities”.

УДК 316.334.52(571.55:517.3)
ББК 60.59(2Рос-4Чит:5Мон)

ISBN 978-5-9293-1710-1 (Ч. 2)
ISBN 978-5-9293-1708-8

© Забайкальский государственный университет, 2016
© Transbaikal State University, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Аспекты истории Забайкалья

Ушницкий В. В. Забайкальская прародина Субудая: степные урянхаты-хамниганы	6
Пузанов В. Д. Города Сибири и формирование служилого казачества Забайкалья в XVII в.	9
Филимонов А. В. Традиции старообрядчества у забайкальских казаков	12
Мясникова Г. В., Мясников А. В. К истории организации борзинского соляного промысла в XVII–XVIII вв.	16
Мясников А. В. К истории возникновения медной промышленности Забайкалья	19
Постников А. В. Служба П. А. Кропоткина в амурском казачьем войске и его картографические работы с использованием данных, полученных у представителей коренных народностей (1862–1867 гг.)	23
Жданов С. А. Становление российско-китайской границы и формирование пограничной стражи на забайкальском участке в XVIII–XIX вв.	31
Евтехов Р. А. Организационно-штатная структура полиции городов Забайкалья в XIX веке	37
Карчанова Л. М. Революционеры-петрашевцы на Нерчинской каторге в документах Государственного архива Забайкальского края	41
Мальгина О. А. Геополитическая стратегия усиления позиций Российской империи в Забайкалье в середине XIX в.	47
Константинова Т. А., Куриленко И. В. Из истории управления Забайкальской областью	50
Ахмадулина С. З. Роль благотворительной деятельности в общественной жизни г. Верхнеудинска во второй половине XIX – начале XX века	54
Батура А. И., Романова Л. Г. Модернизационные составляющие в сельском хозяйстве Забайкалья на рубеже XIX – XX веков	58
Игумнов Е. В. Роль военных топографов в освоении Забайкалья во второй половине XIX – начале XX века	62
Мамкина И. Н. Государственная политика в области кадрового обеспечения учебных заведений Забайкальской области в конце XIX – начале XX в.	65
Кальмина Л. В. Экономическое соперничество Читы и Верхнеудинска в 1910-е гг.: геополитический вираж	68
Севостьянова Е. В. Филантропическая деятельность в Забайкалье в условиях Первой мировой войны	71
Минаева В. Ю. Американская интервенция в Забайкалье в 1918–1922 гг.	75
Мороз А. И. Ликвидация неграмотности национальных меньшинств Забайкалья в 1920-е гг.	79
Плеханова А. М., Номогоева В. В. Жилище сельских жителей бурятии в 1920-е гг.: традиции и перемены пространства повседневности	81
Дацьшен В. Г. Проблемы советско-китайского военного противостояния на забайкальском участке границы в 1929 г.	84
Ланцова Ю. Н. Положение восточных рабочих в Забайкалье в 1920 – начале 1930-х гг.	92
Яремчук О. А. Деятельность издательства «Забайкальский рабочий» в предвоенные годы	95
Пряженникова М. В. Организация культурного досуга военнослужащих Забайкальского военного округа осенью 1941 г. (по материалам газеты «На боевом посту»)	98
Золотарева В. Ю. Система государственных и местных органов социальной защиты в 1944 г. (на примере Читинской области)	101
Карасёв С. В. Санаторий для императора	104
Дроботушенко Е. В. Тенденции развития православия в Восточном Забайкалье после Великой Отечественной войны	106
Простакишина М. А. Читинская область и Монгольская Народная Республика: из истории развития отношений (1970-е гг.)	109
Ряженова В. С. Воспитательные мероприятия по предупреждению правонарушений среди учащихся ПТУ г. Читы в первой половине 1980-х гг.	111
Васильев Г. Г. СССР и МНР, Россия и Монголия: вечная дружба или постоянный нейтралитет? (к 95-летию установления дипломатических отношений)	115
Мерцалов В. И. Исторические этапы внутрирегионального взаимодействия Севера и Юга Забайкальского края и современность	118
Оглезнева Е. А. Языковая история семьи: Забайкалье – Трёхречье – Харбин (на материале записей речи потомков забайкальских переселенцев в Китай)	122
Янков А. Г. Малые этнические группы Забайкалья: классификация и характеристика	125
Афанасьев С. А., Белоусов В. Е., Гаврилов А. Ю. Спасательные археологические полевые работы на стоянке «Хоктонга» раннего железного века в горно-таёжной части Восточного Забайкалья	129
Мамкин А. М. Опыт проведения государственной историко-культурной экспертизы на стоянке бронзового века «Арчиной» в Чернышевском районе в 2015 году	134
Сведения об авторах	138

CONTENTS

History Aspects of Transbaikalia

Ushnitsky V. V. Subudai Zabaykalsky Homeland: Steppe Uriangkans – Hamnigans	6
Puzanov V. D. City of Siberia and Formation Cossacks Transbaikalia of the 17 th Century	9
Filimonov A. V. The Tradition of the Old Believers of Transbaikal Cossacks	12
Myasnikova G. V., Myasnikov A. V. To the History of the Organization of Borzinsky Salt Pans in XVII–XVIII	16
Myasnikov A. V. About History of the Emergence of the Copper Industry in Zabaikalye	19
Postnikov A. V. Peter Kropotkin’s Service in the Amur Cossack Army and his Cartographical Works with Use of the Data Obtained from Representatives of Indigenous Peoples (1862–1867)	23
Zhdanov S. A. The Establishing of the Russian-Chinese Border and the Formation of Border Guard on the Trans-Baikal Area at the Turn of the XVII–XIX Century	31
Evtehov R. A. The Organizational Structure of Police in Transbaikal in the XIX Century	37
Karchanova L. M. Petrashevtsy Revolutionaries at the Nerchinsk Hard Labor in the Documents of Zabaykalsky Krai State Archive	41
Malygina O. A. Geopolitics Gain Positions Russian Empire in Transbaikalia in Middle of XIX Century	47
Konstantinova T. A., Kurylenko I. V. History of management of the Transbaikal region	50
Akhmadulina S. Z. The Role of Philanthropy in the Social Life of the City of Verkhneudinsk in the Second Half of the 19 th – Early 20 th Centuries	54
Batura A. I., Romanova L. G. Modernization Components in Agriculture at the Turn Zabaikalia XIX–XX	59
Igumnov E. V. Role of Military Topographers in Transbaikalia Development in the Second Half of the XIX – Early XX	62
Mamkina I. N. Staffing State Policy of Educational Institutions in Transbaikal Region in the Late 19 th Early 20 th Centuries	65
Kalmina L. V. Economic Competition of Chita and Verkhneudinsk in 1910-s: Geopolitical Turn	68
Sevastyanova E. V. Philanthropic Activity in Transbaikalia in the First World War	71
Minaeva V. Yu. The American Intervention in the Transbaikal Region in the Years 1918–1922	76
Moroz A. I. The National Minorities Liquidation of Illiteracy on the Transbaikal Region in the 1920s	79
Plekhanova A. M., Nomogoeva V. V. Dwelling of Rural People of Buryatia in the 1920s: Traditions and Transformations of Everyday Space	81
Datsyshen V. G. The Problems of the Soviet-Chinese Military Confrontation in the Transbaikalia Area of the Border in 1929	85
Lantsova Y. N. The Position of the Eastern Workers in Transbaikal in 1920 – Early 1930	92
Yaremchuk O. A. The Activities of the Publishing House “Zabaikalsky Rabochy” in the Prewar Years	95
Pryazhennikova M. V. Organization of Leisure Time of Servicemen Transbaikal Military District in the Autumn of 1941 (on Materials of the Newspaper “In the Line of Duty”)	98
Zolotareva V. Y. The System of State and Regional Bodies of Social Protection in 1944 (on the Example of the Chita Region)	102
Karasev S. V. Health resort (sanatorium) for an emperor	104
Drobotushenko E. V. Trends in the Development of Orthodoxy in Eastern Zabaikalye After the Great Patriotic War	106
Prostakishina M. A. Chita Oblast’ and the Mongolian People’s Republic: the History of Relations (1970s)	109
Ryazhenova V. S. Educational Activities for the Prevention of Delinquency Among Students in Vocational Schools in the City of Chita in the First Half of the 1980’s	112
Vasilyev G. G. The USSR and the MPR, Russia and Mongolia: Everlasting Friendship or Permanent Neutrality? (Devoted to the 95 th Anniversary of Diplomatic Relations)	115
Mertsalov V. I. Historical Stages of Intra-Regional Cooperation of Zabaykalsky Krai North and South and the Present	119
Oglezneva E. A. Language History of the Family: Transbaikalia – Three rivers – Harbin (as Exemplified in the Speech Records of Descendants of Transbaikal Immigrants in China)	122
Yankov A. G. Small Ethnic Groups in Zabaykalsky Krai: Classification and Characterization	126
Afanasyev S. A., Belousov V. E., Gavrilov A. Y. Archaeological Rescue Excavations on the Hoktonga Early Iron Age Site in Mountain and Taiga Zone of East Transbaikal Region	129
Mamkin A. M. The Experience of the Public Historical and Cultural Expertise at the “Arkchikoy” Site of the Bronze Age in Chernyshevsky District, 2015	134
Information about the authors	138

АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

HISTORY ASPECTS OF TRANSBAIKALIA

УДК 39
ББК Т3.5

Василий Васильевич Ушницкий

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

Забайкальская прародина Субудая: степные урянхаты-хамниганы

В статье разбирается проблема установления родины и этнической принадлежности монгольского полководца Субудая. Установлено, что Субудай и Джелме принадлежали к племени степных урянхатов. Их относят к монгольским урянхайцам, однако описание голого торса Урянкхатая – сына Субудая более соответствует поздним рисункам облика тунгусов. Горная местность к востоку от Байкала – родина Субудая сравнивается с Восточным Забайкальем, где живут конные монголоязычные эвенки-хамниганы.

Ключевые слова: Субудай, урянхайцы, Рашид-ад-дин, Урянкхатая, конные эвенки, хамниганы, Забайкалье

Vasily V. Ushnitsky

*The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North of SB RAS,
Yakutsk, Russia*

Subudai Zabaykalsky Homeland: Steppe Uriangkhas – Hamnigans

The paper understands the problem of establishing the homeland and ethnic Mongol commander Sabutai. It was established that Sabutai Dzhelme and belonged to the tribe of the steppe uryanhatov. They belong to the Mongolian Uryankhays, but the description of the naked torso Uryankhataya – son Sabutai more consistent with later figures image Tungus. Highlands east of Lake Baikal – the birthplace Sabutai compared with the East Transbaikalia, where live horse Mongolian-Evenki-hamnigan.

Keywords: Sabutai, Urynkhay, Rashid ad-Din, Uryankhatay, horse Evenki, hamnigan, Transbaikalia

Известно, что знаменитые монгольские полководцы Джелме, Субудай и Урянхатая происходили из старинного монгольского племени урянхит. Знаменитая гора Бурхан-Халдун

с давнего времени находилась во владении рода Урянхит. Там, согласно Рашид ад-Дину, похоронили Чингисхана, и священная роща охранялась особым караулом урянхатов [1].

Эти урянхаты, как все монголы, вышли из знаменитой горы Эргунэ-Кун, которая является легендарной прародиной монголов.

Имя «уранкай» выступает и как название тюркоязычных племён, в том числе целого тувинского народа. По свидетельству же Рашид ад-Дина, у монголов наименование «урянха» было общим для народов, населявших леса. Тем более, он утверждает, что сайн-урянхи – предки сойотов или тувинцев, не являлись настоящими урянхайцами. Кроме того, у тувинцев нет племени или рода урянха и данный этноним никогда не был самоназванием всего тувинского народа [13, с. 270].

Следует указать, что этнограф Г. М. Василевич собрала материалы, свидетельствующие о том, что «уранкай» и «эвенки-уранхай» были самоназваниями древних эвенков [4, с. 65–77]. По данным исследователя эвенкийского фольклора Г. И. Варламовой (Кэптукэ) в эвенкийском языке употребительно устойчивое словосочетание «аи-уранкай», имеющее значение «настоящий человек, истинный человек», к которым относятся жители верхнего и среднего миров.

Можно обратить внимание и на тот факт, что эвенкийские и якутские сказания под словом уранкай-ураанхай имеют в виду удалого человека или просто обитателей известного им мира людей. Так, по Г. М. Василевич, эвенкийские информаторы давали такие сведения о термине уранкай: «У меня нет никакого скота, я уранкай», «ведь должны же быть уранкай, похожие на нас», «я знаю уранкаев всех трёх земель», «от какого уранка ты произошёл», «давно, давно, когда уранкаев не было» [4, с. 63].

Весьма любопытно, что Г. М. Василевич на основе китайских источников сделала вывод о том, что ещё в X в. одни уранкай были оленными охотниками, что, по её словам, подтверждает гипотезу о том, что уранкай – горно-таёжные охотники тунгусы. Другие уранкай могли иметь скотоводческое хозяйство, это были те уранкай, которые преподносили дань крытыми носилками [4, с. 77].

В верхней части Онона обитало племя улохэу, в которых Л. Л. Викторова видит предков урянхайцев [5, с. 58–59]. Согласно ССМ, предок Бодоньчар, переехав вниз по Онону, стал жить среди урянхайцев и захватил их вместе с братьями. Таким образом, имеется этногенетическая линия, связывающая этноним «урянхай» с племенем улохэу, упоминаемым в китайских источниках.

Было бы удивительно, если бы не было попыток связать старинное имя Саха – Ураан-

хай с предполагаемыми этническими предками саха. Так, Г. В. Ксенофонтову принадлежит гипотеза о происхождении этнонима «курыкан» от «уранхай» через промежуточные «ураанкаан-курыкан» [6]. Г. Н. Румянцев писал, что этноним «урянхай» – это поздняя форма имени курыкан [12, с. 80].

Версии о тождестве этнонимов «курыкан» и «уранхай» из современных исследователей придерживаются бурятские учёные В. И. Рассадин, Д. В. Цыбикдоржиев и Б. З. Нанзатов. При этом В. И. Рассадин ссылается на особенности тофаларского языка, в котором буква «к» отпадает и получается «урыкан». Д. В. Цыбикдоржиев приводит сведения якутского фольклора о прародине Саха – стране Ураанхай около Байкала, связывая их с курыканами [16]. При этом отмечается этимологическая близость якутского эпонима Ураанкаан с урыканами.

Однако урянхайцы в летописях китайских династий упоминаются под именами улянха, волянха и нет сведений об их связи с курыканами. Например, в китайской летописи урянхаец (волянха) нарисован в короткой, распашной, меховой одежде и в коротких штанах, на передке которых прикреплен передник из листьев, ноги босые, а курыканы и туматы, «подобно татарам», изображались в длинных халатах и сапогах [4, с. 65–77].

Настоящей прародиной этнонима «уранхай» оказалась территория Маньчжурии. Так, известно о том, что корейцы называли маньчжур именем Оранкай. Китайские источники времён Минской династии и корейские источники часто сообщают о племени урянхайцев, помогавших маньчжурам в борьбе против монголов. В них видят потомков урянхайских монголов, либо сильно монголизированное чжурчжэньское племя. По последним данным ляодунские урянхайцы являлись по своему происхождению ойратами, впоследствии они были ассимилированы маньчжурами. Урянхайцами в маньчжурских источниках названы также эвенки Маньчжурии – солоны.

Как показал советский синолог Н. В. Кюнер, носителем различных транскрипций этнонима «уранхай» в китайских источниках является конкретное племя (Хи), или Кумоси (Кумохи), испокон века обитавшее в Западной Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии [7]. По одним данным предполагается, что кумоси принадлежали к протомонгольскому сяньбийскому племенному союзу, по другим – предок хисцев Юйвынь Мохой был из племени хуннов и их обычаи «весьма сходны с туцзюе» [3; 14, с. 158].

Лесные урянхайцы занимались охотой и выращиванием горных баранов и быков, в отличие от урянхайцев племени Урянхада – сына Субудая. Согласно Лео де Хартогу с ссылкой на Бретшнейдера и Рене Груссе, Субэдей обосновался после возвращения в 1246 г. из похода в Европейские страны на территории своего родного племени, урянхатов (к востоку от Байкала), где умер в том же году [15].

На картинке, взятой из китайской энциклопедии Минского периода, изображён урянхаец Урянхаадай – сын Субудая, тоже известный полководец, там написано: «Урянхаадай живёт в горных лесах на северо-восточной татарской окраине. У него есть дикие кони, но нет баранов и коров, ловит рыбу, пьёт кобылье молоко, тем и живёт» [19].

Отмечается отсутствие родственных связей степных урянхатов с лесными, их упоминание в эргунэкунский период и вхождение их в состав дарлекинов – чужеродных родов, попавших в вассальную зависимость от нирунов – настоящих монголов [10]. Про Субудая из племени Юаньши точно известно, что он происходил из монгольских урянхайцев [9; 18, с. 59].

Обитавшие в Баргуджин-тукуме лесные урянхайцы (хойин урянха) были хорошими охотниками на горных баранов, отличными лыжниками чанэ, у них было много шаманов. Они выращивали только горных быков и баранов [10, с. 123–125]. Народ оренгаев Гильом Рубрук размещает рядом с киргизами на долине Бангу (Баргу). Они двигались по замерзшему снегу и льду на отполированных костях, надеваемых на ноги, с сильной быстротой [11, с. 150]. Следовательно, часть лесных урянхайцев могла продвигаться с территории Тувы на Баргузинскую долину. Путь их перемещения показывает наличие тофаларов и сойотов в горно-таёжной части бурятских земель, пере-

двинувшихся с территории Тувы. По описанию регион проживания лесных урянхатов находился высоко в таёжных горах, ориентировочно он мог находиться в районе Присаянья-Прихубсугулья, либо в Окинском плато, либо в Дархатской котловине [8, с. 428].

В бурятском фольклоре сохранились известия о передвижении племени урянхай. По бурятским преданиям однажды на эхиритов, обогнув Байкал, напали белые урянхайцы (сагаан урянха). Эхириты собрали большое межплеменное ополчение, начальником был выбран силач Хамнагадай. Эхиритское ополчение под его командой встречалось с урянхайцами на реке Тутур. Бой был кровопролитный. Враг в итоге был разбит, эхириты долго преследовали их, взяв много пленных, имущества и рогатого скота [2, с. 279].

Среди конных эвенков Забайкалья были группы, известные под именем урянхайцы. Поэтому племя степных урянхатов можно отождествить с носителями ундугунской культуры, принадлежащими скорее к эвенкам-скотоводам [17, с. 197]. Среди изображений костяных предметов данной культуры можно увидеть лировидный орнамент и лепестки, ставшие характерными для якутской этнокультуры.

Указание китайских источников на восток от Монголии позволяет связывать урянхайцев племени Субэдэя с горными хребтами Восточного Забайкалья. Описание урянхайцев в китайских летописях периода Юань даётся иными этническими маркерами, чем описание обычных степных монгольских племён. Здесь присутствует горная местность, коневодческая культура и отсутствие одежды в виде монгольского халата. Именно так выглядели конные эвенки в описании европейских путешественников XVII в. В степных урянхатах можно видеть монголоязычных хамниганов, приобщение которых к коневодству произошло довольно давно.

Список источников и литературы

1. Архив ИВР РАН (Ин-т Вост. рукописей Рос. акад. наук). Ф. 62. Оп. 1. Д. 18.
2. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. Ч. 1: Булагаты и эхириты. 362 с.
3. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 332 с.
4. Василевич Г. М. Уранкай-эвенки // Доклады по этнографии. Вып. 3. Л.: Геогр. о-во СССР, 1966. С. 59–93.
5. Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племён на Дальнем Востоке в IV в. до н. э. – XII в. н. э. // Ученые записки ЛГУ. № 256. Сер. вост. наук. Вып. 7. 1958. С. 41–67.
6. Ксенофонов Г. В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск: Бичик, 1992. Т. I. Кн. I. 416 с.
7. Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 1961. 281 с.
8. Нанзатов Б. З. Расселение и племенной состав номадов Центральной Азии в предчингисовское и чингисовское время (по данным летописей Рашид ад-Дина) // Монгольская империя и кочевой мир: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 377–444.

9. Никифоров В. М. От архаического олонхо к раннефеодальному эпосу. Новосибирск: Наука, 2010. 139 с.
10. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1–2. 221 с.
11. Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны. 4-е изд. М.: Мысль, 1997. 460 с.
12. Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 240 с.
13. Сердобов Н. А. История формирования тувинской нации. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1971. 473 с.
14. Туголуков В. А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 152–177.
15. Хартог Лео. Чингисхан. Завоеватель мира. М.: Олимп: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2008. 285 с.
16. Цыбикдоржиев Д. В. К вопросу о происхождении этнонима «курыкан» // Гуманит. иссл. молодых учёных Бурятии. 1996. С. 143–148.
17. Цыбиктаров А. Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. 266 с.
18. Юрченко А. Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингисхана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб.: Евразия, 2006. 640 с.
19. Народы и племена с неясным происхождением. Тема: Кереты. Найманы. Канглы [Электронный ресурс] // Форум Центральноазиатского исторического сервера [официальный сайт]. Режим доступа: <http://www.kyrgyz.ru/> (дата обращения: 16.12.2015).

УДК 93/94(571.55)

ББК 63.3(0)5(2Рос-4Чит)

Владимир Дмитриевич Пузанов

*Курганский государственный университет,
г. Курган, Россия*

Города Сибири и формирование служилого казачества Забайкалья в XVII в.

Экспедиции В. Пояркова и Е. Хабарова в Забайкалье состояли из служилых людей и промышленников Якутского уезда. В результате слабости гарнизонов городов Восточной Сибири правительство направило в Забайкалье отряды служилых людей из городов Западной Сибири. Крупные группы служилых людей были посланы из Тобольска в Даурию в 80-е гг. XVII в., в эпоху конфликта с Цинской империей. Следствие этих посылок – формирование в городах и острогах Забайкалья гарнизонов из служилых казаков.

Ключевые слова: город, уезд, воевода, дворяне, казаки, стрельцы

Vladimir D. Puzanov

*Kurgan state University,
Kurgan, Russia*

City of Siberia and Formation Cossacks Transbaikalia of the 17th Century

Expeditions Poyarkova and Khabarova in the Trans-Baikal consisted of serving people and industrialists Yakut County. As a result, the weakness of the garrisons of the cities of Eastern Siberia, the government sent troops in Trans-Baikal military men from the cities of Western Siberia. Large group of military men were sent from Tobolsk to Dauria in the 80-ies 17th century, in an era of conflict with the Qing Empire. As a result of these premises in the cities and forts of Transbaikalia formed the garrisons of servicemen Cossacks.

Keywords: town, district (uyezd), commander (voevode), nobles, the Cossacks, archers

В 1640-е гг. экспедиции В. Пояркова и Е. Хабарова из Якутского острога начали присоединение Даурии к России. Первые экспедиции состояли из служилых людей и промышленников Якутского уезда. Однако этих сил было недостаточно для присоединения новых

земель Восточной Сибири. В результате правительство направляет в Забайкалье отряды служилых людей из городов Западной Сибири, где имелись более значительные гарнизоны. В 1652 г. правительство организует экспедицию для изучения и освоения Даурской земли под

командой московского дворянина Дмитрия Зиновьева с отрядом в 330 чел., в котором находились 150 стрельцов из Москвы и 150 служилых людей из городов Тобольского разряда (10 чел. из гарнизона Верхотурья, 10 из Туринского острога, 40 из Сургута, 20 из Тюмени, 70 из Тобольска). Кроме того, 30 служилых людей присоединились к отряду из острогов Восточной Сибири. Эти служилые люди участвовали в экспедиции более двух лет [2, с. 21]. В 1654 г. воеводой в Даурию был назначен правительством воевода Енисейска Афанасий Пашков, который организовал экспедицию в Забайкалье. Главное значение в экспедициях в Даурию имели служилые люди городов Сибири. В 1656 г. воеводой Афанасием Пашковым в Даурию был отправлен крупный отряд в 460 служилых людей, из которых 300 были годовальщиками (Тобольск – 60, Томск – 50, Тюмень и Березов – по 40, Тара – 30, Верхотурье – 20, Пелым и Красноярск – по 15, Туринск, Сургут, Кузнецк – по 10 человек). Таким образом, большая часть служилых людей была взята в городах Тобольского разряда. Кроме того, к отряду присоединились около 200 охочих людей.

В Даурии воевода поставил пять острожков, в которых командовал с 1657 по 1662 гг. [2, с. 37]. В первых гарнизонах острогов Забайкалья большую часть служилых казаков составляли годовальщики – командированные служилые люди. В Сибири XVII в. «годовая служба» вообще играла значительную роль. Это была система, в которой служилые люди из одного уезда временно направлялись в другой уезд, а иногда в рамках одного уезда из города в острог. Остроги с временным гарнизоном из годовальщиков, как правило из ближайшего города, ставились тогда, когда в удержании данной территории под русским контролем имелась настоятельная необходимость, однако при этом возникали серьёзные затруднения с планами создания на месте отдельного уездного центра. Обычно это была недостаточность местных ресурсов для содержания большого постоянного гарнизона. Понятие «годовая служба» не соответствовало своему содержанию, так как годовальщики часто служили по 2–3 года и более. Почему же в таком случае за ней утвердился именно этот термин? По тому, как быстро появилась «годовая служба» в Сибири, понятно, что это не есть собственно сибирское изобретение, а результат заимствования из военной практики европейской России. «Годовая служба» играла большую роль на юге Сибири в XVII в. При малочисленности как служилых людей, так и всего

русского населения в это время система «годовой службы» позволяла воеводам быстро строить остроги с гарнизонами, а позднее сосредоточивать значительное количество военной силы в нужном месте, укрепляя слабые города, возмещая потери при конфликтах за территорию и ясачных людей.

В результате тяжёлых условий пути, боёв отряд Пашкова потерял 400 служилых людей. К 1662 г. из состава отряда состояли на службе в Даурии только 75 человек, остальные были убиты, умерли или сбежали. Возвращение оставшихся годовальщиков в свои города проходило с 1664 по 1670 гг. В списке Тобольска 1661 г. отмечалось, что из отправленных из Тобольска с воеводой Афанасием Пашковым на восток 56 служилых людей вернулся в город только один казачий десятник. Позднее в острогах Забайкалья служили приказчиками дети боярские Тобольска. В 1660 г. в даурские остроги воеводой был назначен тобольский сын боярский Ларион Толбузин, который добрался до Даурии только в 1662 г. В 1670 г. приказчиком в Нерчинском остроге служил сын боярский Даниил Аршинский.

В 1663 г. Р. М. Стрешнев, начальник Сибирского приказа, потребовал от воевод Тобольска направить в остроги Даурии служилых людей из старых городов Сибири. В 1664 г. по указу царя Алексея Михайловича в Даурию была отправлена новая партия годовальщиков из 80 служилых людей (60 из Тобольска и 20 из Енисейска). В списке 1664 г. отмечалось, что в отряд Толбузина на восток послали 30 стрельцов и 30 пеших казаков из гарнизона Тобольска. К 1684 г. в Нерчинске ещё служили из этой партии 18 служилых людей. В списке 1677 г. отмечалось, что в Даурии осталось «посылок прошлых годов» 40 пеших казаков-стрельцов, а на реке Лене 16 человек, посланных в 1639, 1644, 1646 гг. [4, л. 7–8].

Крупные группы служилых людей были отправлены из Тобольска в Забайкалье в конце XVII в., в эпоху борьбы с Цинской империей. В русских острогах Даурии даже после присылки из Западной Сибири было крайне мало служилых людей и оружия. К 1675 г. в главном в крае Нерчинском остроге служили только 2 детей боярских и 154 казака. В острогах Даурии, кроме Албазинского, имелось только 2 медные пушки и 51 годных мушкетов. Большой проблемой была доставка хлебного жалования казакам из Енисейского уезда [5, л. 1–3].

В 1683 г. правительство отправило в Енисейск, центр разряда восточных уездов Сибири, воеводу боярина князя Константина Щербатого, который должен был организовать за-

читу Даурии. В городах Тобольского разряда для восточных уездов был организован новый полк из родственников служилых людей, литвы, казаков и стрельцов. По данным Томского Вида в 1684 г. из Тобольского разряда в Даурию был отправлен крупный отряд служилых людей. В городах Западной Сибири были зачислены в службу 700 чел. для посылки на восток. По данным летописи по государеву указу были прибраны в казаки в Тобольске 400 чел., в Тюмени 100, на Верхотурье 170, в Туринске 30 чел. В 1684 г. по приказу правительства в Даурию были посланы дополнительно 100 чел. пеших казаков из гарнизона Тобольска.

По данным воеводы Тобольска боярина князя Прозоровского всего в 1684 г. на восток из городов Тобольского разряда были посланы 600 служилых людей, 100 пеших казаков Тобольска, 250 новых служилых людей Тобольска, 30 новых служилых людей Туринска, 220 новых служилых людей Тюмени и Верхотурья. Новым служилым людям выдавали 10 р. государева жалования и пищаль. Казаки были отправлены с тобольским сыном боярским Борисом Неприпасовым в Енисейск в полк боярина князя Константина Щербатова. Кроме того, Константин Щербатов приказал набрать 350 служилых людей из русского населения Даурии. Боярин считал, что служилые люди Сибири слабо подготовлены к ратному делу и просил Сибирский приказ выслать из Москвы 700 стрельцов или солдат. Однако правительство приказало воеводе рассчитывать только на служилых людей Сибири [1, с. 119].

В 1685 г. правительство решило направить в Даурию 500 стрельцов, которых набрали из 12 стрелецких приказов Москвы и послали на восток. В Сибирь была отправлена крупная партия оружия и боеприпасов, в которой находились 20 полковых пушек, 1000 пищадей. 24 марта 1686 г. в Тобольск приехал новый воевода боярин Алексей Петрович Головин, а с ним его сын окольный Фёдор Алексеевич Головин, который возглавил защиту Даурии. В 1686 г. с воеводой в Тобольск прибыли офицеры и 500 московских стрельцов для похода на восток. Однако главные силы служилых людей – 1400 человек для борьбы с Цинской империей – правительство решило взять из городов Сибири [1, с. 146]. В 1686 г. состоялась новая посылка годовальщиков Тобольского разряда в Даурию. По данным Книги Записной из Тобольска были отправлены 500 человек стрельцов, казаков и их родственников с Верхотурья, Тюмени, Туринска и Пелы-

ма и слобод и 500 человек служилых людей. В Березове, Томске, Енисейске и Якутске было велено взять 100 служилых людей и прибрать 100 человек охочих людей [3]. Таким образом, по Книге Записной, всего на восток послали 1200 человек.

По данным Томского Вида правительству не удалось набрать такое количество служилых людей. В полк Головина в 1686 г. были отправлены 500 чел. из Тобольска, 100 из Тюмени, 100 из Томска, 30 из Нарымского острога, 100 из Енисейского острога, 100 чел. из Илимского острога. В результате к ратным людям московских и сибирских полков было приказано прибрать 400 чел. в Енисейском уезде и на р. Лене. Г. А. Леонтьева отмечала, что правительство планировало набрать в Сибири к 500 московским стрельцам, сопровождающим посольство Ф. А. Головина, 620 служилых людей и 320 их родственников [3]. В реальности с большим трудом Головину удалось собрать в Тобольске, Тюмени, Томске, Нарыме, Верхотурье, Енисейске и Илимске 478 стрельцов, казаков, драгун и 455 родственников служилых людей – всего 933 чел.

По данным списка 1686 г. в экспедиции Ф. А. Головина из гарнизона Тобольска на восток отправились 178 служилых людей, 62 литвы и конных казаков, 71 стрельцов, 45 пеших казаков [6, л. 9]. В результате остальные участники экспедиции были взяты из семей служилых людей Тобольска.

Служилые люди Тобольского разряда играли главную роль в борьбе с Цинской империей за Даурию. В 1689 г. в Нерчинске было подписано перемирие. Однако служилые люди Тобольского разряда остались в Даурии. По данным Томского Вида Фёдор Головин приехал с московским полком стрельцов в Тобольск из Даурии в 1691 г. Летопись отмечает, что после ухода стрельцов из Восточной Сибири «сибирские полки оставлены в Даурах». Позднее к ним было направлено подкрепление. В мае 1693 г. по царскому указу в Даурию были отправлены дети, братья, племянники служилых казаков Тобольского разряда «служить до указу Великих государей», всего 240 чел. из Тобольска 120, из Тюмени 80, из Берёзова 20, из Пелыма 20 чел. [7, л. 273].

Главной русской базой, откуда отправляли экспедиции для присоединения Забайкалья, был Тобольск, который имел главное административное и военное значение в Сибири. К 1625 г. гарнизон Тобольска составлял 730 чел. и был наиболее крупным из гарнизонов Сибири. К 1633 г. гарнизон был увеличен до 1175 чел., а к 1638 г. достиг уже 1456. Таким

образом, за 14 лет гарнизон Тобольска вырос в 2 раза. К 1647 г. гарнизон уменьшился до 1337 чел., что было вызвано отправлением нескольких сотен служилых людей Тобольска на восток в качестве годовальщиков. Эти длительные командировки служилых казаков на восток стали проблемой как для воевод Тобольска, так и для служилых людей, которым пришлось выполнять обязанности своих товарищей. В результате для выполнения многих служб гарнизона Тобольска в это время пришлось привлекать годовальщиков из Тюмени. В конце XVII в. гарнизон Тобольска достиг 2 тыс. чел. В 1693 г. в Тобольске служили 2025 чел. К 1686 г. в Тобольске служили 1846 служилых людей, кроме драгун и беломестных казаков уезда. К 1688 г. их количество

увеличилось до 1867, к 1691 г. до 194, к 1697 до 2204, к 1689 г. до 2183 чел., кроме тех, кто был командирован на восток. В 1704 г. в Тобольске было 2237 чел., в 1705 г. 2260.

Большую роль сыграли посылки служилых казаков Тобольского разряда на юге Восточной Сибири – в Забайкалье. Здесь, в связи с удалённостью территории от старых городов, откуда набирали годовальщиков, в грамотах особо отмечалось, что в Даурии им придётся служить «по два года по переменам без проезде», а при необходимости отмечалась возможность их задержания на 3–4 года. В реальности годовальщики часто оставались на востоке ещё дольше. В результате этих посылок в городах и острогах Забайкалья формировались гарнизоны из служилых казаков.

Список источников и литературы

1. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.: Наука, 1969. 240 с.
2. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине в XVII–XVIII в. Владивосток: Ин-т истории Дальневост. отд-ния РАН. 1999. 336 с.
3. Леонтьева Г. А. К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII – начале XVIII в. (Нерчинский уезд) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968. Вып. 2. С. 37–60.
4. РГАДА (Рос. гос. архив древних актов). Ф. 214. Кн. 641.
5. РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1675.
6. РГАДА. Ф. 214. Кн. 839.
7. РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Д. 1317.

УДК 94:27(571.55)

ББК ТЗ-283.31:Э372.81(2Рос-4Чит)

Андрей Викторович Филимонов

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Традиции старообрядчества у забайкальских казаков

В статье описываются особенности соотношения категорий, которые традиционно вместе не рассматриваются – старообрядчества и казачества. Делается это на фоне характеристики освоения Сибири и Дальнего Востока. В исследовании охватываются районы традиционного расселения старообрядцев в Забайкалье. Автор говорит о достаточно значимом количестве казаков-старообрядцев на территории региона в разные периоды его исторического развития.

Ключевые слова: старообрядчество, казаки, ценности, Сибирь, Дальний Восток, Забайкалье

Andrey V. Filimonov

*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

The Tradition of the Old Believers of Transbaikal Cossacks

The article discusses the features of correlation of categories that traditionally are not considered together: the old believers and the Cossacks. This is done in the background characteristics of the development of Siberia and the Far East. The study considered the areas of traditional settlement of old believers in Transbaikalia. The

author talks about a rather significant number of Cossacks-old believers of the region in different periods of its historical development.

Keywords: old believers, Cossacks, values, Siberia, the far East, Transbaikalia

В различных региональных группах населения России практически всегда были представлены старообрядцы. Региональные варианты конфессиональной и этнокультурной старообрядческой традиции в контексте местных условий и определили специфику старообрядческих анклавов разных регионов. Однородного «православного пространства» практически не существовало и в казачьих регионах России. Формирование казачества началось задолго до церковной реформы патриарха Никона, и старообрядчество в казачьей среде явилось не только результатом раскола, но в некоторых случаях результатом сохранения более ранних христианских верований. Старообрядчество среди казаков в ходе исторического развития приобрело сложную структуру, разделившись на множество субконфессий. В казачьей среде наряду с казаками, исповедующими официальное православие, были «исторические» старообрядцы, носители дораскольской традиции, старообрядцы-раскольники, представители оппозиционных течений реформам Никона и множество других направлений и сект. Приписными казаками становились представители и других конфессий. Социальный состав казачества был так же неоднороден. Ярким примером в данном случае могут служить Забайкальские казаки, в среде которых присутствовали достаточно сильные старообрядческие традиции. Однако положение служилого сословия неизбежно вело к отказу от радикальных форм «старой веры» и постепенному склонению к единоверию как «православному старообрядчеству». Подобный подход был очень удобен для казаков-старообрядцев. Поэтому во многих станицах Забайкальского казачьего войска (Доно, Больше-Заректуйской, Калганской, Быркинской и др.) проживали казаки-единоверцы и казаки-старообрядцы.

Наряду с объединяющим церковным (единоверие) началом ярко выражены самобытные этнокультурные черты, отличающие забайкальских казаков-старообрядцев от других старообрядческих групп.

Освоение Сибири и Дальнего Востока русскими первопроходцами началось до трагических событий церковного раскола XVII в. Поэтому справедливо считать, что казаки Бекетов и Пешков, Ермак и Хабаров были носителями дораскольской (или старообрядческой) тради-

ции. Это подтверждают и многочисленные археологические раскопки, сохранившиеся церковные предметы, иконы и книги того времени [6, с. 78–81].

Забайкальский регион изначально заселялся выходцами из разных районов России, но основной поток шёл из Северных районов. Задолго до Церковного Раскола переселенцы принесли с собой традицию обходиться в повседневной жизни без священников, которых по всей территории Сибири практически всегда было недостаточно [8, с. 38–42].

В Даурскую землю шли люди, не отличающиеся набожностью, штрафники или те, кто пытался уйти от каких-либо преследований в центральной части России, в том числе и по религиозным мотивам. Первоначально основная часть поселенцев состояла из казаков и служилых людей Сибирского войска, которое в свою очередь было создано из собственно казаков, беглых крестьян из различных областей России, в большинстве своём приверженцев старой веры и местных народностей. Такой синтез предполагает наличие разных церковных укладов. В конце XVII в. в среде переселенцев, промышленных и гулящих людей, достигших территории Забайкалья, абсолютное их большинство было старообрядцами [11, с. 118–119]. В итоге забайкальцы, как и большинство первопроходцев Сибири, оказались приверженцами и носителями старых церковных обрядов. Смысл реформ Никона для основной их части был непонятен. Низкую религиозную грамотность в среде забайкальских казаков можно объяснить ещё и отсутствием храмов и священников, разбросанностью на большие расстояния населённых пунктов и их изолированностью благодаря плохим путям сообщений, разнообразием по вероисповеданию населения, включая язычников. Приверженность к старообрядчеству также часто была обусловлена низким уровнем подготовленности приходских священников, которые не могли противостоять «вере отцов», да и не всегда вели благопристойный образ жизни, а усилия миссионерских миссий были больше направлены на коренное население Даурии. Старообрядчество в среде казаков Восточной Сибири, и в Забайкалье в том числе, явилось не результатом раскола, а скорее результатом сохранения «веры отцов». Основой духовности русского казака было православие. Но для значительной доли казачества России харак-

терной была преданность старой православной вере, вольному духу, религиозной обособленности и сословной независимости. Народные герои и выдающиеся личности из казачества – Ермак, Степан Разин, Кондратий Булавин, Игнат Некрасов, Емельян Пугачёв, войсковой атаман генерал-аншеф, граф Матвей Платов – все они приверженцы древлеправославия и защитники традиций и обычаев русского народа [2, с. 132].

Вслед за первопроходцами правительство начинает ссылать в Даурскую землю людей неудобных в центральной России, в первую очередь представителей церковного раскола. Ещё до официального отделения раскола от церкви один из главных его представителей протопоп Аввакум со всей семьёй был направлен в Даурские земли в Иргеньский острог под присмотром Воеводы Пашкова. С его жизнью в Даурии связаны места, описанные им в «Житие протопопа Аввакума». Эта книга рассказывает и о чудесах, происходивших на озёрах Иргень и Арахлей, и о тернистом пути сосланных в Сибирь старообрядцев. С большой долей вероятности можно предположить, что четыре казака из отряда Пашкова по его приказу были казнены и обречены на мученическую смерть за приверженность к дораскольным, церковным обрядам [1, с. 33].

В 1685 г. дано правительственное распоряжение о ссылке в Сибирь перекрещенных раскольниками; но старообрядцы массами бежали сюда и сами, опасаясь строгостей гражданского начальства.

Вторая волна переселения казаков-старообрядцев связана с пугачёвским восстанием, после подавления которого в Нерчинский округ Забайкалья сосланы были Яицкие казаки, поселившиеся здесь несколькими селениями.

Архивные материалы дают весьма отрывочные сведения о числе старообрядцев, числящихся в Забайкальском казачьем войске.

В одном из документов показано, что к 1 января 1864 г. в этом войске числилось раскольников из простого казачьего сословия муж. 40 и жен. полов 28 чел., всего 68 чел., в т. ч. приемлющих священство 32 и не приемлющих священства 36 чел. Раскольники эти числятся в 3-й конной бригаде, но проживают в селениях гражданского ведомства между 274 жителями, не содержащими раскола. Какие это были селения, в документе не сказано [4, л. 1–7.]

В среде забайкальских казаков помимо легального раскола существовал и раскол тайный [10, с. 86–88]. Не исключено, что число тайных последователей могло увеличиться в

ходе зачисления в его состав горнозаводских крестьян, в среде которых существовали общины сосланных из центральной России староверов [7, с. 17]. Количество Забайкальских раскольников, в том числе и среди казаков, в точности неизвестно. Архивные материалы разрозненны, да и официальная статистика пыталась скрыть или исказить данные по разным соображениям. По консисторским ведомостям за 1875 и 1879 г. их значится более 31 тыс.; за другие годы показывается гораздо менее. Прежде всего, это связано с тем, что достаточно широкое распространение в Забайкалье, в том числе и в среде казаков, получило единоверие. Вопрос статистического исследования старообрядчества в среде казачества Забайкалья практически не изучался, хотя увеличение численности казачества за счёт других сословий и пополнения из других регионов явно увеличивало число приверженцев старообрядчества. У всего этого есть свои объективные причины. Это и сложность статистики как исторического источника, и распылённость статистических материалов по документам разных архивных фондов. По переписи 1897 г. численность старообрядцев в Забайкальской области достигала 36 623 чел. (обоёго пола) [4, л. 1, 18]. Эта статистика имела большую отрицательную погрешность, складывающуюся в основном из-за существования «тайного раскола» и присутствия в регионе единоверия. Да и на приверженность к старой вере в окраинных районах России правительство обращало меньше внимания. В то время как в центре страны старообрядчество фактически ставилось под запрет высочайшим указом 1836 г., линейным казакам разрешалось совершать богослужение по своим обрядам. По официальным архивным данным в Нерчинско-Заводском уезде Забайкальской области в 1911 г. единоверцев было 1531 чел. Больше всего их проживало в станице Доно (около 1 тыс. чел.), в посёлках Чаги и Ильди-кан Больше-Заректуйской станицы, посёлках Кама и Чупрово Калгинской станицы, в посёлке Бырка, в селе Исток и других населённых пунктах [5, л. 35].

По данным, приведённым Ф. Ф. Болоневым, общины старообрядцев в казачьей станице Доно и селе Исток были белокрыницкого направления [5]. Хотя по данным, представленным в отчётах благочинных Забайкальской епархии за 1913 г., из 28 благочинных только двое признали, что на территории их округа были староверы. В 23-м благочинии (куда входили многие волости Нерчинского уезда) их было всего 3 (!) чел. [4, л. 1–7].

В 1910 г. Восточносибирские и Дальневосточные земли были объединены в отдельную Иркутско-Амурскую и всего Дальнего Востока старообрядческую епархию. А спустя год, в 1911-м, её возглавил епископ Иосиф (Антипин). Этот архипастырь был наделён многими дарами и талантами, в том числе силой молитвы и чудотворения, которая стала проявляться ещё при жизни святого старца. Святитель Иосиф способствовал объединению старообрядческого казачества села Доно и других станиц с семейскими Чикойского региона. На время его епископского служения выпали тяжёлые испытания: исход христиан в эмиграцию в Маньчжурию и Харбин, гражданская война и первые репрессии. Скончался святитель Иосиф в эмиграции в городе Харбине в 1927 г. После отречения официальной церкви от царского престола в 1917 г. и появления религиозных свобод, связанных с отделением церкви от государства, старообрядцы с. Доно присоединились к Древлеправославной Церкви Христовой. В 1918 г. церковь станицы Доно пересвящена из единоверия в старообрядчество святителем Иосифом (И. И. Антипин), епископом Древлеправославной Церкви Христовой, с сохранением прежнего наименования [6, с. 76–8].

Первым старообрядческим священником стал отец Козьма (К. З. Олейников), принявший мученическую смерть в 1919 г, похороненный в церковной ограде и почитаемый христианами РПСЦ в лике святых. В 1920-х здесь служил отец Иоанн Емельянов, в 1930-х известный старообрядческий полемист и начётчик священноинок Аввакум (в миру Алексей) Старков. При нём община с. Доно играла значительную роль в жизни Иркутско-Амурской и всего Дальнего Востока епархии Древлеправославной Церкви Христовой, стала своеобразным миссионерским центром по переводу старообрядцев Забайкалья из единоверия в ДЦХ.

В 1920-х многие прихожане эмигрировали в Маньчжурию в район Трёхречья, где в основанных ими селениях, таких как Верх-Кули и Преображенка, ими были построены старообрядческие церкви [12, с. 108–109]. Их потомки сохранили традиции предков до настоящего времени. В 1950-х немалая их часть из Китая эмигрировала в Австралию. В конце XX в. семейные и конфессиональные связи прихожан и эмигрантов восстанавливаются и активно развиваются. Церковная жизнь в казачьих селениях Забайкалья под давлением государства постепенно угасала, в 1960-х практически прекратилась, в 1981 г. церковь была закрыта. Строение использовалось под исторический музей, в качестве склада. В 1984 г. иконы, книги и церковная утварь были перевезены в Читу, а часть их передана в школьный музей села. В 1997 г. по инициативе отца Вячеслава (В. В. Измайлов) церковь возвращена в собственность РПСЦ, используется по первоначальному назначению. Проведены восстановительные работы. В 1999 г. ряд икон, большая часть книг и утвари возвращены. 12.09.1999 г. церковь повторно освящена епископом Силюяном (С. А. Килин) с сохранением прежнего названия. В 2002 г. восстановлена церковная сторожка, где в зимнее время проходят богослужения. С 2001 г. входит в Восточно-Сибирское благочиние, находится под духовным окормлением отца Елисея Елисеева. Приход малочисленный, постоянного священника нет.

В целом, можно сказать, что численность казаков с традиционными старообрядческими ценностями в культуре и в повседневном быту Забайкальского региона была и остаётся достаточно высокой. Это делает их представительной частью местного населения, во многом определявшей (вместе с другими группами населения) общественное лицо Забайкалья как в прошлом, так и на сегодняшний день.

Список источников и литературы

1. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. 368 с.
2. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М.: ДИК, 2004. 352 с.
3. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М.: ДИК, 2004. С. 237–242.
4. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. 8. Оп. 1. Д. 910. Л. 1–7; Д. 1079. Л. 1–18.
5. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5042. Л. 35.
6. Жуков А. В., Пешков И. Г. Забайкальские казаки и их потомки: учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2014. 174 с.
7. Зеньковский С. Русское старообрядчество. М.: Церковь, 1995. С. 17.
8. Колесников А. Д. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1975. С. 38–58.
9. Костров А. В. Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905–1930-е гг.). Иркутск, 2010. 444 с.
10. Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М., 1973. 119 с.
11. Усов Ф. Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 86–88.
12. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция на территории Китая (1920–1945 гг.): учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 108–109.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)

Галина Васильевна Мясникова

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Алексей Владимирович Мясников

*НРЦ «Энциклопедия Забайкалья»,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

К истории организации борзинского соляного промысла в XVII–XVIII вв.

С XVII в. единственным источником природной поваренной соли в Восточном Забайкалье было Борзинское озеро. Для местной экономики оно имело важное значение. В статье на основе ранее опубликованного материала, а также неопубликованных архивных документов проанализирована история возникновения и становления на озере соляного промысла.

Ключевые слова: Забайкалье, экономика, соляная промышленность, промыслы, добыча, Борзинское озеро

Galina V. Myasnikova

*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Alexey V. Myasnikov

*SEC "Encyclopedia of Transbaikalia"
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

To the History of the Organization of Borzinsky Salt Pans in XVII–XVIII

From XVII century, the only source of the natural common salt in East Transbaikalia was Borzinsky Lake. It had great significance for local economy. The article, based on previously published material, as well as unpublished archive documents, analyzed the history of the emergence and establishment of the salt production in the lake.

Keywords: Transbaikalia, economy, salt-works, crafts, extraction, Borzinsoe lake

Природные богатства земель Даурских начиная с XVII в привлекали русских землепроходцев. Они обнаружили здесь месторождения серебра, золота, меди, драгоценных камней. Но, несмотря на усиленные поиски, первопроходцы долгое время не могли найти месторождений жизненно необходимого минерала – поваренной соли.

Она была нужна населению забайкальских острогов, заводов и рудников для засолки рыбы, мяса, заготовки на зиму овощей. Служилым людям наряду с денежным жалованьем полагалось соляное. Поэтому правительство уделяло огромное внимание вопросам солеснабжения, поискам и разработке местных соляных источников. Например, остроги Западного Забайкалья снабжались «пятинной»

солью, добывавшейся из соляного озера вблизи Селенгинска. В Восточное Забайкалье соль завозили из Иркутска, Селенгинска, Илимска. Эти поставки были очень дорогими и не обеспечивали растущие потребности жителей края.

В 1661 г. нерчинский приказчик Д. Аршинский с целью разведки соляных озёр снарядил в ононские степи специальную экспедицию, состоявшую из трёх казаков и тунгуса-проводника. По возвращении они доложили, что обнаружили озеро с «доброй солью» [5, с. 110–111]. Так было обнаружено Борзинское соляное озеро. Буряты и тунгусы знали о нём гораздо раньше и называли его Дабасу-Нор. Вскоре после его открытия нерчинские служилые люди фактически перестали получать казён-

ное соляное жалованье и сами начали добывали соль на Борзинском озере. Добычной сезон на нём начинался с наступлением тепла, как правило около Петрова дня. В сказке даурских казаков Ф. Усольца и И. Коркина, датированной 1681 г., упомянуто, что на берегах озера устраивались ярмарки, на которых можно было купить ткани, пушнину, скот [7, с. 38].

Добыча соли велась простым, но довольно эффективным способом. Когда не было изнуряющей жары и соляной череп затвердевал настолько, что по нему можно было ходить, казаки, чтобы не увязнуть в донном иле, надевали лыжи, сделанные из досок, и шли в озеро. В ширину лыжи достигали $\frac{1}{4}$, а в длину $1\frac{1}{2}$ аршина. Деревянными лопатками они аккуратно снимали соль с черепа, сгребали её в груды, после чего погружали её в корыта, выдолбленные из тонких брёвен, и выносили на берег. В одно корыто вмещалось от $1\frac{1}{2}$ до 2 пудов соли. На берегу соль старались ссыпать в небольшие, не толще двух вершков кучи. Так она просушивалась под лучами палящего солнца примерно в течение двух-трёх суток. Затем «добычу» расфасовывали по мешкам и сумкам. Этот способ добычи оставался почти неизменным до начала XX в.

Поначалу за борзинским соляным промыслом никто не следил. Каждый мог набрать столько соли, сколько был в состоянии унести. Нерчинские воеводы, управлявшие краем, понимали, что промышленное освоение озера может принести казне немалую выгоду и старались пресечь беспорядочную добычу соли, запретить несанкционированные ярмарки.

В 1723 г. соляной промысел на озере был передан в ведение Нерчинской воеводской канцелярии, которая запретила вольную добычу. Отныне перед каждым добычным сезоном она публиковала указы о вызове людей, желающих заниматься добычей и развозом соли. Затем на конкурсной основе выбирала подрядчиков и заключала с ними договор. После этого подрядчикам выдавалось письменное разрешение – отпуск.

Наблюдение за добычей соли возлагалось на смотрителей. Представление об их обязанностях даёт донесение (1742) двух смотрителей – служилого человека Силы Соколова и посадского Симона Курилова. «Велено нам вышепомянутым быть для смотрения соляного озера. И ежели кто из нерчинских обывателей наемщики отпущены будут по указу для взятия соли самосадки, то у тех людей отпуска данные им от канцелярии смотреть накрепко и соль давать в телегах свободною отдачею». Кроме того, им предписывалось внимательно

осмотреть всю тару рабочих и опечатать её печатью Борзинского озера и «велеть наемщикам с того озера соль поставить и объявить в Нерчинской канцелярии». Для записи отпускаемой соли смотрителям выдавались особые книги «за шнуром и за печатью» [1, л. 3].

Смотрители и наёмщики регулярно подвергались проверкам. Например, в 1742 г. управитель города Нерчинска Чемезов приказал подчинённым обыскать ехавших с Дабасу-Нора крестьян горного ведомства. В результате выяснилось, что они везли на телегах 132 с половиной мешка с солью. Большая часть мешков не имела печатей. Управитель предположил, что неопечатанный груз окажется «утраченным» и будет употреблён «про свою домовую нужду» [1, л. 151].

Примечательно, что, пытаясь создать систему контроля за соляным промыслом, канцелярия долгое время не принимала никаких мер по обустройству окрестностей главного солеродного источника. Рабочие, подрядившиеся на добычу дорогостоящего минерала, почти весь сезон, длившийся иногда до осени, жили в очень суровых условиях. Ближайший лес, где можно было взять дрова, находился на Хада-Булакском хребте (Кукульбей). Поездка до него занимала двое суток. Потому в качестве топлива вместо дров часто использовали аргал – сухой скотский помет. Воду пили из близлежащих солоноватых, мутных ручьёв. Привозная вода из реки Борзи ценилась почти как деликатес. Нерчинская воеводская канцелярия даже не побеспокоилась о строительстве специальных амбаров для хранения соли.

В докладе провиантского повывья Нерчинской воеводской канцелярии 1742 г. подробно описан один из сотни случаев, когда из-за капризов погоды рабочие подвергались тяжёлым испытаниям: «многие разночинцы на солёное озеро для взятия соли ездили и жили у того соляного озера недели по три и больше и до десяти недель и за несадом соли за великими дождями не могли и взять было нечего. И отъезжали от того озера с простыми телегами и ныне народ за неимением соли имеет не малую нужду. И ежели при оном соляном озере имелись построенные соляные амбары то б когда солесад бывает и в те амбары с озера соли насыпать и наполнить можно заблаговременно и народ никакой нужды не возымел» [1, л. 126об].

Идею строительства амбаров начальство одобрило, но с её воплощением не спешило. Судя по документам, амбары построили приблизительно между 1754 и 1757 гг. Они стояли, вероятно, на восточном берегу, там, где впоследствии возникло поселение рабочих. К но-

вым сооружениям тут же был приставлен вооружённый караул.

С середины XVIII в. канцелярия каждую весну направляла на озеро отряд караульных казаков и смотрителя. Ему вменялось в обязанность наблюдать за озером, а когда начнётся садка, донести об этом в Нерчинскую воеводскую канцелярию рапортом и прислать образцы соли на пробу. Если соль признавалась качественной, Нерчинская воеводская канцелярия и Нерчинское горное начальство объявляли набор «охотников», желавших добывать и развозить соль.

Чтобы подрядиться, заключить договор, «охочие люди» должны были «в крайней скорости придти» к целовальнику, в начальство или канцелярию и участвовать в торгах. Те, кто просил за работу наименьшую цену, получали отпускные паспорта. В них отмечалось, «кто имяно и на скольких телегах отпущены». Эти документы наемщики предъявляли смотрителю озера. Перед их отъездом смотритель, осмотрев и взвесив добытую ими соль, подписывал на обороте паспорта, с кем отпущена соль, каково её количество и куда надлежит доставить груз. Паспорт обязательно следовало показать целовальнику, принимавшему соль, в качестве доказательства, что соль не была утеряна, продана или спрятана.

Порядок организации промысла, оплаты труда соледобытчиков закреплялся в специальных положениях и указах. Так, в 1769 г. вышел царский указ: «Для добычи соли командировать из Нерчинского ведомства 50 человек с выдачею им на проход и обратно в дом, считая в день по 25 верст, по 3 коп. на день и за нахождение при озере до садки соли по 6 коп. в день» [3, л. 343]. Однако когда начинался «посад», рабочим переставали выплачивать подённое содержание. Канцелярия для увеличения производительности труда выдавала по 1 копейке за каждый пуд добытой соли. Согласно некоторым свидетельствам один здоровый рабочий мог за день вытащить на берег до 20 пудов дорогого минерала.

Тем не менее меры по усовершенствованию соляного промысла, предпринятые Нерчинской воеводской канцелярией, не принесли успеха. Нередко на объявлявшиеся торги никто не приезжал. Да и вольных людей, имевших лошадей, телеги, тару для соли, за Байкалом было немного. К тому же правила торгов, вынуждавшие соглашаться на ничтожно малую оплату труда, не устраивали «охочий люд». Пытаясь решить эту проблему, чиновники канцелярии просили горное начальство «за-

должить» приписных к заводам крестьян, но те были заняты обработкой повинностей.

Выход из положения был найден в 1770 г. Иркутский губернатор Бриль предложил Сенату поселить при речке Борзе 25 семей и обязать их выламывать соль на Дабасу-Норе за цену от 3 до 4 копеек за пуд. В добавок на обустройство каждой семьи он планировал выделить по 30 рублей. Его проект с некоторыми поправками получил одобрение. Так, в качестве места для поселения соледобытчиков был выбран не берег Борзи, а деревня Шивея, отстоявшая от Борзинского озера более чем в 80 верстах. В том же году Иркутская губернская канцелярия опубликовала указ «о вызове охочих людей в Шивеинскую деревню для Борзинского соленаго озера до двадцати пяти семей считая в семье по четыре человека мужеска полу с выдачею казённой ссуды четырехгодной льготы» [4, л. 131]. В 1771 г. в Шивеинскую, или как её иначе называли Тургинскую, слободу заселились 20 семей ссыльных. Они стали первыми приписными к озеру соледобытчиками. Тогда же Нерчинская воеводская канцелярия предписала построить на Борзинском озере казармы для рабочих.

1772 год стал для Борзинского соляного промысла знаковым, так как на озере случилась невиданная ранее садка. Для добычи соли Нерчинской воеводской канцелярии пришлось привлекать казаков, крестьян, инородцев и даже «монастырских людей». В течение сезона на озере ежедневно трудились от 50 до 120 человек. Работы велись в изнуряющем темпе. В одном из рапортов смотритель промысла сын боярский Семён Епифанцев сообщал: «у работных людей весьма ноги рассолом изъедены, что добыча происходит весьма нескоро» [2, л. 45].

В тот год было добыто 85 443 пудов соли. Возможно, рассчитывая на то, что природа ещё раз порадует людей подобной щедростью, в 1773 г. воеводская канцелярия заселила в Тургинскую слободу «отставных негодных быть в заводских работах ссыльных». Их снабдили деньгами «на проживание до места селения в пути», провиантом и инструментами для хлебопашества. Чуть позже к ним присоединились несколько семей казаков и крестьян. Новые поселенцы, как и их предшественники, пополнили ряды приписных к озеру крестьян. Именно они по первому зову смотрителя должны были на собственных телегах, с мешками и бочонками приехать на Дабасу-Нор и выламывать соль.

Соляной промысел был основным занятием тургинских крестьян. Они, как следует из рапорта Нерчинского комиссарства иркутско-

му губернатору Францу Николаевичу Кличке, «хлебопашества, скотоводства и домостроительства» не имели, а время после добычного сезона проводили «по заводским ведомствам в работах» [4, л. 762]. Причину такого положения крестьян точно назвал в 1815 г. Н. Озерцовский. Поселяне, по его словам, ожидали садки соли всё лето, отчего хлебопашество «своё оставляли, и по дороговизне хлеба терпели в нём недостаток. Казна также несла убытки от задатков за ломку и вывочку соли по 3 коп. с пуда; но как садки иногда совсем не

было, то и задатков выручать было не из чего» [6, с. 333].

В таком виде Борзинский соляной промысел просуществовал до начала XIX в, когда его передали в ведение Нерчинского земского нижнего суда, а затем Нерчинской горной экспедиции. Служащие этих учреждений, а также учёные неоднократно предпринимали попытки усовершенствования добычи соли, организовывали исследования. Однако нестабильность садки на озере вынуждала их искать соляные источники в других местах Забайкалья и приграничных районах Монголии и Китая.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. 10. Оп. 1. Д. 35.
2. ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 115.
3. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 479.
4. ГАЗК. Ф. 231. Оп. 1. Д. 6.
5. Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. М: Типография МГУ, 2012. 320 с.
6. Озерцовский Н. О поваренной соли // Умозрительные исследования Императорской академии наук. Т. IV. СПб, 1815. С. 21–351.
7. Хрестоматия по истории Читинской области. Чита: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 508 с.

УДК 94(571.55)
ББК Т3(2Рос-4Чит)

Алексей Владимирович Мясников

НРЦ «Энциклопедия Забайкалья»,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

К истории возникновения медной промышленности Забайкалья

В статье, основанной на ранее неопубликованных документах, хранящихся в Государственном архиве Забайкальского края, дано описание открытия медных месторождений в Забайкалье. Автор впервые вводит в научный оборот сведения, касающиеся организации и деятельности Курунзулайского медеплавильного завода.

Ключевые слова: архивные источники, Забайкалье, медная промышленность, месторождение, Курунзулайский завод

Alexey V. Myasnikov

SEC “Encyclopedia of Transbaikalia”
Transbaikal State University,
Chita, Russia

About History of the Emergence of the Copper Industry in Zabaikalye

The article, based on previously unpublished documents kept in the State Archive of Zabaykalsky Krai, describes opening of copper deposits in the Zabaykalsky Krai. The author first introduces into a scientific turn information concerning the organization and activities of Kurunzulaysky copper smelting plant.

Keywords: archival sources, Transbaikalie, copper industry, mine, Kurunzulay plant

Забайкалье славится своими запасами меди. Большая их часть находится на севере края, где разведано Удоканское месторождение – одно из самых крупнейших в мире. Эти богатства стали известны только в XX в. Однако поиски медных месторождений российские рудознаты и горные специалисты вели за Байкалом ещё с начала XVIII в.

Начало разработки и изучения месторождений меди связано с именем воеводы Ф. Качанова. В 1709 г. он получил приказ отправляться в Нерчинск, сменить воевод Петра и Федора Мусиных-Пушкиных и заниматься поиском «золотых, серебряных и медных руд». В 1712 г. служилый человек И. Чмутин объявил ему о нахождении меди на реке Аге. Её долину обследовали рудознаты С. Григорьев и Т. Беляев. Они добыли небольшое количество медной руды и заключили, что открытое здесь месторождение бесперспективно [1, с. 223].

В 1722 г. дополнительные исследования этого месторождения было поручено провести пленному шведу, состоявшему на русской службе, Петру Дамесу. Выполнив поручение, он только подтвердил выводы С. Григорьева и Т. Беляева [9, с. 238–239].

В конце 1720-х гг. в пади Курунзулай было открыто ещё одно месторождение меди. В 1729 г. для переплавки агинских и курунзулайских руд начали строить медеплавильный завод, названный Курунзулайским. Но строительство шло крайне медленно. Только в 1739 г. стараниями знатока горного дела Н. Г. Клеопина и комиссара Утятникова завод начал работать.

Как и все Нерчинские заводы, он представлял собой комплекс промышленных, хозяйственных и жилых построек. Главным производственным объектом была плавильная фабрика, в которой была одна шахтная печь и гармахерский горн, сложенный из горнового камня и кирпича. Здесь же находились погонная, чулан для «чёрной» (т. е. не отделённой от примесей других металлов) меди и мусорник. Кроме фабрики при заводе состояли: изба, в которой были совмещены квартира управителя и заводская контора, изба для рабочих, изба для мастеров, амбар, кузница с двумя горнами, кирпичный сарай, конюшня с 15 стойлами, летний загон для коней. Недалеко от перечисленных строений были вырыты два колодца. От одного из них по десяти желобам подавалась вода. Чтобы такой водопровод действовал и в зимнее время, над колодцем рабочие построили маленькую избушку с глинобитной печью.

Руда на завод поставлялась в основном из находившегося поблизости Курунзулайского

месторождения. Оно разрабатывалось двумя шахтами, над каждой из которых стоял рудо-разборный сарай. Ниже шахт имелась ещё одна небольшая горная выработка, именуемая в документах ямой.

За четыре года, минувших с начала работы, Курунзулайский завод выплавил около 500 пудов, или более 8 тонн меди. Но, несмотря на это, в 1743 г. предприятие пришлось остановить из-за отсутствия качественных руд. Заводское имущество было описано и передано на хранение целовальнику Игнатию Новокрещенову [2, л. 111–113].

Однако поиски медных руд в крае продолжались. В 1744 г. на речке Аленуе, притоке Газимура, был открыт медный прииск. Из его горных выработок было извлечено свыше 130 пудов руды. По результатам лабораторных исследований из 100 пудов руды выходило 30 пудов меди [6, л. 681].

Новое открытие вкрупне с информацией о прежде добытой меди в немалой степени способствовало тому, что горное начальство вновь вспомнило о заведении медеплавильного предприятия. В 1755 г. знаменитый учёный и организатор горного дела И. А. Шлаттер, выдвигая проект увеличения добычи и выплавки серебра в Забайкалье, предложил покрыть расходы на его осуществление за счёт чеканки медной монеты прямо на Нерчинских заводах [7, с. 72–75].

Чтобы реализовать идею Шлаттера, требовалось много меди. Поэтому администрация Нерчинских заводов снарядила новые разведывательные экспедиции. В 1756 г. были выявлены признаки медных руд по Урову. В 1759 г. по реке Будюмкан, впадающей в Аргунь, открыты два прииска – Будюмканский и Лувиканский [8, с. 69]. Со следующего года началась их активная разработка. С мая по август 1760 г. Лувиканский рудник дал 1,5 тыс. пудов руды [3, л. 20]. К 1760 г. в Нерчинском горном правлении имелись сведения о признаках меди на реках Килге, в 5 верстах от Зерентуского рудника, и на реке Аргуни [3, л. 80б].

Возможно, эти открытия дали Сенату основания считать, что на территории Нерчинских заводов «медных руд крайне с довольноностию находится». В 1760 г. Сенат велел Бергколлегии «при тех нерчинских заводах в пристойных местах по способности где медные руды есть как наискорее и не чиня ни малейшаго к тому промедления и упущения времени разрабатывать и для плаву и выковки меди сделать медеплавильные две печи и той меди выплавля сколько возможно содержать при тех Нерчинских заводах и хранить до указу» [3, л. 1]. Указ также предусматривал проведение

разведок, изучение образцов руд и сбор сведений о количестве рудников.

Его исполнение курировал сибирский губернатор Соймонов. Он прислал копию документа Иоганну Баннеру, возглавлявшему Нерчинское горное начальство, и просил «скорейшее и немедленное исполнение во всём немедленно учинить» [3, л. 3].

Зимой 1761 г. по приказу Нерчинского горного начальства в пади Шашкаргачи «на братской степи», на реке Уде, в окрестностях Мангутского рудника и на речке Лувикане проводились небольшие разведывательные работы. Образцы руд, собранные в результате этих экспедиций, были изучены в Нерчинско-Заводской химической лаборатории. Содержание меди в них оказалось от 0,5 до 12 фунтов в пуде руды [3, л. 10об].

Тогда же заброшенный Курунзулайский завод инспектировали Иоганн Баннер и капитан Нерчинской секретной экспедиции Бегунов. Они убедились в сохранности заводских строений, казённого имущества и припасов. Сопровождавший их Федот Базанов вместе с пятью горными служителями осматривал заброшенные выработки вблизи завода и выяснил, что шахты закипели льдом, осыпались, над одной из них сгорел сарай. Иоганн Баннер приказал ему остаться при заводе, расчистить шахты, провести дополнительную разведку и постараться возобновить добычу медной руды.

Осенью 1761 «для подлинного осмотра и свидетельства» на завод прибыли бергмейстер Христиан Леман и капитан Бегунов. Они засвидетельствовали, что команда Базанова не только расчистила шахты, но и приступила к добыче руды. В шахте № 1, как указывалось в рапорте, «работа производилась квершлагами и ортами по медной гнездовой руде» [3, л. 157]. В шахте № 3 руда так же встречалась гнездами. В четырёх верстах восточнее завода, между речками Талман-Борзей и Курунзулаем Базанов, забив шурф, подсёк рудную жилу толщиной в пол аршина. Здесь ему удалось добыть около десяти пудов медной руды. В целом же, базановская команда добыла примерно 820 пудов сырья. Помимо этого, рядом с шахтами лежало свыше 1600 пудов руды, добытой до остановки завода. При самом заводе складировалось примерно ещё 700 пудов руды.

В 1762 г. после ревизии берггешворена Петра Хлебникова чиновники канцелярии решили, что на «Курунзулайских рудниках нет достойных медных руд с таким простиранием, что бы те работы могли впредь выплавою меди окупаться» [3, л. 124об], а потому постановили

их закрыть. Обветшавший Курунзулайский завод решено было не восстанавливать. Его строения разобрали и перевезли на строившийся Борзинский завод, переименованный позднее в Дучарский.

Тем временем ещё продолжалась разработка Лувиканских и Будюмканских приисков. К 1763 г. на них было добыто 14 500 пудов руды.

В 1763 в Забайкалье прибыл новый командир Нерчинских заводов Василий Иванович Суворов, приходившийся двоюродным братом знаменитому полководцу А. В. Суворову. С первых же дней пребывания на новой должности он тщательно изучал ресурсную базу вверенных ему предприятий, вникал в технические и хозяйственные вопросы. Естественно, ему пришлось познакомиться и с медной промышленностью края. Подчинённые доложили В. И. Суворову, что медные рудники почти истощены, а также, что «места здешняя в Даурии имеют свойство к содержанию серебряных руд, а чтоб смешение с ними было медных частей, того ещё не бывало» [3, л. 367]. В 1764 г. В. И. Суворов заключил: «в здешних местах больше к сысканию и разведыванию медных руд надежды конечно нет, а потому и заводу к выплавке меди строить не должно» [3, л. 367]. По его мнению леса, которые уничтожались для потребностей Курунзулайского завода и медных рудников, следовало беречь исключительно для нужд серебряно-свинцовой промышленности. Рабочих, ранее занимавшихся добычей меди, он перевёл на серебряные рудники.

Таким образом, медеплавильное производство края было полностью остановлено, что позволило сосредоточиться на добыче серебра. Отчасти поэтому Суворову удалось достичь рекордных выплавов драгоценного металла.

В 1785 г. член Иркутской казённой палаты, коллежский асессор Яков Граматчиков предпринял попытку возобновить добычу меди в Забайкалье. Для этого он просил начальника Нерчинской области Евстафия Бекельмана начать разрабатывать заброшенные Курунзулайские прииски. В июле того же года Бекельман командировал на Курунзулай унтершхтмейстера Василия Кестнера с командой из 20 рудокопщиков. Кестнер, приехав на место, увидел обвалившиеся шахты и разрушенный завод. Под его началом рабочие расчистили несколько выработок, заложили шурфы вблизи речек Курунзулай, Брекачанка и Курлыча [4, л. 66–185]. С июня 1785 по 15 февраля 1786 г. они добыли 193 пуда руды, из одного пуда которой в среднем выходило чуть более 2 фун-

тов чистой меди. Эти работы были признаны неудачными, вследствие чего Курунзулайские рудники пришлось вновь оставить.

Несмотря на закрытие единственного в Забайкалье медеплавильного завода и рудников вокруг него, специалисты Нерчинского горного округа время от времени продолжали исследования и разработку других медных рудников и месторождений. К примеру, в 1795 и 1796 гг. Будюмканские и Лувиканские прииски дали 3875 пудов руды, причём затраты на добычу составили 281 р. 93 к. [4, л. 683]. В 1799 с Будюмканского прииска было получено 1080 пудов, а с Лувиканского 1450 пудов руды [6, л. 683].

Настоящий всплеск интереса к изучению медных месторождений в крае произошёл при Степане Алексеевиче Аистове, назначенном на должность начальника Нерчинских заводов в 1817 г. Приняв этот ответственный пост, он обратил внимание на то, что в Забайкалье не хватает медной монеты, и просил Кабинет Его Императорского Величества ассигновать заводам от 50 до 100 тыс. р. медными деньгами. Однако из-за того, что точно такие же проблемы ощущались во всей Иркутской губернии, на Нерчинские заводы было выделено только 10 тыс. руб. В 1818 г. Кабинет ЕИВ, учтя, что в Нерчинском округе есть медные рудники, рекомендовал Аистову «обратить деятельнейшее внимание, не будет ли возможности выплавлять там медь; и из оной наделявать собственной медной монеты от 50 до 100 тыс. рублей в год» [5, л. 547об].

Ещё до получения этой рекомендации Аистов организовал разведку медных месторождений, приказал подчинённым изучать заброшенные рудники, возобновил разработку Агинских и Курунзулайских приисков. Работы в последних внушали надежду на успех. С Курунзулая в Нерчинско-Заводскую лабораторию поступали образцы с содержанием меди от 2 до 7¼ фунтов в пуде. Признаки медной руды стали искать даже в рудниках, где традиционно добывались свинцово-цинковые руды с содержанием серебра. Так, в декабре 1818 г. в Павловском руднике Шилкинской дистанции был найден образец руды, в одном пуде которого, по данным Нерчинско-Заводской химической лаборатории, содержалось 8¼ фунтов меди [5, л. 1268]. Дальнейшие поиски медной руды велись в так называемом «зелёном газенге» рудника.

Однако уже к 1820 г. стало понятно, что ни один из известных тогда рудников и приисков не может служить надежной базой для развития медеплавильной промышленности. Со смертью Аистова многие инициированные им исследования прекратились.

Таким образом, в XVIII – первой половине XIX в. горные специалисты установили, что в Забайкалье есть несколько месторождений медных руд, не имевших промышленного значения. Их многолетние исследования давали надежду на то, что в крае будут открыты гораздо более крупные и перспективные месторождения.

Список источников и литературы

1. Балабанов В. Ф. История земли Даурской. Чита: Эффект, 2003. 400 с.
2. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. 31. Оп. 1. Д. 7.
3. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 40.
4. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 241.
5. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 543.
6. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 880.
7. Нестеренко Ю. К. Из серебра домашнего. Чита, 1997. 135 с.
8. Озерский А. Д. Очерк геологии, минеральных богатств и горного промысла Забайкалья. СПб., 1867. 96 с.
9. Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Кн. 2: 1713–1724. № 56 «О рудных промыслах и заводах», VIII. С. 238–239.

УДК 93/94(571.55)

ББК 63.3(0)52(2Рос-4Чит)

Алексей Владимирович Постников

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова

Российской академии наук,

г. Москва, Россия

**Служба П. А. Кропоткина в амурском казачьем войске
и его картографические работы с использованием данных,
полученных у представителей коренных народностей (1862–1867 гг.)¹**

Как и во всех прочих направлениях его многообразной научной и практической деятельности, талант П. А. Кропоткина оставил свой самобытный след в картографии. Наиболее ярко это проявилось в глубокой разработке П. А. Кропоткиным вопросов проектирования и составления географических карт мало исследованных районов с использованием разнородных описательных и картографических материалов, среди которых он одним из первых обратил внимание на ценность знаний местных племён о местности и умении отображать эти знания на картографических схемах, которые он впервые использовал в своих топографических работах в Забайкалье. П. А. Кропоткин много сделал также для широкого внедрения гипсометрического картографирования, как эффективного метода изучения строения земной поверхности, позволившего ему доказательно опровергнуть господствовавшие в то время взгляды Александра Гумбольдта.

Ключевые слова: картография Забайкалья, вклад П. А. Кропоткина, туземцы, их знания о среде обитания и картографические изображения, гипсометрические карты

Alexey V. Postnikov

Russian Academy of Sciences S. I. Vavilov Institute

of the History of Science and Technology,

Moscow, Russia

**Peter Kropotkin's Service in the Amur Cossack Army
and his Cartographical Works with Use of the Data Obtained
from Representatives of Indigenous Peoples (1862–1867)²**

As well as in all other fields of his diverse scientific and practical activities, Petr Kropotkin's talent left the prominent trace in cartography. Most brightly it was shown in deep development by Kropotkin of questions of compiling maps of poor explored areas with use of diverse descriptive and cartographic materials among which he, (one of the first) paid attention to the value of knowledge of local tribes of their lands and ability to display this knowledge on cartographical schemes which Kropotkin for the first time used during topographical surveys in Transbaikal. Peter Kropotkin made also a lot for widespread introduction of hypsometric mapping, as effective method of studying of the structure of a terrestrial surface, which allowed him to revise Alexander Humboldt's views dominating at that time.

Keywords: Transbaikal cartography, Kropotkin's legacy, natives and their geographical perceptions and map images, hypsometric maps

Выдающийся русский геолог и географ, создатель ледниковой теории, выдающийся общественный деятель и революционер, один из лидеров анархистского движения, князь Пётр Алексеевич Кропоткин (1842–1921 гг.) по окончании в 1862 г. Пажеского Его Императорского Величества корпуса добровольно пред-

почёл уготованную ему блестящую придворную карьеру службе в Восточной Сибири и был назначен в Читу в чине есаула чиновником по особым поручениям при исполняющем обязанности губернатора Забайкальской области В. К. Кукеле [1]. В Восточной Сибири и Забайкалье П. А. Кропоткин получил уникаль-

¹ Работа выполнена при содействии Фонда Джона Темплтона.

² This work was assisted by the John Templeton Foundation.

ную возможность изучать природу и общество края в многочисленных служебных полевых поездках, которые он практически проводил как научные экспедиции, во многом сформировавшие его как будущего великого естествоиспытателя. Результаты его исследований нашли отражение в целом ряде полевых дневников, записок и публикаций [см.: 2–5]. Восточно-сибирский период деятельности П. А. Кропоткина исследовался практически во всех посвящённых ему трудах [см.: 6–9].

В широком круге научных интересов и практической деятельности Петра Алексеевича Кропоткина исследователи его творчества до настоящего времени уделяли явно недостаточное внимание вопросам топографии и картографии. Географические карты русского учёного-энциклопедиста хорошо известны в нашей стране и за рубежом, значение их для иллюстрации основных идей и теорий П. А. Кропоткина неоднократно подчёркивалось в трудах историков науки, однако его роль в развитии отечественной картографии никогда не рассматривалась специально. В предлагаемой статье сделана попытка в некоторой степени компенсировать отмеченную лакуну в изучении творчества Петра Алексеевича Кропоткина.

Известно, что основной объём своих обширных и глубоких естественнонаучных знаний князь Кропоткин получил в процессе упорного и целенаправленного самообразования, которым учёный занимался практически всю свою жизнь. Однако следует подчеркнуть, что топографические съёмки и составление карт он на самом раннем этапе деятельности начал отнюдь не с дилетантского уровня. *Alma Mater* Кропоткина – Пажеский Его Императорского Величества корпус – с самого своего основания в 1802 г. давал своим выпускникам глубокую военно-топографическую и картографическую подготовку, являясь одним из центров пополнения гвардейского Генерального штаба русской армии офицерами, одной из основных обязанностей которых были съёмки и картографирование. В 50–60-х гг. XIX в. – в период обучения П. А. Кропоткина – в корпусе преподавались военная топография, топографическое и картографическое черчение, рисование, «конические сечения» (т. е. теория и вычисление картографических, в основном конических, проекций), а также необходимая для обработки результатов геодезических измерений математика, включая дифференциальное и интегральное исчисления [10, с. 90, 164]. По свидетельству самого П. А. Кропоткина основным требованием преподавателя географии в

Пажеском корпусе было составление карт во время урока на классной доске. Для молодого князя это занятие стало одним из самых любимых, причём он с большой охотой брался помогать в изготовлении «картографических пособий» не только для себя, но и для менее усидчивых и способных пажей. П. А. Кропоткин вспоминал в своих мемуарах: «Я с жаром взялся за изготовление карт-шпаргалок, и у меня составилась целый географический атлас в двух или трёх экземплярах. Когда я в полутёмном каземате Петропавловской крепости вычерчивал с претензией на художественность карты Финляндии, не раз повторял я, любуясь своей работой: спасибо Белохе (преподаватель географии в корпусе – А. П.), без шпаргалок я никогда не научился бы так чертить» [5, с. 113–114].

Помимо обширного курса теоретических картографо-геодезических дисциплин, значительное внимание в Пажеском корпусе уделялось полевым топографическим практикам, о чём мы также имеем свидетельство самого Кропоткина: «Как только мы познакомились теоретически с элементарной геометрией, мы тотчас же применяли её в поле при помощи вех, землемерной цепи, а потом с астролябией, компасом или мензулой. После таких наглядных уроков начальная астрономия уже не представляла для нас затруднений, тогда как съёмка планов, как работа в поле, становилась для нас источником удовольствий» [5, с. 136]. Полевые топографические практики пажей проводились в летнем лагере петербургских кадетских корпусов около Петергофа, где, как пишет Кропоткин, пажи «много занимались практической съёмкой. После нескольких предварительных упражнений нам давали буссоль и говорили: “Снимите план этого озера или парка с его дорогами. Измеряйте углы буссолью, а расстояние шагами”. [...] Мне эта съёмка доставляла невыразимое удовольствие. Независимый характер работы, одиночество под столетними деревьями, лесная жизнь, которой я мог отдаваться без помехи, оставили глубокий след в моей памяти. Была интересна и сама работа. Когда я впоследствии стал исследователем Сибири, а некоторые из моих товарищей – исследователями Азии, мы нашли, что корпусные съёмки послужили нам хорошей подготовительной школой» [5, с. 141]. В ходе описанных выше практик пажи учились приёмам рекогносцировочных съёмок, особенно важных при выполнении экспедиционных работ в малоизученных районах. Помимо этого, «в последнем классе три раза в неделю партии пажей из четырёх чело-

век каждая отправлялись в деревни на значительные расстояния от Петергофского лагеря, где делали точные съёмки при помощи мензулы и кипрегеля. Порой наезжали офицеры генерального штаба, чтобы проверить работы и подать кое-какие советы» [5, с. 141].

Полученные в Пажеском корпусе навыки П. А. Кропоткин с успехом применял для съёмки и составления карт во время экспедиций в Сибири и Финляндии, причём совсем ещё молодой исследователь весьма творчески использовал свои топографические знания. Прежде всего это относилось к сбору и использованию исходных материалов для проектирования экспедиционных работ, а также съёмки и составления карт. При выполнении этого ответственного этапа картосоставления проявились столь свойственные Кропоткину-исследователю тщательность и доскональность скрупулёзного выявления, сбора и научного анализа многообразных источников. В этом П. А. Кропоткин, безусловно, действовал в духе богатых национальных традиций полевого картографирования, требовавших исчерпывающего выявления всех возможных для картосоставления материалов. Однако среди материалов такого рода, использовавшихся князем Кропоткиным, мы встречаем, в частности, и такие нетривиальные для того периода источники, как географические и картографические навыки и картографические изображения сибирских племён. Нельзя исключить и того, что возможности привлечения таких сведений стали известны П. А. Кропоткину благодаря знакомству с опубликованными трудами и рукописными материалами его предшественников, путешествовавших по Сибири, в частности академика А. Ф. Миддендорфа, который пользовался картографическими рисунками эвенков [11].

Так или иначе, практика использования туземных географических материалов для проектирования экспедиционных работ и составления карт была сильно расширена П. А. Кропоткиным, который, в частности, писал: «Когда я готовился к [Олекминской] экспедиции, мне попала среди другого материала, собранного на олекминских приисках М. В. Рухловым [...] небольшая карта, вырезанная тунгусом (т. е. эвенком – А. П.) ножом на куске бересты. Эта берестяная карта (она, между прочим, является отличным примером полезности геометрической способности даже для первобытного человека и могла бы поэтому заинтересовать А. Р. Уоллеса¹) так поразила меня своей

очевидной правдоподобностью, что я вполне доверился ей и выбрал путь, обозначенный на ней, от Витима к устью большой реки Муи» [5, с. 206]. В ходе Олекминско-Витимской экспедиции и при составлении её итоговой карты П. А. Кропоткин неоднократно прибегал к географическим сведениям, почерпнутым у местного населения, причём на основании опыта их использования он сформулировал чёткие практические рекомендации по привлечению таких данных для составления географических карт. Так, в «Отчёте об Олекминско-Витимской экспедиции» Кропоткин следующим образом характеризует географические навыки тунгусов (эвенков) и возможности их использования: «Замечу, кстати, насколько можно полагаться на определения ими расстояний, если только понимать их способ выражения расстояний, которые выражаются, как известно, в днях хода (почему всегда бывает нужно допросить – какого хода, предложить тунгусу известное расстояние и спросить его, сколько тут было бы хода, если бы дорога была такая же, как по речке, длину которой требуется определить, и т. д. Г. Маркелов иногда достигает этого истолкования в совершенстве... Вообще, расстояния довольно надёжны, вся беда только в том, что тунгусы, когда чертят на бумаге (или бересте) взаимное расположение рек, либо вовсе не обозначают изгибов, если они незначительны, либо преувеличивают их, если изгибы круты» [12, с. 153–154]. Сам П. А. Кропоткин составил «десяток расспросных карточек, обозначающих притоки Муи, Цыпы, Ушоя и т. д. [...] по расспросам у тунгусов», причём карточки эти он вычерчивал в необходимом масштабе непосредственно в поле и тут же представлял их на просмотр и исправление своим информантам. Особенно высоко оценивал Кропоткин представленную ему М. В. Рухловым небольшую карту, «составленную по расспросам у тунгуса Павла Романова Максимова, изображавшую путь, которого следует держаться, чтобы пройти через Мую на Бомбуйко. Эта карточка не могла не внушить к себе доверия: тунгус, по-видимому очень хорошо знавший места, подробно обозначил, по каким рекам и ручьям следует идти до Муи, обозначил даже взаимные расстояния. Сумма этих расстояний очень близко сходилась с тем, что гласили наши карты, и разница была так ничтожна, что невольно заставляла верить карточке» [12, с. 27]. В целом ни до П. А. Кропоткина, ни после него географические навыки и картографические изображения,

¹ Альфред Рассел Уоллес (англ. *Alfred Russel Wallace*; 8 янв. 1823, Аск, Монмутшир, Уэльс – 7 нояб. 1913, Брод-

стон, Дорсет, Англия) – британский натуралист, путешественник, географ, биолог и антрополог.

бытовавшие у сибирских племён, не подвергались столь детальному анализу и не использовались в качестве материала для составления карт так широко и успешно.

Проблема анализа источников картосоставления является вообще одной из ключевых в Отчёте об Олекминско-Витимской экспедиции. Этой проблеме посвящена здесь целая глава «О составлении карты», представляющая собой, по существу, одну из первых в отечественной научной литературе картоведческую работу. В главе подробно изложены сведения о материалах, использованных при составлении «Карты части Олекминско-Витимской горной страны, составленной при Строевом отделении Окружного штаба Восточной Сибири под руководством есаула Кропоткина и подпоручика Вялова по материалам, имевшимся в 1867 г.» (масштаб 1:1 680 000, т. е. 40 верст в английском дюйме). Следует заметить, что на самой этой карте помещены сведения об использованных при её создании опорных маршрутах (специальными линейными знаками показаны «тунгусские тропы и маршруты поисковых партий и экспедиций» и «тунгусские тропы, про которые известно, что они существуют, но точное положение которых неизвестно»). Помимо этого, специально для отображения относительной точности этой карты в различных её частях П. А. Кропоткин включил в рамки геологического «Маршрута от Тихоно-Задонского прииска на р. Ныгри до деревни Подволочной на р. Чите» врезную «Карточку для показания степени достоверности материалов, на основании которых составлена Карта Олекминско-Витимской горной страны» (масштаб 160 верст в дюйме). На этой карточке выделены районы инструментальной съёмки, маршрутных съёмок, «мало заслуживающих доверия», а также «районов, известных по расспросам или рукописным маршрутам», причём «пространства, на которых не имеется никаких сведений, оставлены белыми». Картограмма надёжности включает, помимо этого, точки с барометрически определёнными высотами, полные астропункты (пункты, на которых из астрономических измерений определены как широта, так и долгота), а также пункты, где астрономически были определены лишь географические координаты широты.

Наиболее детальные сведения об источниках карты и методах её составления помещены, как уже отмечалось, в специальной главе отчёта, где П. А. Кропоткин, в частности, указал, что в качестве основы им была использована семилистовая карта, составленная по

результатам Сибирской экспедиции 1855–1859 гг. её «математическим отрядом» под руководством Л. Э. Шварца [подробнее об этой экспедиции см.: 15, с. 65–67]. Однако нанести на эту карту полученные во время Олекминско-Витимской экспедиции новые сведения «оказалось почти невозможным», так как большая часть территории, обследованной П. А. Кропоткиным, была «представлена на карте г. Шварца на основании неполных и иногда неточных данных, которыми он мог располагать во время составления своей карты». В то же время, говоря о пользе приблизительных карт, П. А. Кропоткин писал: «Замечу только, что если бы мы не имели в руках карты г. Шварца, которая могла бы служить нам для контролирования расспросных карточек, то мы или вовсе не выполнили бы возложенного на нас поручения, либо, забившись на Нечатку и к Куськендэ, полуголодные вышли бы в Нерчинский округ, объявили бы, что прогон скота невозможен, и ещё лет на десять задержали бы знакомство с этой страной. А если бы мы не имели расспросных карточек, то отдались бы в руки первого подвернувшегося жоака и шли бы туда, куда он вздумал бы нас вести, – на Куськенде так на Куськендэ, на Мую так на Мую, и трудно сказать, чем бы кончилась наша экспедиция» [12, с. 125]. Здесь Кропоткин развивает традиционные для российской географии принципы использования и создания карт на основе привлечения комплекса источников, как геометрически точных (съёмочных), так и рекогносцировочных (маршрутных съёмок и расспросов). При этом он подчёркивал, что «полезна и неточная карта малоизвестной страны, **лишь бы было известно, насколько она неточна, насколько можно ей верить** (выделено мною – А. П.)» [12, с. 125]. Именно для этого Кропоткин даёт описание методов составления карты и прилагает упомянутую выше картограмму «с показанием степени достоверности материалов, послуживших для её составления».

Основную массу источников карты П. А. Кропоткина составили все предоставленные в его распоряжение Строевым отделением Окружного штаба съёмки и карты, хранившиеся в архиве этого отделения, среди которых им особо отмечена рукописная десятивёрстная карта Забайкальской области, на которой в Строевом отделении наносилась вся новая географическая и съёмочная информация, являвшаяся своего рода «дежурной» картой Забайкалья. Наряду с картографическими, широко использовались описательные источники, среди которых, помимо рассмотренных

выше данных опросов местного населения, П. А. Кропоткин упоминал «громадный маршрут англичанина Тикстона вверх по Чаре и т. д. без съёмки с записью приблизительных направлений и расстояний» [12, с. 153]. Непосредственно во время экспедиции топографическую съёмку проводил специально назначенный для этого топограф Машинский, причём «подробности вычерчивались аккуратно в тот же день». Геологическую и частично топографическую съёмку выполнял и сам Кропоткин. Однако основная, творческая роль его заключалась в составлении итоговых картографических материалов экспедиции, для чего им были глубоко проанализированы и сопоставлены все экспедиционные и камеральные источники; предпочтение отдавалось инструментальным и наиболее свежим документам. Полный список использованных материалов приведён П. А. Кропоткиным в его «Отчёте...».

Для дальнейшего совершенствования картографического отображения исследованного им района П. А. Кропоткин предлагает также нетривиальный для того времени способ: он обратился к золотопромышленникам Сибири с просьбой, «чтобы в каждой партии постоянно, ежедневно записывалось, по какой речке шли в течение дня, куда впадает эта речка (в какую реку и в каком месте; например, в стольких-то верстах выше устья реки, или ниже впадения в неё такой-то известной реки), длинна ли она, с какою другою речкою сходятся её вершины, нет ли там перевала куда-нибудь; если есть, то удобен ли он и т. д., и тоже записывать для притоков, отмечая [...] названия притоков и приблизительные расстояния между их устьями [...] если же сверять свои определения с определениями расстояний, делаемых тунгусами, то погрешность будет весьма малая» [12, с. 17].

Составленная П. А. Кропоткиным «Карта части Олекминско-Витимской горной страны...» стала первым шагом молодого учёного к пересмотру господствовавших в то время представлений о строении горных систем Азии. Вторым шагом Кропоткина на этом пути, знаменовавшим собой обобщение более высокого уровня, было создание им «Орографического очерка Минусинского и Красноярского округа Енисейской губернии» [13]. Причём, если к отчёту об Олекминско-Витимской экспедиции он составил общегеографическую карту, на которой рельеф изображён весьма генерализованно с помощью отмывки, то «Гипсометрическая карта Минусинского, Красноярского и части Канского округов», приложенная к «Орографическому очерку...», является те-

матической картой, специально посвящённой рельефу. Следует заметить, что гипсометрические карты, как способ отображения превышений земной поверхности над выбранным начальным уровнем (за который чаще всего принимался уровень мирового океана), с выделением различными средствами высотных слоёв (послойной окраской, штриховкой и т. п.) появились в конце XVIII в. во Франции, однако лишь к 1850-м гг. гипсометрические карты различного масштаба становятся относительно обычными в европейских странах [16]. В России этот вид тематического картографирования широкую известность приобрёл после издания в 1889 г. «Гипсометрической карты Европейской России», составленной А. А. Тилло. Таким образом, «Гипсометрическая карта Минусинского, Красноярского и части Канского округов» П. А. Кропоткина была одной из первых, а для Восточной Сибири – первой в своём роде. Эта карта замечательна ещё и тем, что её составление, а также использование свидетельствует об активном творческом привлечении П. А. Кропоткиным картографического метода в географических исследованиях. Если рассмотренная выше карта Олекминско-Витимской экспедиции, подводя итог картографического изучения территории, была в известной степени самоцелью исследований П. А. Кропоткина, то «Гипсометрическая карта Минусинского, Красноярского и части Канского округов» послужила основой дальнейших глубоких обобщений молодого учёного, позволивших ему в конце концов опровергнуть взгляды великого Александра Гумбольдта на строение горных систем Азии.

При составлении «Гипсометрической карты...» П. А. Кропоткин использовал каталог барометрически определённых высот, опубликованный в приложении к «Отчёту об Олекминско-Витимской экспедиции». На карте разной плотностью штриховки выделены высотные зоны: от 0 до 1000 англ. футов, от 1000 до 2000, от 2000 до 3000, от 4000 до 6000 и свыше 6000 футов. Из-за явно недостаточной плотности высотных точек карта довольно схематична, гидрография не везде хорошо согласована с рельефом, что, кстати, отмечал и сам Кропоткин, не считавший возможным проводить «укладку» изогипс при отсутствии для этого достаточного количества точек с барометрически определёнными высотами над уровнем мирового океана. Основные орографические формы, благодаря удачно выбранной шкале высот, выделяются на карте чётко, причём безошибочно прослеживается прости-

рание основных поднятий с юго-запада на северо-восток.

Следует подчеркнуть, что сам по себе «Орографический очерк Минусинского и Красноярского округа Енисейской губернии» составляет нераздельное целое с «Гипсометрической картой...», иллюстрирующей её, свидетельствуя при этом, насколько глубокий картоведческий анализ был проведён П. А. Кропоткиным при составлении карты и выработке основных обобщений об орогидрографическом строении изученного им края. Так, делая вывод о господствующем простирании основных морфоструктур и морфоскульптур, Кропоткин опирается на изучение карт, причём отмечает, что выявленные им характерные особенности восточноазиатских рек всё с «большей и большей отчётливостью» проступают на картах «по мере того, как увеличивается число более достоверных съёмок». Этот вывод сделан им с учётом сравнения «прежних карт Восточной Сибири, например Миддендорфа, сделанной раньше работ Сибирской экспедиции, с картою г. Шварца. Читатель увидит при этом, какое множество рек: Витим, Муя, Ципа, Тунгир, Олекма и пр., и пр. – вытянулось в ю. з.-с. в. направлении. Это очевидно даже на самой карте Шварца, где во многих местах, нанесённых по расспросам, реки ещё бегут как попало; там же, где они нанесены по съёмкам, они уже приняли это направление или разбились на перпендикулярные колена в упомянутых выше направлениях. То же видно и при сравнении карт Северной Енисейской тайги – у Шварца, у Кривошапкина и у Латкина» [13]. Опровергая воззрения А. Гумбольдта на существование меридионального кряжа в районе Кузнецкого Алатау, П. А. Кропоткин, опираясь на сведения академика Г. Палласа (конец XVIII в.), выявляет чёткие признаки хребта ю. з.-с. в. простирания.

Непосредственным продолжением рассмотренной работы и научным обобщением более высокого уровня явился «Общий очерк орографии Восточной Сибири» [14]. В своём обращении к Королевскому Географическому обществу в Лондоне П. А. Кропоткин следующим образом охарактеризовал источники этой работы: «Шварц дал мне все оригинальные метеорологические дневники членов Сибирской экспедиции, так же как и его собственный, очень ценный дневник экспедиции Агте (1851 г.) [капитан Генерального штаба Н. Х. Агте (1815–1867)]. Используя вдобавок к ним все опубликованные барометрические наблюдения, а также выполненные во время моих путешествий, я вычислил каталог около 800 высот... С

помощью высот я подготовил несколько профилей Сибири. Затем, используя все подлинные данные путешествия, я нанёс на большую карту Шварца все орографические и геологические заметки, которые имелись в этих записях; и когда я видел, что путешественник пересёк горный хребет, который имеет такое-то орографическое и такое-то геологическое строение, я старался обнаружить, какие из хребтов, пересечённые другими путешественниками в сотнях миль далее к востоку или западу, наилучшим образом отвечают тому же строению и характеру. Я шёл, короче, строго индуктивным путём» [цит. по: 21, с. 79]. Но, как замечает П. А. Кропоткин, «каждое индуктивное исследование так же руководствуется дедуктивными гипотезами». Одной из самых сильных гипотез того времени была система Гумбольдта, представлявшего горные страны Азии в виде сети хребтов, протягивающихся по меридианам и параллелям. Поэтому Кропоткин и старался «долгое время заставить плато и горные хребты Северной Азии расположиться в соответствии с системой Гумбольдта, особенно в связи с тем, что Гумбольдт основывал свои построения на тщательном изучении старинных [XVIII в. – А. П.] и современных (XIX в.) китайских карт». Однако после двух лет скрупулёзной и обескураживающей работы П. А. Кропоткин обнаружил, что собранная им с таким трудом информация не укладывалась в какую-либо схему, базирующуюся на системе А. Гумбольдта. В течение многих месяцев он бился над этой проблемой, пока не увидел внезапно её решение так ясно, «как будто оно было освещено лучом света». Он понял, «что основные структурные линии Азии протягиваются не на север и на юг или запад и восток; они ориентированы с юго-запада на северо-восток – так же, как в Скалистых горах и плато Америки, линии ориентированы с северо-запада на юго-восток; только хребты второго порядка отходят в направлении северо-запада. Более того, горы Азии не являются скоплением независимых хребтов, подобно Альпам, но подчинены обширному плато – древнему континенту, который когда-то протягивался в направлении к Берингову проливу. Высокие краевые хребты нагромоздились вдоль его очертаний, и в течение веков из моря поднялись террасы, сформированные более поздними отложениями, увеличившие таким образом ширину этого примитивного костяка Азии» [цит. по: 21, с. 79–80].

Впервые эти представления П. А. Кропоткина нашли наиболее полное выражение на «Карте южной половины Восточной Сибири,

части Монголии, Маньчжурии и Сахалина» (масштаб 1: 720.000), приложенной к его «Общему очерку орографии Восточной Сибири». На этой карте фоном разного цвета, штриховкой и условными знаками выделены следующие орографические элементы: низменности (зелёный фон), плоские возвышенности (зелёная штриховка), «нижнее плоскогорье» (коричневая штриховка), «высокое плоскогорье» (коричневый фон); альпийские горные страны, в которых более тёмным цветом обозначены предполагаемые гребни хребтов (оранжевая штриховка, в сочетании со штриховым изображением горных хребтов); окраинные хребты плоскогорий (коричневая штриховка цветом, отличающимся от принятого для плоскогорий, двух разных плотностей); хребты, лежащие обеими подошвами на плоскогории (нагромождённые) (коричневая заливка по штриховке окраинных хребтов плоскогорий); глубоко врезающиеся в плоскогорье долины больших рек («въезды на плоскогорье») (штриховка типа отмывки цветом плоскогорий). Благодаря этой удачно разработанной системе условных обозначений карта очень хорошо читается, и П. А. Кропоткину удалось добиться даже некоторой пластичности изображения, обеспеченной хорошо выбранной гипсометрической шкалой в сочетании со штриховым изображением основных долин и хребтов. Высотные зоны в легенде карты не оговорены, но нанесены точки с барометрически определёнными превышениями над уровнем моря.

Рассказывая о составлении им этой карты, П. А. Кропоткин подчёркивает «громдную разницу между изложением общих орографических выводов и составлением гипсометрической карты. В гипсометрической карте нельзя ограничиться заявлением, что такая-то река тут-то выходит из гор: нужно показать ещё, как далеко заходит такая-то горизонталь по долине реки и т. д. Сопоставление различных маршрутов и описаний в большинстве случаев даёт возможность провести такую линию приблизительно верно (как я убедился в этом при составлении гипсометрической карты Минусинского, Красноярского и Ачинского округа); но легко понять, какая это громадная работа, особенно когда недостаток материалов приходится пополнять мелочным взаимным контролем не совсем точных данных, вычислением возможного падения рек и т. д. — известно, что при составлении карты гораздо легче свести много верных съёмок, особенно имея достаточно астрономически определённых точек, чем свести несколько расспросных карточек,

особенно когда нет точек, на которые можно опереться» [14, с. 6–7].

Карта южной половины Восточной Сибири, части Монголии, Маньчжурии и Сахалина коренным образом изменила представления о строении поверхности Азии: некоторые горные хребты, подобные Становому, который многие годы был объектом художественного воображения картографов, были уменьшены до небольших цепей, в то время как для других, подобных Большому Хингану, было доказано совершенно иное, нежели первоначально предполагалось, общее направление. Сам П. А. Кропоткин рассматривал свою орографическую схему Азии и связанные с ней палеогеографические построения как свой «главный вклад в науку», вклад, в оценке высокого значения и оригинальности которого мировое научное общество абсолютно единодушно до сего дня. Ценность «Карты южной половины Восточной Сибири...» была сразу же после её опубликования Императорским Русским географическим обществом в 1873 г. признана ведущим немецким картографом Августом Петерманном, который взял её за основу при составлении своей карты Азии в атласе Стилера, и, таким образом, она была воспринята и последующими картографами, многие из которых не имели ни малейшего представления о происхождении этой картографической концепции до тех пор, пока П. А. Кропоткин не воспроизвёл свою теорию в докладе Королевскому Географическому обществу в Лондоне в 1903 г. [21], а также в опубликованной на французском языке в Брюсселе книге «Орография Сибири» [19] и статьях в лондонском «Geographical Journal» [18, 19] и в приложенных к этим работам картах.

Последним крупным картографическим трудом П. А. Кропоткина был составленный им в качестве приложения к «Исследованиям о ледниковом периоде» альбом карт и чертежей [20]. Крупномасштабные карты в этом альбоме с изображением рельефа в штрихах составлены Кропоткиным на основе карт съёмок Межевого управления (Управления съёмки земель) Финляндии масштаба 1:8000, которые он уменьшил до масштаба 1:16 000 и добавил на них «все топографические подробности... на месте глазомерно, с помощью буссоли и анероида». Примером такой полевой топографической работы П. А. Кропоткина может служить карта «Оз Пунгахарью по съёмкам Межевого управления Финляндии с глазомерным нанесением топографических подробностей» (вкл. III в альбоме карт и чертежей).

Завершая рассмотрение роли картографии в творчестве П. А. Кропоткина, можно с уверенностью констатировать, что и в картографии, как и во всех прочих направлениях его многообразной научной и практической деятельности, талант учёного-энциклопедиста оставил свой самобытный след. Наиболее ярко это проявилось в глубокой разработке П. А. Кропоткиным вопросов проектирования и

составления географических карт малоисследованных районов с использованием разнообразных описательных и картографических материалов, а также – в широком внедрении гипсометрического картографирования, как эффективного метода изучения строения земной поверхности, позволившего ему доказательно опровергнуть господствовавшие в то время взгляды Александра Гумбольдта.

Список источников и литературы

1. Константинов М. В. Кропоткин Петр Алексеевич // Малая энциклопедия Забайкалья. Международные связи / под ред. Р. Ф. Гениатулина. Новосибирск: Наука, 2012. 325 с.
2. Кропоткин П. А. Поездки из Забайкалья на Амур через Маньчжурию // Русск. вестн. 1865. № 6.
3. Кропоткин П. А. Дневник. М.; Пг.: ГИЗ, 1923. 291 с.
4. Кропоткин П. А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 192 с.
5. Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1966. 269 с.
6. Петр Алексеевич Кропоткин – гуманист, учёный, революционер: сб. тез. Всерос. науч. конф. Чита, 2–4 дек. 1992. Чита, 1992.
7. Константинов М. В. Оракулы веков: Этюды об исследователях Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. 105 с.
8. Маркин В. А. Неизвестный Кропоткин. М.: Олма-Пресс, 2002. 302 с.
9. Константинов М. В. П. А. Кропоткин в Чите // Пётр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2005.
10. Левшин Д. М. Пажеский Его Императорского Величества Корпус за сто лет. 1802–1902. СПб.: Изд. Пажеского Юбилейного Комитета, 1902. 796 с.
11. Василевич Г. М. Древние географические представления эвенков и рисунки карт // Известия ВГО. 1963. Вып. 3. С. 306–319.
12. Кропоткин П. А. Отчёт об Олёмкинско-Витимской экспедиции // Записки ИРГО по общей географии. 1873. Т. 3. С. I–XI, 1–681.
13. Кропоткин П. А. Орографический очерк Минусинского и Красноярского округа Енисейской губернии // Записки ИРГО по общей географии. 1875. Т. 5. С. 93–140.
14. Кропоткин П. А. Общий очерк орографии Восточной Сибири // Записки ИРГО по общей географии. 1875. Т. 5. С. 1–94.
15. Сухова Н. Г. Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX в. М.; Л.: Наука, 1964. 190 с.
16. Cartographical innovations: An international handbook of mapping terms to 1900. Tring: Map Collecublications Ltd., 1987.
17. Kropotkin P. Orographie de la Sibérie: Précédée d'une introduction et d'un aperçu de l'orographie de l'Asie. Bruxelles, 1904.
18. Kropotkin P. The orography of Asia // Geographical Journal. 1904. Vol. 23, Feb. P. 176–207; March. P. 331–361.
19. Kropotkin P. The orography of Asia / P. Kropotkin // Geographical Journal. 1904. Vol. 24, Aug. P. 463–566.
20. Kropotkin P. Orographie de la Sibérie: Précédée d'une introduction et d'un aperçu de l'orographie de l'Asie. Bruxelles, 1904.
21. Woodcock G., Avakumovic I. The anarchist prince. New York, 1971.

УДК 94:327(571.55:510)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит:5Кит)-1-6

Сергей Анатольевич Жданов

*Пограничное управление ФСБ России по Забайкальскому краю,
г. Чита, Россия*

Становление российско-китайской границы и формирование пограничной стражи на забайкальском участке в XVIII–XIX вв.

В статье исследуется история формирования забайкальского участка российско-китайской границы на рубеже XVIII–XIX вв. Освещены ключевые события и документы, связанные с определением линии прохождения государственной границы между Россией и Китаем в рассматриваемый период. Показаны основные этапы становления пограничной охраны на забайкальском участке российско-китайской границы. Обоснована актуальность обращения к истории развития взаимоотношений двух соседних государств, охраны ими государственных рубежей.

Ключевые слова: Забайкалье, российско-китайская граница, демаркация, Нерчинский, Айгуньский, Пекинский договоры, Забайкальское казачье войско

Sergey A. Zhdanov

*Border Department of Federal Security Service
of Russia in Zabaikalsky Krai,
Chita, Russia*

The Establishing of the Russian-Chinese Border and the Formation of Border Guard on the Trans-Baikal Area at the Turn of the XVII–XIX Century

The article is devoted to the history of formation of the Transbaikalian segment of the Russian-Chinese border at the turn of XVIII–XIX centuries, illuminated key events and documents related to determination of the route of the state border between Russia and China in the period under consideration. The main stages of formation of the border guard on the Trans-Baikal area of the Russian-Chinese border. The urgency of the appeal to the history of the development of relations between the two neighbouring States, the protection of their state borders.

Keywords: Zabaikalye, the Russian-Chinese border, demarcation, Nerchinsk, Aigunsky, the Beijing Treaty, the Zabaikalye Cossack host

Границы между государствами формируются веками и, как правило, отражают пределы расселения различных народов, отличающихся друг от друга этнографически, экономически и в культурном отношении. В границах своих территорий государства осуществляют свою власть, что является частью их суверенитета.

Границы России и Китая сложились давно, история российско-китайских межгосударственных отношений охватывает свыше трёх столетий. Ещё в начале XVII в. русские первопроходцы начали активное освоение земель в Забайкалье, на Амуре и в Приморье, в местах, где условия жизни были благоприятными. Обживались обширные земли юга Сибири и Дальнего Востока, малонаселённые тогда местными племенами. В XVIII–XIX вв. значи-

тельно усилились экономические и культурные связи этих территорий с центральными районами России, они становятся неотъемлемой частью единого Российского государства. Уже к концу первой четверти XVIII в. русские составляли не менее 70 % всего населения Сибири.

К середине XVII в. территорией российских владений стало Забайкалье. Населявшие край бурятские племена, а также различные группы тунгусов (старое название эвенков, употреблявшееся до 20–30-х гг. XX в.) нашли спасение в России от монгольских кочевников и притеснений с их стороны. Утверждение России в Забайкалье вплотную подводит её к бассейну Амура. С завершением присоединения Приамурья в состав Российского государства вошли огромные территории земель к востоку

от Аргуни до большого Хиньтана и простиравшиеся до Татарского пролива. В XVIII в. происходит окончательное утверждение русских на Дальнем Востоке. В это время ими осваиваются Камчатка, Сахалин, Южные Курилы. На освоенных территориях русскими первопроходцами были основаны крупные поселения – Якутск, Иркутск, Нерчинск, Хабаровск и другие.

Российская империя в своём продвижении на восток постепенно приходила в соприкосновение с китайским государством. В августе 1689 г. состоялось подписание Нерчинского договора – первого в истории российско-китайских отношений.

В оценках роли и значения Нерчинского договора до сих пор наблюдаются серьёзные расхождения в работах как отечественных, так и китайских аналитиков. Часть отечественных исследователей считает, что договор был неравноправным для России, он «нанёс колоссальный ущерб развитию России как не столько азиатской, сколько тихоокеанской державы». Среди исследователей китайской стороны бытует точка зрения, согласно которой договор, напротив, был неравноправным для Китая [3, с. 15, 17; 7, с. 123]. Но нельзя в этой связи не отметить, что Нерчинский договор стал первым в истории России и Китая договором о межгосударственных отношениях. Он действительно был несовершенен – скорее лишь с позиции оценок современной дипломатии. На деле договор носил исключительно мирный, компромиссно-уступчивый со стороны России характер. Главное заключалось в том, что обе стороны получили несомненную выгоду. Угроза большой войны на Дальнем Востоке и опасность удара Китая по российским территориям договором устранялись. Договор предусматривал урегулирование пограничных споров только мирным путём и устанавливал принцип равноправия торговли для обеих сторон.

Дальнейшее развитие российско-китайских отношений, в том числе на забайкальском участке границе, совпало с деятельностью талантливой русского посла в Китае Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского. Вопросы о необходимости охраны новых российских пограничных рубежей, сибирских, дальневосточных земель для русского правительства между тем не существовало. В апреле 1724 г. был объявлен сенатский Указ «О строении по границам Сибири крепостей для защиты сибирских заводов». В документе сибирскому губернатору указывалось, что для защиты заводов, слобод и деревень необходимо построить на границе крепости редуты, форпосты, а также

возвести искусственные заграждения и прочие инженерные сооружения. В целях усиления охраны границы в регион были направлены подразделения драгун.

Указ 1724 г. стал одним из основополагающих документов, регламентирующих строительство системы оборонительных сооружений на рубежах юга Сибири. В дальнейшем эта система получила название «Сибирская линия» [1, л. 7–9].

В 1727 г. в Забайкалье граф С. Л. Владиславич-Рагузинский начал официально установление границы с Китаем. Прежние попытки завести серьёзные связи с самолюбивым и осторожным соседом не во всём устраивали Россию. Китайцы не соблюдали условий достигнутых договоренностей полностью, русские купцы из пределов Монголии и Китая высылались восвояси. Всё, что удалось добиться специальной миссией Рагузинского, в сущности, было подготовлено Петром I, но осуществлено уже после его кончины.

Много месяцев миссия Рагузинского провела в Китае, обговаривая пункты соглашения, натерпелась унижений и волокиты, переезжала с места на место. Наконец в августе 1727 г. соглашение было заключено и вошло в историю как Буринский договор. Стороны подписали его на реке Буре, в восьми верстах от Кяхты. По нему определялась южная граница России. Русским купцам позволялся проезд внутрь соседней территории, а для торговли решено было поставить в двух местах пункты, по одному с каждой стороны, которые могли бы поддерживать между собой постоянные связи.

Выбор с русской стороны такого пункта на реке Кяхте был особым условием Рагузинского. Город закладывался не на полноводных Селенге или Чикое, а на маленькой речушке не случайно. Осторожный, учитывающий каждую мелочь русский посол выбрал речку, текущую не из Китая, а в Китай. Скорее всего, он опасался коварства соседей, которые могли отравить воду.

Так, на речушке Кяхте появилась крепость, ставшая затем городом Троицкосавском. Рядом возникла торговая слобода, целью которой было прежде всего обеспечение дела, выгодной торговли. Не город правил слободой, а слобода городом. Она давала работу, открывала училища, строила храмы, была законодательницей вкусов. Рядом со слободой богател и город. Постепенно название Троицкосавск сменилось на Кяхту.

Кяхта занимала особое место в российско-китайских торговых отношениях. Единственная в России она смогла вытребовать

себе право быть самоуправляемым городом. Город являлся не только крупным торговым центром, но одновременно стал выполнять роль важного оборонительного пограничного укрепления. В обязанности назначаемого в Кяхту пограничного губернатора входило разрешение недоразумений, возникавших между двумя государствами, а также связанных с контрабандой. В значительной мере это диктовалось тем, что с присоединением Забайкалья к Российскому государству край становится своеобразным центром пересечения дипломатических и торгово-экономических связей, что позволило заявить о себе как о перспективном в политическом и экономическом значении крупном российском регионе. После нормализации положения на забайкальском участке границы край становится главным направлением для поддержания межгосударственных отношений и торгово-экономических связей России и Китая [6, с. 46–47].

Всё это усилило роль и значение деятельности пограничной службы (или стражи) Забайкалья. Вдоль границы с Китаем и Монголией стали образовываться казачьи поселения. Забайкальские служилые люди вместе с казаками несли пограничную службу. Со второй половины XVII до начала XVIII в. они отражали вооружённые набеги монголов, производили разведку о настроении ясачного населения и зарубежных соседей, выставляли дозоры и отъезжие караулы для своевременного обнаружения «воровских мунгол», сами наносили, нередко в союзе с российскими подданными бурятами и тунгусами (эвенками), превентивные или ответные удары по «немирным» кочевникам.

В 1764 г. вышел очередной императорский указ «О невступлении российским людям с китайцами в торг, кроме учреждённых Кяхтинского и Цурухайтуевского форпостов». Всем приграничным жителям было велено, если китайские пограничники «о вымене харчевых припасов на товары просить станут, в ответ говорить, что и сами русские охоту имеют с ними торговать, токмо без приглашения обоих государств не смеют». Указом забайкальская пограничная служба наделялась дополнительными полномочиями в деле охраны государственной границы и наведения необходимого порядка в приграничной полосе. На границу направлялись специальные караулы, имевшие предписание пресекать незаконные торговые операции. Если нелегальные торговые сделки разоблачались, они заканчивались судом.

Окончательный порядок службы на забайкальском участке границы был определён указом Иркутской канцелярии от 14 декабря 1731 г.

В целом система охраны пограничных рубежей после разграничения сводилась к наблюдению путей выдвижения нарушителей по долинам рек, между горными цепями. Эта задача была возложена на 25 караулов, размещённых вдоль границы на расстоянии 2000 вёрст. Иногда промежутки между ними составляли по 100–200 вёрст. При каждом карауле состояло 5–10 юрт (семейств) тунгусов или бурят. Границу обозначали маяками, представляющими собой курганы из камней. Забайкальские казаки не несли постоянной службы, как, например, донские, уральские, оренбургские или терские. Но они впервые в России применили способ вспашки линии границы для обнаружения признаков её нарушений. Этой работой занимались казачьи дети в возрасте 12–14 лет.

Пограничные «инородцы» наблюдали, чтобы пограничные маяки были исправны, перебежчиков и воров ловили, держали под караулом и доносили о них в Нерчинскую воеводческую канцелярию и в Селенгинск – в пограничное управление.

Русских казачьих караулов Нерчинского пограничного управления было двенадцать. Они располагались в трёх местах – в 500–600 верстах от тунгусских караулов. Три караула Селенгинского управления были тоже заняты русскими казаками. Здесь солдаты и драгуны отправлялись в разъезды между Селенгой и Чикоем для пересечения воровства и контрабанды.

Казаков, охранявших границу от монгольских набегов, именовали «караульскими». Они ставили караулы за рекой, чтобы обезопасить себя от нападения. Так как граница проходила на удалении до 20, а местами и до 50 вёрст, от караулов выставлялись пикеты. В случае тревоги население по сигналу с пикета могло укрыться и приготовиться к отражению набега монголов.

Ссоры между казаками и инородческими пограничными охранниками разбирал остерегатель, а более важные дела в Нерчинском уезде – нерчинский комиссар, в особых случаях – Иркутская провинциальная канцелярия и даже сибирский губернатор.

С русской стороны надзор за границей был поручен двум чиновникам-пограничным дозорщикам. Чиновник восточной линии, от Кяхты до Цурухайтуя, подчинялся пограничному управлению в Селенгинске, западной – Иркутскому воеводству. Пограничные дозорщики пресекали воровство и беспорядки на границе, разбирали недоразумения и смотрели, чтобы нигде, кроме Кяхты и Цурухайтуя, не производилась торговля. Они же следили, чтобы ни с китай-

ской или монгольской, ни с российской стороны не было перебежчиков.

Дозорщик имел право увеличивать караулы, где было нужно, просить комиссара о высылке казаков для установления караулов. В непроходимые места и высокие горы, где не было караулов, он высылал разъезды. Если через горы проехать было невозможно, то объезжали с русской стороны, не нарушая границу – от маяка до маяка по тропе. Объезд делали ежегодно, чтобы граница не затерялась и чтобы перебежчики не кочевали бы в пустых русских землях.

Жить на самой черте границы никому не разрешалось, чтобы избежать пограничных ссор, угона скота и тому подобного. Кочевать разрешалось только в нескольких верстах с границы. Дозорщики – русские, китайские и монгольские – улаживали пограничные недоразумения вместе. В особых случаях русские дозорщики за разрешением вопроса обращались к своему руководству. Ежегодно после объезда границы пограничные дозорщики доносили письменно селенгинскому пограничному управителю и иркутскому воеводе о состоянии пограничных дел.

Обязанности забайкальской пограничной стражи определялись специальными инструкциями. Стража должна была не допускать незаконные переходы границы людьми и «воровской» отгон скота как с русской территории в Китай и Монголию, так и в Россию, смотреть о «перехожих следах и о прочих указах противных непорядках». Ей предписывалось строго следить за тем, чтобы «мунгалы на пустых землях между маякам российскую землю не занимали», а русско-китайская торговля шла в специально отведённых для этого местах – Кяхте и Цурухайтуе; контрабандистов же следовало ловить и сдавать с товаром пограничным властям. В инструкциях строго предписывалось «никому никаких обид, разорения, притеснения и огорчения отнюдь не чинить, взяткам и подарками ни на одну копейку ни за что не касатца». За упущения по службе пограничным служителям грозили «указным штрафом, истязанием и всего имения лишением».

Кроме того, в обязанности стражи входил сбор сведений о ситуации в Монголии и Китае («о мунгальских обхождении, намерениях, о собрании войск и о воровских партиях») путём «ласковых расспросов караульных с противоположной стороны». Данная обязанность пограничной стражи имела особое значение, поскольку с «мунгальской», а впоследствии всё более с китайской стороны торговыми, служивыми и другими людьми в соответствии с вы-

даваемой им «секретной пекинской инструкцией» проводилась в русской территории работа по сбору сведений о политике русского правительства на Востоке [4, л. 20–23].

В 60-х гг. XVIII в. создаётся бурятское и тунгусское казачество. Эти народы и раньше вместе с русскими принимали участие в охране границ. Из их числа формировались дружины, которые несли караульную службу. Так, в южных и юго-восточных районах края восемь тунгусских родов несли службу в 10 пограничных пунктах. Они принимали участие в отражении набегов монгольских феодалов и вылазок маньчжурских войск. Теперь дружины были реорганизованы в казачьи полки. Казаки-«инородцы» освобождались от платежа ясака и получали 6 р. жалованья в год. Но срок службы не был определён. В отставку увольнялись только дряхлые старики. Военная служба считалась обязательной для бурят и эвенков, причисленных к казачьему сословию. Во главе казачьего войска стояли выборные атаманы, есаулы, сотники, пятидесятники и десятники. Все они подчинялись пограничному начальству. Фактически на всех командных должностях находились представители знати, а главные атаманы назначались по наследству.

Каждое лето из Айгуня, Мергена и Цицикара посылались чиновники с солдатами для осмотра границ. Одна партия ходила из Айгуня по рекам Амуру и Шилке вверх по реке Горбице, а другая – из Мергена сухим путём до верховья Аргуни и по юго-восточному берегу вниз по её устью. У устья Горбицы и на месте старого острога ставили деревянные столбы с надписью на маньчжурском языке – с указанием года, месяца и числа осмотра границы, фамилией осмотрителя. Делались столбы из берёзы, так как другого дерева в здешних местах не было. Надпись выполнялась чернилами, тушью или ножом.

До конца XVIII в. русское правительство, занятое войнами со Швецией, Пруссией, Турцией, остерегаясь осложнений в отношениях со своим восточным соседом, не возвращалось к этой проблеме. Но процесс дальнейшего экономического развития сибирских и дальневосточных территорий Российского государства, а также военно-стратегические интересы на Дальнем Востоке настойчиво выдвигали её в повестку дня. Для России было крайне необходимо освоить путь по Амуру для сплава продовольствия и других припасов на побережье Охотского моря, Камчатку и на русские территории в Америке. В условиях, когда английские, американские и французские военные корабли стали свободно плавать у китайского

побережья, а Китай начал превращаться в полуколониальную страну, российское правительство всерьёз занялось проблемами Восточной Сибири и Дальнего Востока. Принимались практические меры к возвращению Амура и Приамурья, обеспечивавшие оборону российских территориальных владений на востоке, в первую очередь на побережье Охотского моря и Тихого океана.

25 июля 1851 г. между Россией и Китаем был подписан в Кульдже трактат о торговле, заложивший правовую основу официальных российско-китайских отношений на границе России. С этого периода в русско-китайских отношениях приобретает всё большее значение торговля. В середине XIX в. на торговлю с Китаем приходилось 60 % всего русского вывоза и 43,8 % ввоза на азиатской границе России. Меновая торговля велась через Кяхту, главным торговым и административным центром был Иркутск. Однако торговля по-прежнему велась преимущественно на китайских рынках, что серьёзно сдерживало развитие забайкальского и в целом сибирского рынка.

Развитие Забайкалья и Дальнего Востока в середине XIX в. связано с именем генерал-лейтенанта Николая Николаевича Муравьёва-Амурского, чья четырнадцатилетняя деятельность на посту генерал-губернатора Восточной Сибири (1847–1861) сопоставима разве что с географическими открытиями и реформами великих русских государей – таких как Петр I, Екатерина II. В первые два года правления Муравьёв объехал все свои владения, побывал во всех небольших городах Забайкалья, Приамурья и Приморья. Он первым высказал идею создания Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) для охраны восточных рубежей России. В своём рапорте от 15 мая 1849 г. он так определил перспективу будущего военного формирования: «Если бы заняли устье Амура, водрузив наше знамя, то забайкальское войско доставило бы 10 тысяч русских военных поселян-колонистов для немедленного занятия левого берега Амура от Горбицы до Лимана и для образования укрепленной границы поселением там казачьих станиц. Прибрежные леса Шилки, Онона и Ингоды дали бы возможность соорудить плоты для сплава казаков со скотом и скарбом».

В декабре 1849 г. Муравьёв представил императору в Петербург обстоятельный документ на сей счёт. За два года губернаторства он уже сориентировался в обстановке и подробно изложил свой проект. 11 июля 1851 г. царским указом была учреждена Забайкальская область и утверждён проект создания

ЗКВ. Административным центром области стала Чита.

ЗКВ уже после Муравьёва подверглось некоторым реорганизациям. Пограничные казаки составляли пограничную стражу и находились в ведении Троицкосавского пограничного управления, которое подчинялось Главному управлению Восточной Сибири. Стража состояла из 900 русских пограничных казаков, из четырёх шестисотенных и одного пятисотенного тунгусских полков. Она разделялась на три отделения – Цурухайтуйское, Харацайское и Тункинское. Каждое отделение управлялось пограничным приставом, назначавшимся иркутским гражданским губернатором из русских казачьих чиновников. Бурятские и тунгусские полки управлялись избранным из их среды атаманом, тоже с утверждения губернатора. Сотнями заведовали бурятские и тунгусские сотники, пятидесятники и десятники, замещавшиеся по наследству.

Пограничное управление состояло из председателя (пограничного начальника), одного советника и шести заседателей. Оно ведало всеми пограничными караулами и разъездами, наблюдало за их исправностью и пресечением беспорядков на линии. В уголовных делах суду Пограничного управления подлежали все русские чиновники, старшины «инородческих» полков и все казаки.

Граф М. М. Сперанский ввёл для забайкальских казаков гражданское устройство, подчинил их гражданским властям. Даже атаманы, сотники и хорунжие полков состояли в гражданских чинах 9, 12 и 14-го классов. На казаков возлагались преимущественно гражданские полицейские обязанности и наблюдение за границей с Китаем. После реформы Сперанского забайкальские казаки, неся пограничную службу, подчинялись гражданскому начальству, вышли из состава вооружённых сил.

Вторая «опиумная» война и захват английскими войсками Кантона (Гуанчжоу) заставили цинское правительство поспешить урегулировать свои пограничные споры с Россией с целью иметь руки свободными против западных держав и тайпинов. В этих условиях в мае 1858 г. между генерал-губернатором Н. Н. Муравьёвым и цинским уполномоченным – амурским цзяньцзюнем (командующим) И Шанем начались переговоры об установлении границы на ранее фактически неразграниченных землях. Переговоры проходили в условиях, когда, по признанию многих высших сановников цинского правительства, разрыв с Россией из-за Амура был бы губителен для Китая. 16 мая 1858 г. Айгуньский договор был подписан.

Подписание Айгуньского договора означало провал попыток английских дипломатов привлечь внимание цинского двора на север, ослабить Китай и обострить его отношения с Россией. Договор закрывал доступ английским, французским и американским судам в Амур и впервые ясно и определённо устанавливал границу: «По рекам Амуру, Сунгари и Уссури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств, всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно» [8, с. 29–30]. Вскоре после заключения договора (2 июня 1858 г.) он был ратифицирован в Пекине императорским указом. Русский царь так же утвердил этот договор, о чём в китайский трибунал был послан лист об обнаружении текста договора в пограничных местностях.

Через две недели после заключения Айгуньского договора уполномоченные российского и китайского правительств подписали в городе Тяньцзине трактат об общих принципах взаимоотношений между двумя странами. Тяньцзинский трактат основывался на условиях договоров и определял характер политических взаимоотношений между Россией и Китаем. В соответствии со статьёй трактата, касавшейся пограничных вопросов, дополнительно предусматривалось, что «неопределённые части границ между Китаем и Россией будут без отлагательства исследованы на местах доверенными лицами от обоих Правительств и заключённое ими условие о граничной черте составит дополнительную статью к настоящему трактату. По назначении границ сделаны будут подробное описание и карты смежных пространств, которые и послужат обоим Правительствам на будущее время бесспорными документами о границах».

Окончательное решение этого вопроса было возложено на дипломатическую миссию графа Н. П. Игнатьева. Благодаря его деятельности 2 ноября 1860 г. был подписан Пекинский договор. Он подтверждал, развивал и пояснял Айгуньский договор и Тяньцзинский трактат, регулировал отношения между Россией и Китаем, определял восточные и в основном намечал западные границы двух государств.

Формально Пекинский договор считался дополнительным, подтверждавшим и пояснявшим Айгуньский договор и Тяньцзинский трактат, но фактически имел самостоятельное значение, так как подводил итоги важному этапу российско-китайских отношений. Заключение договора явилось завершением разграничительных работ между Россией и Китаем на

Дальнем Востоке. Договором провозглашалось, что «граничная линия навеки не должна быть изменена». Достигнутое соглашение способствовало развитию и в дальнейшем мирных отношений между народами обеих стран [8, с. 35].

В последующие годы вплоть до начала XX в. между Россией и Китаем в порядке уточнения некоторых положений Пекинского договора 1860 г. был подписан ряд соглашений и протоколов, дополняющих основные положения этого договора.

Айгуньский, а затем Пекинский договоры закрепили за Россией верховья Амура и Уссурийский край. Без единого выстрела, мирным путём в состав России вошли огромные территории, равные половине Европы. Россия окончательно вышла к берегам Тихого океана.

В соответствии с Пекинским договором на границе между Россией и Китаем, от реки Уссури до реки Тумыньцзян, были проведены совместно с китайской стороной демаркационные работы. Совместная топографическая экспедиция провела установку пограничных столбов и составление топографических карт на полосу государственной границы. Так была установлена и полностью демаркирована российско-китайская граница на её восточной части.

Последние изменения на забайкальском участке государственной границы Российской империи и Китая совпали с началом Синьхайской революции, которая ликвидировала 267-летнее господство маньчжурской династии Цинов и провозгласила Китайскую Республику. 7 декабря 1911 г. был подписан Цицикарский протокол. Этим международно-правовым актом была подтверждена и уточнена линия прохождения границы между Россией и Китаем по реке Аргунь, установленная Нерчинским договором, и на протяжении 90 км к западу от неё до горы Тарбага-Даху, установленная Кяхтинским трактатом.

В истории российско-китайских отношений Забайкалью выпала роль особой исторической площадки, надёжного исторического бастиона на восточных рубежах России. В процессе становления отношений России и Китая шло формирование и развитие государственной системы пограничной службы на российско-китайской границе, в том числе на её забайкальском участке. Между Россией и Китаем был заключён целый ряд договоров, соглашений и трактатов по вопросам о русско-китайской границе. Базовыми среди них явились Нерчинский, Айгуньский и Пекинский договоры, создавшие изначально «каркас» будущего

здания российско-китайских межгосударственных отношений. Важность других договорных актов состояла в том, что они достраивали правовую базу, на которой сооружалось всё здание взаимоотношений, приграничного и межрегионального сотрудничества двух соседних государств, их делового взаимодействия по охране пограничных рубежей.

В истории нередко бывает так, что всякое новое – это хорошо забытое старое. Многие сегодня в приграничном и межрегиональном сотрудничестве Забайкалья и КНР напоминают то, что имело место в прошлом, но иногда оказывается забытым. Это обстоятельство усиливает интерес к истории отношений Забайкалья и Китая.

Список источников и литературы

1. АВПРИ (Архив внешней политики Рос. империи). Ф. 62. Оп. 62/1. Д. 18 (1727).
2. 80 лет на страже восточных рубежей Родины. Чита: Экспресс-изд-во, 2010. 135 с.
3. Гордеев Н. В., Васильев Г. В. Проблемы приграничного сотрудничества России и Китая: история и современность: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. 85 с.
4. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. 231. Оп. 1. Д. 27.
5. Малая энциклопедия Забайкалья. Международные связи. Новосибирск: Наука, 2012. 749 с.
6. Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область. Т. 1 / под ред. И. И. Кириллова. Чита: Экспресс-изд-во, 2007. 172 с.
7. Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М.: Астрель: Аст: Ермак, 2004. 511 с.
8. Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М.: Вост. лит., 1958. 467 с.
9. Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897. 241 с.

УДК 94(571.55)
ББК Т3(2Рос-4Чит)

Роман Артурович Евтехов

*Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

Организационно-штатная структура полиции городов Забайкалья в XIX веке¹

В статье освещаются основные сведения о штате имперской полиции городов Забайкалья. Сравнивается состав городских полиций, их организационные особенности и соответствие численности населения городов. Кроме этого, охарактеризована общая штатная структура полиции после проведения реформ 60-х гг. XIX в.

Ключевые слова: полиция, города Забайкалья, городничий, штат полиции, реформирование, пожарная охрана

Roman A. Evtehov

*Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

The Organizational Structure of Police in Transbaikal in the XIX Century²

The report highlights the key information about the state of the imperial police Transbaikal cities. It compares the structure of the city police of their organizational characteristics, and compliance with urban population. In addition, characterized the new staffing structure of the police reforms after 60 years of the XIX century.

Keywords: police, Transbaikal city, the chief of police, state police, reform, fire protection

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских учёных МК-8975.2016.6. «Государственные институты управления Российской империи в освоении Забайкальского трансграничья (вторая половина XVIII – начало XX в.).»

² The work was supported by the grant of Russian President for young Russian scientists МК-8975.2016.6. "Institutes of Public Administration of Russian Empire in developing of Transbaikalian transboundary (second half of XVIII – early XX centuries).

Полиция – один из важнейших институтов регулирования общественных отношений, который в России приобрёл наиболее резонансное положение благодаря узости непосредственного штата и чрезмерной широте компетенции. Показательным является период XIX в., на протяжении которого совершались попытки найти наиболее оптимальный вариант её организации и компетенции. Изменения полиции этого периода были довольно частыми и, как правило, больше касались адаптации штатной и внештатной организации к местным условиям. Недостаточность штатов и жалования полицейских при чрезмерном функционале – одна из наиболее обсуждаемых проблем в литературе. Поэтому, на наш взгляд, рассмотрение организационно-штатной структуры городской полиции городов Забайкалья является актуальным.

Являющаяся детищем реформаторской деятельности Петра I, получившая наибольшее развитие при Екатерине II, полиция была одной из важнейших опор абсолютной монархии, стремившейся вмешиваться и регламентировать все стороны жизни общества. Подстроенная под идею регулярного государства, полиция была призвана обеспечивать послушание в обществе, подчинение интересам вертикали власти и сохранение политической стабильности. Важность такого органа, особенно в условиях удалённости и приграничья, заключалась в исполнении не только полицейских функций, но и административно-контролирующей, а также распорядительной. Например, указы и распоряжения по городским вопросам от губернского правления направлялись именно в полицию [4, л. 76] для исполнения городничим, комендантом или комиссаром.

Территориально Забайкальская область, образованная в 1851 г., относилась к окраинам Российской империи и была слабо урбанизирована. В начале XIX в. все города этой области имели особые городские полиции, устроенные в разное время и на различных основаниях. Их штатные структуры к середине XIX в. претерпели определённые изменения и существенно различались, отражая уровень развития городов. Организация первых регулярных штатов полиции в городах Забайкалья осуществлялась в течение второй половины XVIII в. и представляла собой создание штата полицейских служителей для сохранения благочиния в наиболее крупных центрах. В связи с тем, что гражданское управление за Байкалом оставалось малочисленным, особые полицейские правления первоначально формировались в недрах наиболее распространённых на

тот момент военных управлений городами. В последней трети XVIII столетия начался процесс постепенного вывода полиции из гарнизонной структуры и приобретения ею самостоятельного штата. Законодательной основой для повсеместного создания городской полиции стал «Устав Благочиния» 1782 г.

Об общей организации полиции в городах Забайкалья в первой половине XIX в. могут рассказать сами полицейские. Реформы 60-х гг. имперское правительство проводило с оглядкой на существовавшую действительность, о чём свидетельствует дело № 510, фонда № 1 – Забайкальское областное правление (ГАЗК). Дело сформировано по запросу департамента исполнительной полиции на сбор сведений о составе и организации городских полиций в 1862 г. Характеристику общей структуры полиции по материалам дела с небольшими дополнениями можно применить и к первой половине XIX в., так как организационно-штатная структура городской полиции Забайкалья подвергалась лишь незначительным коррективам. Ведомости содержали также данные о числе жителей и объёме городских доходов. Полиция финансировалась городами, и правительство пыталось установить потребность в её штатах согласно численности населения и платёжеспособности городов. Сведения, полученные из этих документов, позволяют в общих чертах обрисовать организационную структуру полиции до вступления в действие «Временных правил по устройству полиции в Сибири» (1867). В деле имеются сведения лишь о городах Верхнеудинск, Чита, Нерчинск и Баргузин, поэтому сведения о городах Селенгинск и Троицкосавск изъяты нами из ежегодных отчётов [3, л. 1].

Верхнеудинск в отличие от других городов Забайкалья располагался наиболее близко к губернскому центру, занимая выгодное положение на пути «Запад – Восток», и поэтому сформировался как торгово-перевалочный пункт с населением 4497 чел. и городскими доходами 24 798 р. (1862). Отдельный штат городской полиции, учреждённый 10 октября 1798 г. комендантом С. А. Константиновым (указ Иркутского губернского правления от 28 августа 1798 г.) [5, с. 27], а затем преобразованный в городовую управу (1822). Штат Верхнеудинской городской управы состоял из городничего (жалование в год 400 р.), трёх отделов – столов (служители которых получали каждый по 200 р.), двух квартальных надзирателей (по 125 р.), письмоводителя (200 р.) и столоначальника (120 р.). На содержание канцелярии расходовалось 400 р. в год. При поли-

ции в разное время состояло 4–9 нижних служителей (по 5 р. 14 к. каждому), унтер-офицеров не было. Городничий Ф. В. Куркин не посчитал достаточно важным отметить вклад городских жителей в поддержание полицейского порядка, в то время как городское общество ежегодно избирало из своей среды десятников. Справедливости ради стоит отметить, что соображения сиюминутной выгоды приводили к замене выборных от города воинскими чинами, в результате чего число десятников варьировалось. Говоря о стоимости содержания пожарного обоза (294 р. 13 к.), городничий заявлял об отсутствии при полиции Верхнеудинска пожарной команды [1, л. 11], забыв при этом сообщить, что пожарная охрана в Верхнеудинске состояла из вольнонаёмных служителей, т. е. горожан.

Город Баргузин [1, л. 14] к этому времени окончательно захирел и лишился даже стабильных признаков города, таких как наличие особой городской полиции, однако официально статус города ещё не был утерян. В Баргузине проживало 1022 чел., а годовой доход города составлял всего 489 р. Земский исправник сообщал, что благочиние города находилось в ведении земской полиции, а содержание какой-либо особой пожарной охраны не предусматривалось. В схожей ситуации оказался Селенгинск, который так же переживал не лучшие времена. Население города составляло всего 629 мужчин и 542 женщины. В городе полицейской властью был наделён городничий, пожарной команды не имелось, а пожарные инструменты хранились при городничем в правлении, в случае пожара местные жители являлись с предписанными им пожарными инструментами [3, л. 54–56]. Отсутствие исполнительных чинов полиции побуждало горожан избирать в помощь городничему десятских. В 1863 г. Селенгинск из разряда заштатных переведён в уездный город с назначением округа. До этого времени за благочинием на окружающих город территориях наблюдал Верхнеудинский земский суд. 24 февраля 1864 г. образован Селенгинский земский суд, который в результате объединения с городской полицией 1 января 1868 г. был преобразован в окружное полицейское управление [2, л. 256], поддерживавшее порядок и благочиние среди населения уже не только города, но и уезда.

Население города Нерчинска в 1862 г. составляло 3844 чел., доход – 9066 р. [1, л. 7]. Штат городской полиции ограничивался городничим и одним отделом-столом. Содержание канцелярии обходилось в 675 р., из которых выплачивались деньги на отопление и освещение

здания полиции, а также жалование письмоводителю, двум писцам и на канцелярские расходы. На содержание пожарного обоза тратилось 252 р. Пожарной команды в городе не было, но при инструментах состоял один машинщик, два конюха и шесть десятских, избираемых на полгода из числа городских жителей, которые при необходимости составляли пожарную команду и совершали ночные обходы города. По высочайше утверждённым 6 декабря 1856 г. штатам Нерчинск был лишён возможности обзаведения квартальным надзирателем.

Иным на этом фоне предстаёт положение полиции городов Читы и Троицкосавска. Имевшие статус областного центра и пункта приграничной торговли соответственно, эти города сохраняли особую городскую полицию. Несмотря на то, что Чита в этот период была небольшим городом с населением в 3020 чел. и доходом 13 011 р. в год, штат полицейского благочиния состоял из статусной должности полицеймейстера, который назначался преимущественно в крупных, губернских городах, и квартального надзирателя. Чита получала особую городскую полицию благодаря статусу, которому соответствовало и жалование служителей полиции. Так, жалование полицеймейстера, обеспечивавшееся казной, составляло 900 р., в два с лишним раза больше, чем у городничего, а квартальный города Читы в свою очередь получал в два раза больше, чем квартальные в других городах Забайкалья. Всего на содержание полиции в городе вместе с затратами на канцелярию (1130 р.), в числе которых было жалование секретаря (400 р.), расходовалось 2400 р. Большая часть средств на содержание полиции выделялась казной, и только 120 р. – из доходов города. Вклад горожан в поддержание порядка выражался также в избрании двух нижних служителей из числа горожан, в ведомости остались не отмечены воинские чины при полиции.

В Троицкосавске с населением около 4 тыс. чел. также назначался полицеймейстер, ему в помощь определялись два квартальных надзирателя, секретарь, из нижних чинов – унтер-офицер и девять рядовых казаков, а при пожарной охране – два унтер-офицера (брандмейстеры) и одиннадцать рядовых. Кроме того, Кяхтинская ратуша ежегодно избирала трёх десятников-посыльных [3, л. 291]. Отметим, что самый большой аппарат городской полиции, укомплектованный действующими воинскими чинами, являвшимся внештатными, был в Троицкосавске. Наибольшее же число штатных чинов служило в полиции Верхнеудинска.

Показательным является разнообразие учреждений, производивших сбор сведений и составлявших ведомостей. Сведения по городу Нерчинску и Селенгинску отосланы городской полицией за подписью городничего, Верхнеудинску – городской управой за подписью городничего, Баргузину – земским исправником, Чите – исполняющим должность полицеймейстера, Троицкосавску – полицеймейстером. Многообразие ответственных организаций и лиц свидетельствует о неоднородности в организации и штатах полиции в соответствии с местными городскими условиями. Поэтому, на наш взгляд, говоря о существовании стремления имперской власти к единообразию во всём, всё же стоит делать хронологическую оговорку, что реализация этого происходила уже во второй половине XIX в. Полиция городов Забайкалья, два из которых имели особое административно-статусное положение, учреждалась в соответствии с разными штатами, как правило, по санкции и на усмотрение губернского правления. Несмотря на чётко прописанные ЕИВ указы об организации полиции, на местах её устройство производилось с определённой долей гибкости соответственно местным условиям. Это ещё раз свидетельствует о сильной губернаторской власти на местах, которая в силу своего понимания проблемы и сложившихся законодательных лазеек проводила организацию полиции по своему усмотрению и фактически по индивидуальным штатам.

Законом от 12 июня 1867 г. «О преобразовании полиции в Сибири» бывшие до этого особые городские полиции Забайкалья были упразднены, регулируемые ими вопросы переданы нижним земским судам, которые преобразованы в окружные полицейские управления. Полицейские управления были выстроены единообразно и различались лишь числом штатных служащих, что было обусловлено объективными причинами. В Забайкалье были организованы окружные полицейские управления в Чите, Верхнеудинске, Баргузине, Троицкосавске, Селенгинске, Нерчинске, Акшинске, а также в Нерчинско-заводском округе. Особые городские полицейские управления сохранялись в статусных городах – Чите и Троицкосавске.

Окружные управления состояли из присутствия окружных исправников, их помощников, секретарей, канцеляристов, заседателей и полицейских надзирателей, столоначальников и журналистов. Кроме того, в управление входили медицинские чины (окружной и городской врачи, повивальная бабка и т. д.), окружные стряпчие, землемеры, соляные приставы,

смотрители училищ и др. Городские полицейские управления оставались немногочисленными, так как города всё же были небольшими и включали полицеймейстера, двух полицейских надзирателей, секретаря и других состоящих в штате чиновников. В Троицкосавске и Верхнеудинске кроме прочих штат включал переводчика с монгольского. Одним из самых крупных по штату оказалось Верхнеудинское окружное полицейское управление, что было обусловлено территорией округа и его населением. Наиболее незначительным по объёму штата стало Баргузинское окружное управление, в котором уже не было ни своего землемера, ни стряпчего, должности которых исполнялись верхнеудинскими чиновниками. В Баргузине, как и в Селенгинске, не предусматривалась должность городского врача, что свидетельствует в целом о несоответствии этих центров фактическому статусу города. Организационно-штатная структура полиции городов Забайкалья претерпела существенные изменения в ходе реформы середины XIX в. Причины реорганизации полиции определялись как политическими мотивами – коренное изменение общественных отношений и форм их контроля, так и экономическими – адаптация штатов полиции к местным условиям малых городов, а также желание преобразовать все органы полиции по единому образцу. Необходимо отметить разнообразие форм организации городской полиции до реформы 1867 г., которые допускались законодательной традицией Екатерининской эпохи, губернаторские полномочия позволяли создавать полицию в штате гражданского либо военного управления, соответственно местной надобности. Анализ штатов городской полиции первой половины XIX в. свидетельствует о том, что фактически все более или менее крупные центры имели самостоятельные, хоть и малоуплотненные штаты полиции. Реформы 60-х гг. XIX в. окончательно создали самостоятельную структуру полиции по округам и уездам, уже не разделяя небольшой город и прилежащие к нему территории. Объединение в большинстве земской и городской полиции было продиктовано сокращением избыточного делопроизводства и большей слаженностью его работы в обеспечении благочиния. С одной стороны произошла оптимизация полицейского штата в небольших городах, с другой – сохранялись отдельные штаты городской полиции, что было продиктовано скорее не их особой необходимостью, а лишь высоким статусом города в административно-территориальном устройстве империи.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. 1. Оп. 1. Д. 510.
2. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1729.
3. ГАЗК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9.
4. ГАРБ (Гос. архив Республики Бурятия). Ф. 88. Оп. 1. Д. 716.
5. Евтехов Р. А. Учреждение Верхнеудинской городской полиции в 1798 г. // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2015. № 3(30). С. 25–31.
6. Паликова Т. В. Социальное, экономическое и культурное развитие городов Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... д-ра. ист наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2011. 495 с.
7. Паликова Т. В. Русско-Восточное сотрудничество во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманит. иссл. Внутр. Азии. 2014. № 2. С. 4–11.
8. Феоктистов С. Ф. Реформа органов полиции в Сибири во второй половине XIX в. // Изв. Иркут. гос. экон. акад. (Байкал. гос. ун-т экон. и права) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=18439> (дата обращения: 05.02.2016).

УДК 94(571.55)
ББК Т3(2Рос-4Чит)

Людмила Мусалимовна Карчанова

Государственный архив Забайкальского края,
г. Чита, Россия

**Революционеры-петрашевцы на Нерчинской каторге
в документах Государственного архива Забайкальского края**

В статье на основе документов Государственного архива Забайкальского края рассмотрено пребывание революционеров-петрашевцев на каторге в Нерчинских заводах в 1850–1856 гг. Автор также охарактеризовал административную деятельность Забайкальского областного правления и Главного управления Восточной Сибири середины XIX в.

Ключевые слова: петрашевцы, каторжные работы, Достоевский, Забайкальская область, Манифест о помиловании от 26 августа 1856 г., ссылка

Lyudmila M. Karchanova

Zabaykalsky krai State Archive,
Chita, Russia

**Petrashevtsy Revolutionaries at the Nerchinsk Hard Labor
in the Documents of Zabaykalsky Krai State Archive**

On the basis of archival documents stay of Petrashevists revolutionaries in prison at the Nerchinsk factories (1850–1856 yy) considered. The administrative activities of Transbaikal Oblast Board and the Eastern Siberia headquarters of the middle XIX century touched upon.

Keywords: Petrashevtsy, hard labor, Dostoevsky, Transbaikal oblast, Manifest for a pardon of 26 August 1856, exile

В Государственном архиве Забайкальского края хранится объёмный комплекс документов, отражающих пребывание пяти петрашевцев на Нерчинской каторге – Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского, Фёдора Николаевича Львова, Николая Александровича Момбелли, Николая Александровича Спешнева и Николая Петровича Григорьева. Петрашевцы – общепринятое название участников собраний по имени лидера этих кружков Буташевича-Петрашевского, которые в 1849 г.

были осуждены, а в 1850 г. приговорены в бессрочные и срочные каторжные работы в Сибирь.

17 февраля 1850 г. в Александровский завод прибыла первая партия ссыльнокаторжных: Буташевич-Петрашевский на каторжные работы без срока, Львов сроком на 12 лет и Григорьев – на 15 лет. Следом в каторжные работы поступили: Спешнев – на 10 лет и Момбелли – на 15 лет. [3, л. 58–59]. Этому предшествовал арест, восьмимесячное заточение в

казематах Петропавловской крепости, приговор генерал-аудиториата, инсценировка публичной казни. Кружок Петрашевского не был оформленной организацией. Он, главным образом, носил просветительский характер. Участниками «пятниц» в доме Петрашевского были люди образованные, и многих привлекала его обширная библиотека, часть которой состояла из запрещённых в России книг по истории революционных движений, утопическому социализму и материалистической философии. На пятничных собраниях у Петрашевского горячо обсуждались наиболее социальные и политические вопросы, преследование цензурой, бремя крепостного права, коррупционность чиновничества. Взгляды и убеждения петрашевцев колебались от либеральных до весьма радикальных. Любимый девиз Петрашевского гласил: «Да свершится справедливость, пусть даже погибнет мир», Львов же признавался: «Я люблю реформы, потому что ненавижу революции». Из петрашевцев, отбывавших каторгу и ссылку в Восточной Сибири, наиболее радикальными были Момбелли и Спешнев, которые организовали свои, более закрытые, научно-литературные кружки. Третьему отделению собственной Его Императорского Величества Канцелярии о подобных собраниях было хорошо известно. Царская жандармерия наблюдала и собирала через тайных агентов информацию о «пятницах» Петрашевского и других кружках. Облавам, под руководством управляющего III отделением Л. В. Дубельта, в ночь с 22 на 23 апреля 1849 г. подверглись сразу несколько десятков участников кружка Петрашевского. Всего по делу Петрашевского следственная комиссия составила алфавитный список из 252 чел., но многие в ходе следствия были признаны не виновными. «Сходбища» петрашевцев были квалифицированы как заговор идей, заслуживающий наказания смертной казнью. 19 декабря генерал-аудиториат – высший судебный орган, приговорил к расстрелу 21 петрашевца. Однако по высочайшей конфирмации смертная казнь была отменена, но Николай I, в отместку за свой страх перед революционным движением, заставил пережить петрашевцев страшные минуты предсмертной душевной муки. После вынесения приговора 22 декабря 1849 г. на Семёновском плацу с инквизиторской театральностью была проведена инсценировка публичной казни. После чего Петрашевского здесь же, на плацу, заковали в кандалы и в сопровождении жандарма и фельдъегеря в арестантской кибитке отправили в Тобольский приказ о ссыльных. Через несколько дней двумя партиями на Нерчинскую каторгу увезли

ещё восемь человек, остальных петрашевцев развезли по всей Российской Империи. Дело Петрашевского вошло в историю не столько за революционно-демократические идеи, сколько из-за жестокого обряда инсценировки публичной казни, которой они подверглись. Достаточно того, что Николай Григорьев, который после одиночного заключения в Петропавловской крепости повредился в уме, после инсценировки казни совсем лишился рассудка. По словам Ф. М. Достоевского, осуждённые петрашевцы пережили «десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти». Кружок петрашевцев вошёл в русскую историю, в том числе, из-за участия в нём будущего великого писателя Фёдора Михайловича Достоевского. К тому времени молодой писатель уже был широко известен своим романом «Бедные люди», получившим высокую оценку литературного критика В. Г. Белинского, а незадолго до ареста опубликовал повесть «Белые ночи». Единственным обвинением, предъявленным Достоевскому, кроме простого посещения кружка Петрашевского, было чтение вслух знаменитого, но запрещённого письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю. В 1847 г. появилась печально-знаменитая книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой он выступил не как прежде – обличителем крепостного права, а как реакционный публицист, провозглашавший помещика отцом крестьян. Уже тяжело болевший Белинский на эту книгу откликнулся гневным письмом, которое было воспринято как революционный манифест и, конечно, не могло пройти цензуру для печати. Это письмо, разошедшееся в многочисленных копиях, и было прочитано Ф. М. Достоевским 15 апреля 1849 г. на очередной пятнице у Петрашевского, т. е. за неделю до облавы и арестов. Фактически к смертной казни Достоевский был приговорён только за чтение письма Белинского. В Государственном архиве Забайкальского края хранится «Дело об отправлении в Нерчинский горный завод для употребления в каторжную работу преступников», где в «Списке злоумышленников, кои по Высочайшей о них конфирмации лишены всех прав состояния и назначены в каторжную работу» значится «отставной поручик Достоевский – в каторжную работу в крепостях на четыре года с определением потом на службу рядовым» (см. рис. 1) [4, л. 58–59об.].

Достоевский не был самой заметной личностью среди петрашевцев, но, став великим русским писателем и автором «Записок из Мёртвого дома», он очень выпукло выделился на фоне всех петрашевцев. Хотя каторгу Достоевский отбывал не в Восточной Сибири,

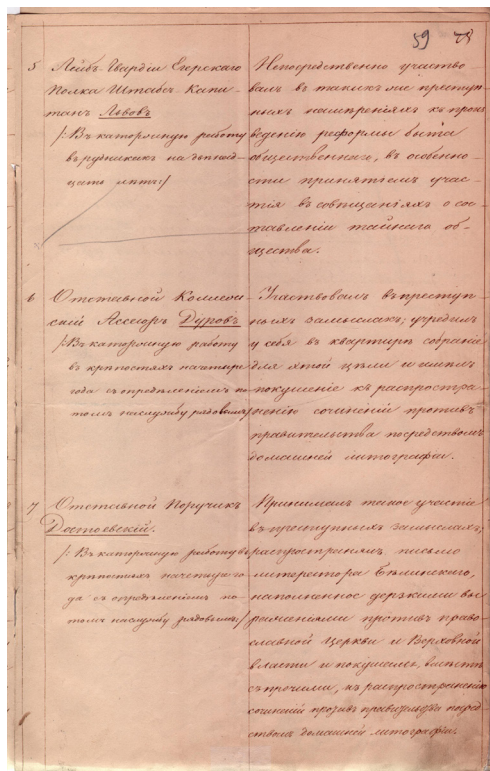

Рис. 1. Список петрашевцев, «...кои назначены в каторжную работу» в Нерчинские заводы. Под № 7 значится «отставной поручик Достоевский». 1850 г.

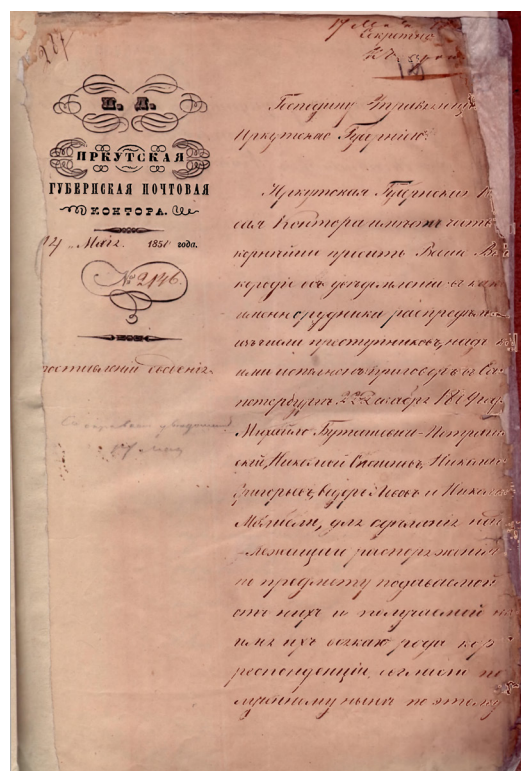

Рис. 2. Обращение Иркутской губернской почтовой конторы к управляющему Иркутской губернии «о доставлении сведений» о местонахождении ссыльнокаторжных петрашевцев для отправления им корреспонденции. 1850 г.

в тюремном замке г. Омска, отбывавшие каторгу на Нерчинских заводах петрашевцы доставлялись вместе с Достоевским одним списком «злоумышленников». Особое впечатление производила на писателя притягательность натуры Николая Спешнева. Как известно, образ Ставрогина в романе «Бесы» списан Достоевским именно со Спешнева.

На каторге петрашевцы, хотя и периодически, с послаблениями, но употреблялись в работах с уголовными ссыльнокаторжными. Гражданские губернаторы обязаны были «каждогодно доставлять сведения о поведении преступников его императорскому величеству в собственные руки» [1, л. 6]. С образованием в 1851 г. Забайкальской области и учреждением Забайкальского областного управления сведения о поведении петрашевцев управляющий Александровским округом и горные начальники Нерчинских заводов по истечении каждого года доставляли военным губернаторам Забайкальской области – сначала П. И. Запольскому, потом М. С. Корсакову [8, л. 147].

В документах Государственного архива Забайкальского края «степень вины» петрашевцев расписана в нескольких документах. Так,

служивший в Департаменте внутренних сношений Министерства иностранных дел титулярный советник Буташевич-Петрашевский обвинён в «...преступном замысле к ниспровержению существующего в России государственного устройства, в привлечении на бывшие у него сходбища разного звания, большею частью молодых, людей; в распространении между ними зловредных идей против религии, в возбуждении в них ненависти к правительству и, наконец, в покушении составить для этой преступной цели тайное общество» [5, л. 58].

Дворянин Спешнев и лейб-гвардии Московского полка поручик Момбелли «имели злоумышленное намерение произвести реформу быта общественного в России в отношении политическом и религиозном и покушение, для той же цели составить тайное общество; а поручик Момбелли, сверх того, помещал в рукописных сочинениях своих в высшей степени дерзкие отзвывы о священной особе Его Императорского Величества». Лейб-гвардии Конно-гренадёрского полка поручик Григорьев «участвовал в преступных замыслах и написал и распространял статьи в высшей степени возмутительного содержания под за-

главием “Солдатская беседа”, которая по смыслу и увлекательному слогу, приспособленному к понятию солдат, предназначалась к поколебанию в нижних чинах преданности к престолу и повиновения начальству». И, наконец, лейб-гвардии Егерского полка штабс-ка-

питан Львов обвинён за то, что «непосредственно участвовал в таких же преступных намерениях, к произведению реформы быта общественного, в особенности принятием участия в совещаниях о составлении тайного общества» [6, л. 59об.].

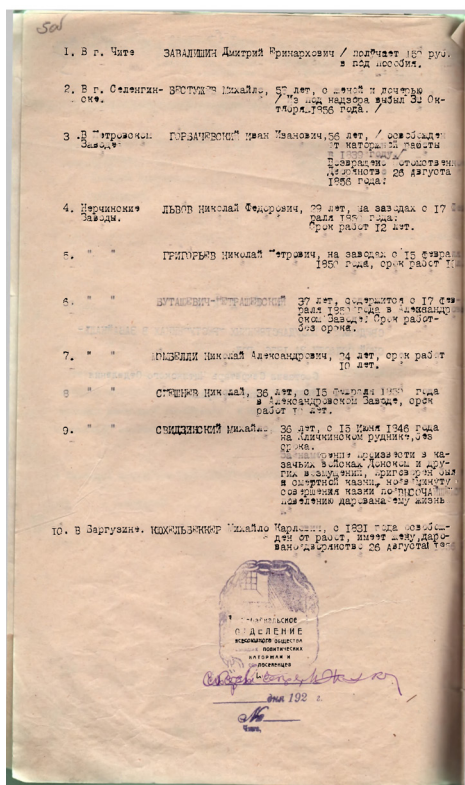

Рис. 3. Список петрашевцев и декабристов в одном документе

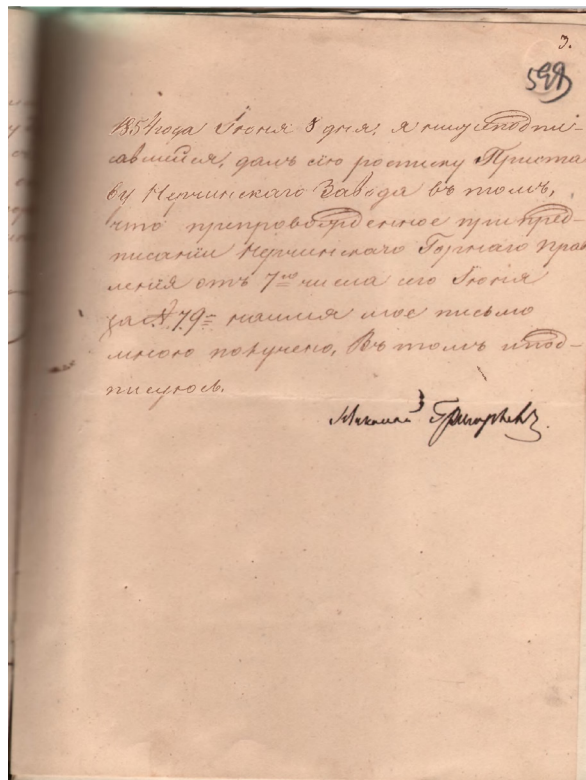

Рис. 4. Подпись Николая Григорьева в расписке о получении письма. 1854 г.

Связь с родными у петрашевцев была односторонней, т. е. они могли получать от них письма и посылки, но самим писать было строго запрещено. В 1850 г. Иркутская губернская почтовая контора запрашивала сведения о точном распределении петрашевцев на рудниках для выдачи «на их имя всякого рода корреспонденции». По ходатайству дерптского полицмейстера подполковника Николая Львова государь император позволил петрашевцу Федору Львову написать письмо родителям. Разумеется, это письмо должно было пройти цензуру III отделения (см. рис. 2) [9, л. 4].

Петрашевцы, как и декабристы, оставляли расписки в получении писем и посылок (см. рис. 3, 4). В расписке за 1853 г. Федор Львов пишет, что «из Александровской горной конторы получил письмо, на имя мое адресованное, но следующей при нём посылки, состоящей, как значится на адресе, из белья, платья и книг – не получил» [12, л. 269]. Знакомая ситуация в связи с декабристами, в это время ещё

отбывавшими ссылку, когда в своих расписках они постоянно указывали разбитые посылки и разворованное их содержимое.

Петрашевцы были молодыми людьми, в год прибытия на каторгу самому старшему из них – Буташевичу-Петрашевскому исполнился 31 год. Однако состояние их здоровья было удручающим. Медицинское освидетельствование Момбелли в Иркутском тюремном замке городским штаб-лекарем Иваном Погожевым показало, что «пересыльный Николай Момбелли, от роду 26 лет, телосложения рахитического, одержим золотухой, от каковой болезни лишён многих зубов в верхней челюсти, на деснах ея часто появляются нарывы, эти нарывы как полагают должно образовали костоеду в верхней челюсти /Cariez/, к сему же страдает ломотою в руках и ногах /Rhevmatismuzl/. Каковые болезненные припадки совершенно препятствуют вышеозначенному Момбелли к пути следованию. Марта 6 дня 1850 года» [7, л. 102]. Петрашевский и Львов тоже не отлича-

лись недюжинным здоровьем. Медицинское освидетельствование «на счет крепости их сил» штаб лекарем Матвеевским показало, что «первый из них имеет грыжу, одышку и начало грудной водяной болезни; а последний страдает сухоткою и худосочием всего тела» [13, л. 126, 129]. Поскольку к работам они были не способны, то до укрепления сил и здоровья их поместили «в околосок жителей на молотье хлеба» под присмотром пристава полиции губернского секретаря Сахалтуева. Однако уже после объявления Манифеста в донесении Забайкальского областного управления Главному управлению Восточной Сибири написано, что «государственный преступник Буташевич-Петрашевский находится на жительстве в рудниках Александровского завода, положение здоровья его по умственным способно-

стям в хорошем состоянии и в образе жизни сего преступника ничего особенного не замечается» (см. рис. 5) [10, л. 4]. Манифест о помиловании от 26 августа 1856 г., приуроченный ко дню коронавания Александра II, сопровождался именным списком тех, кому были дарованы «разные милости». Главное управление Восточной Сибири предписывало военному губернатору Забайкальской области: «Буташевича-Петрашевского освободить от работы и перевести на поселение, Николая Спешнева, Николая Момбелли, Николая Григорьева, Федора Львова – освободить от работы, перевести на поселение и тех из них, которые изъявляют желание поступить на военную службу, определить без возвращения дворянства в Отдельный Кавказский корпус рядовыми, с правом выслуги за отличие» (см. рис. 6) [2, л. 13].

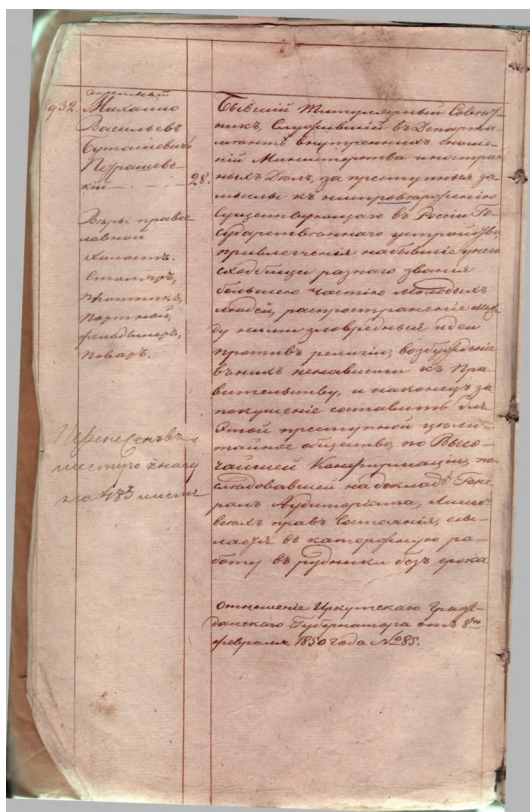

Рис. 5. Выписка из статейного списка М. В. Буташевича-Петрашевского. 1850 г.

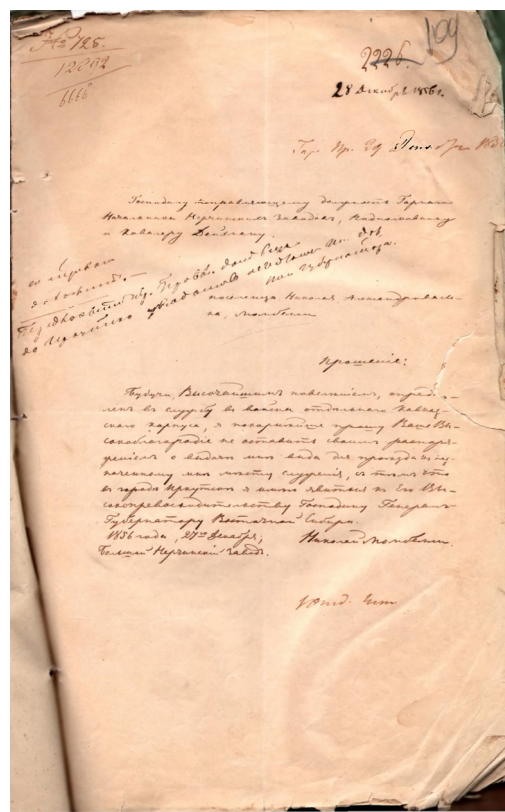

Рис. 6. Прошение поселенца Н. А. Момбелли на имя начальника Нерчинских заводов О. А. Дейхмана о выдаче вида для проезда «к месту служения». 1856 г.

Николаю Спешневу, в случае отказа служить рядовым в Кавказском корпусе, было позволено определиться по гражданской части канцелярским служителем 4-го разряда в Сибири. Безукоризненное поведение Спешнева предоставляло ему право через три года покинуть Сибирь и служить во внутренних губерниях под наблюдением местного начальства. Спешнев пожелал поступить на службу по

гражданской части. В год объявления Манифеста о помиловании Буташевичу-Петрашевскому было уже 37 лет, Львову – 29 лет, Момбелли – 34 года, Спешневу – 36 лет [11, л. 3, 5]. О том времени Достоевский писал: «Все наши ссыльные живут помаленьку... Спешнев в Иркутской губернии, приобрёл всеобщую любовь и уважение. Чудная судьба у этого человека! Где и как он ни явится, люди самые непосред-

ственные, самые непроходимые окружают его тотчас благоговением и уважением. Петрашевский по-прежнему без здравого смысла. Момбелли и Львов здоровы, а Григорьев, бедный, совсем помешался и в больнице» [16, с. 295]. В деле «сочувствия и содействия к облегчению жалкой участи больного Григорьева» были задействованы первые люди Забайкальской области того времени. В госархиве хранятся собственноручные письма: письмо-автограф Елизаветы Юрьевой на имя Карла Карловича Венцеля, письмо-автограф К. К. Венце-

ля военному губернатору Забайкальской области Михаилу Семеновичу Корсакову, письмо-автограф купца I-й гильдии Николая Христанфовича Кандинского управляющему Нерчинскими заводами Дейхману и письмо-автограф Оскара Александровича Дейхмана М. С. Корсакову. 27 декабря 1856 г. на имя Горного начальника Нерчинских заводов Дейхмана уже поселенец Николай Момбелли подал прошение о выдаче ему вида «с тем, что в городе Иркутске я имею явиться к Его Высокопревосходительству господину Генерал-губернатору Восточной Сибири» [14, л. 109].

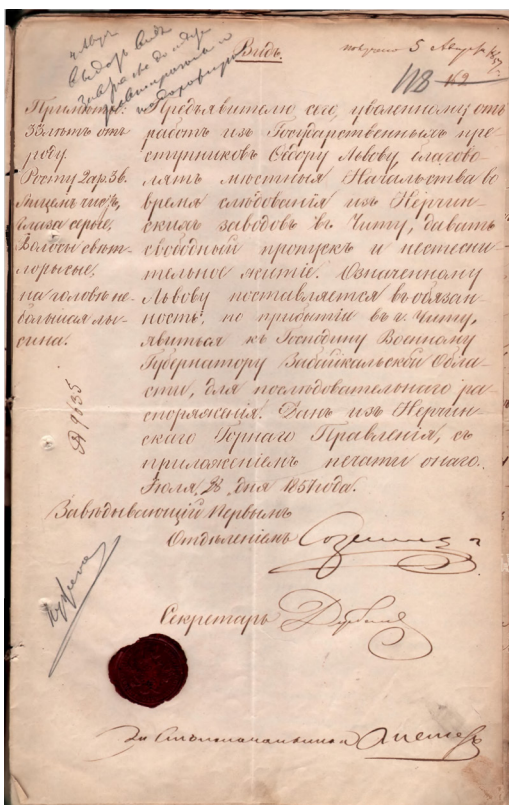

Рис. 7. Прошение поселенца М.В. Буташевича-Петрашевского на имя начальника Нерчинских заводов О. А. Дейхмана о выдаче вида для проезда в Енисейскую губернию после объявления амнистии. 1856 г.

Фёдор Львов тоже пожелал «воспользоваться Всемилостивейше дарованным ему правом» поступить на службу рядовым в войска отдельного Кавказского корпуса. Он даже получил увольнительный вид на и прогонные деньги на проезд до Тифлиса. Но по дороге заболел и решил остаться в Иркутске на гражданской службе (см. рис. 7).

Такое же прошение подал «поселенец Михаил Васильев сын Буташевич Петрашевский»: «По объявленному мне в Александров-

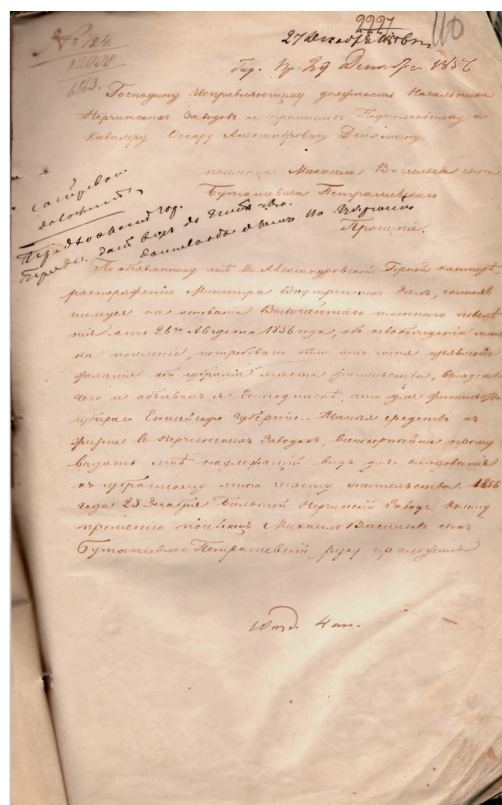

Рис. 8. Вид уволенного от каторжных работ государственного преступника Федора Львова, с указанием его внешних примет. 1857 г.

ской горной конторе распоряжению Министра Внутренних Дел... об освобождении меня на поселение... объявил я в подписке, что для жительства избираю Енисейскую губернию. Не имея средств к жизни в Нерчинских заводах, всепокорнейше прошу выдать мне надлежащий вид для следования к избранному мною месту жительства» (см. рис. 8) [15, л. 110].

Закончился для петрашевцев период пребывания на каторге, начался период их ссылки. По сравнению с декабристами, время, прове-

дённое ими на каторге и ссылке, было непродолжительным – 5–6 лет на каторге и 5 лет в ссылке. Но и эти годы сказались на здоровье петрашевцев и на их взглядах. Хотя петрашевцы в целом до конца остались верными своим революционным идеалам, но у многих они стали более либеральными. Фонды Государствен-

ного архива Забайкальского края, хранящие память о каторжном периоде жизни петрашевцев, с документной достоверностью не только дополняют наши представления о них, но и показывают административную деятельность Забайкальской области и Главного управления Восточной Сибири середины XIX в.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. 1. Оп. 1 (общ.). Д. 113. Л. 6.
2. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ.). Д. 294а. Л. 13.
3. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (пол). Д. 14. Л. 58–59.
4. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (пол). Д. 14. Л. 58–59об.
5. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (пол). Д. 14. Л. 58.
6. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (пол). Д. 14. Л. 59об.
7. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (пол). Д. 14. Л. 102.
8. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (пол). Д. 22. Л. 147.
9. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (пол). Д. 50. Л. 4.
10. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (пол). Д. 57. Л. 4.
11. ГАЗК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 81. Л. 3, 5.
12. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 2146. Л. 269.
13. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 2152. Л. 126, 129.
14. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 2709. Л. 109.
15. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 2709. Л. 110.
16. Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. 462 с.

УДК 94(571.55)

ББК ТЗ(2Рос-4Чит)52

Ольга Анатольевна Малыгина

*Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

**Геополитическая стратегия усиления позиций
Российской империи в Забайкалье в середине XIX в.¹**

В статье на основе архивных материалов показана стратегия усиления позиций Российской империи на Востоке в результате административно-территориальных преобразований. В соответствии с этой политикой на карте империи появляется Забайкальская область. Проанализировав имеющиеся архивные источники, приходим к выводу, что область должна была сыграть роль плацдарма для дальнейшего закрепления Российской империи в Приамурье.

Ключевые слова: военный губернатор, Забайкальская область, генерал-губернатор, геополитика, Российская империя

Olga A. Malygina

*Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

**Geopolitics Gain Positions Russian Empire
in Transbaikalia in Middle of XIX Century**

In the article on the basis of archival materials shows the strategy for strengthening the position of the Russian Empire in the East as a result of the administrative-territorial reform. In accordance with this policy, on the map of the empire appears Trans-Baikal region. After analyzing the available archival sources, we con-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских учёных-кандидатов наук: «Государственные институты управления Российской империи в освоении Забайкальского трансграничья (вторая половина XVIII – начало XX в.)» № МК-8975.2016.6.

clude that the region had to play the role of a springboard for the further consolidation of the Russian Empire in the Amur region.

Keywords: military governor, Trans-Baikal region, the Governor-General, geopolitics, Russian Empire

В системе административно-территориального устройства Сибири особое место занимали пограничные области, в которых не только была упрощённая система управления при сохранении традиционных институтов самоуправления и суда, но и поддерживался длительное время явный приоритет военной власти над гражданской [12, с. 20]. Организация областного правления в Восточной Сибири началась в середине XIX в. с учреждением Забайкальской и Якутской областей. Усложнение управленческих задач, рост населения и неравномерность его распределения, изменение соотношения русских и коренных жителей, вновь созданные пути сообщения и торговые связи, появление новых центров экономической жизни потребовали пересмотра административно-территориального деления, установленного реформой 1822 г., которое уже не соответствовало современным военно-политическим и экономическим реалиям и вызывало массу нареканий в центре и на местах [1, с. 176].

Забайкальский регион на протяжении длительного времени формировался как периферия великой державы. На всех этапах его развития в числе первоочередных наряду с хозяйственным освоением стояли задачи политического взаимодействия с центром, организации местного управления и административного устройства в соответствии с необходимостью защиты государственных границ. Выделение Забайкальской области из Иркутской губернии было первым шагом Российской империи по усилению приграничного региона как технологической и опорной базы для последующего закрепления во Внутренней Азии.

Впервые идея создания Забайкальской области была озвучена ещё в 1837 г., когда генерал-губернатор Восточной Сибири С. Б. Броневский подал проект, предусматривавший усиление власти восточнее Байкала [7, с. 187]. Он предлагал образовать Нерчинскую область, выделив для этого из Иркутской губернии Забайкалье, управление которой ограничилось бы областным правлением во главе с губернатором. Проект был рассмотрен в 1837 г. в Особом комитете, но «комитет рекомендовал разработать предложения более тщательно» [8, с. 143]. К середине XIX в. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв пришел к мысли, что вверенный ему

регион требуется усилить путём создания новых административно-территориальных единиц, одной из которых должна стать область за Байкалом. Идею не одобрило большинство членов Комитета Министров, высказавших опасения «о количестве издержек» и «препятствий к приведению в действие предложений генерал-губернатора, а именно по части военной» [9, л. 72–73]. Однако при подсчётах, сделанных по запросу императора в адрес Министерства государственных имуществ относительно того, «какая новая от сего издержка быть может», выяснилось, что при введении упрощённой системы управления в Забайкальской и Якутской областях «делается экономии 26 702 р. 14 к.», а министр государственных имуществ генерал-адъютант граф П. Д. Киселёв и военный министр генерал-адъютант князь А. И. Чернышев признали «предложение совершенно полезным» и «не встречающим препятствий» [10, л. 28, 30об.]. 11 июля 1851 г. «из забайкальских округов Иркутской губернии: Верхнеудинского, за исключением Троицкосавка, и слободы Кяхтинской и Усть-Кяхтинским с прилегающим к ним землям и Нерчинского» была образована Забайкальская область [5].

Вновь образованная Забайкальская область была территориально определена только в 1856 г., после выхода Высочайшее одобрённого положения об утверждении плана Забайкальской области [6]. Столь длительное составление плана было обусловлено нечёткостью границы с Китаем. Вначале план Забайкальской области, утверждённый генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьёвым, был отправлен в Министерство иностранных дел, которое нашло, что «нанесённая на план областная граница с Китаем сличена с имеющейся в сём Министерстве картой границ наших с сим государством [...], оказалась вообще довольно правильной и без всякого, по видимому, неудобства может быть в этом виде оставлена в означенном плане». Далее утверждённый проект «территориального обустройства согласно закону был отправлен «на дальнейшее благоусмотрение Сибирского Комитета» [6]. Из-за нерешённости «амурского вопроса» окончательно внутренние границы области были сформированы лишь через 10 лет после основания области. В 1861 г. усилиями и. д. генерал-губерна-

тора Восточной Сибири М. С. Корсакова и губернаторов Забайкальской области Е. М. Жуковского и Амурской области Н. В. Буссе был составлен акт о разграничении двух областей [3, л. 2–16], закреплённый указом императора Александра II.

Хотя цель образования области за Байкалом была определена как надзор «за правильным и успешным действием всех местных ей установлений» [5], с самого начала было ясно, что основная функция вновь образованной области – военно-стратегическая. Во второй половине XIX в. российское правительство озадачилось проблемой организации управления дальневосточными территориями: бесконтрольность и незаселённость амурских земель осложняли экономическое развитие русского Дальнего Востока. Образование Забайкальской области стало результатом реализации своего рода государственного проекта, вызванного к жизни геополитическим влиянием, которое резко актуализировало историческую необходимость присоединения Приамурья [4, с. 29].

В дальнейшем, акцентируя внимание на важном стратегическом значении вверенного ему края, военные губернаторы настаивали на необходимости серьёзно обсудить «меры к военному усилению этого последнего, опорной точкой которого является Забайкальская область» [11, л. 226]. Кроме этого, отношения с соседним Китаем требовали постоянного внимания к пограничным с этим государством землям, о чём говорилось и в печати [2]. В 1884 г. уже бывший военный губернатор Забайкальской области Л. И. Ильяшевич представил свои соображения о стратегической роли и необходимости военного усиления За-

байкальской области в Комитет Министров: «...при возрастающем с каждым годом политическом значении восточных окраин, всё усиливающимся промышленном и гражданском развитии Сибири, при неминуемо ожидаемых постоянных и частых сношениях с Китайской империей; и наконец, при тесном соприкосновении русских интересов с интересами западноевропейских держав на берегах Тихого океана, совершающих здесь территориальные приобретения, стратегическое и политическое значение Забайкальской области всё усугубляется. Между тем военные силы, которыми располагает этот край, могут оказаться далеко не достаточными для достижения указанной цели» [11, л. 226–227].

Внешнеполитическая стратегия усиления позиций Российской империи на Востоке и соответствующее усложнение управленческих задач в середине XIX в. диктует необходимость переустройства административных границ азиатской России. В результате на карте империи появляется новая административно-территориальная единица – Забайкальская область. Регион получил статус области в соответствии с политикой имперского центра создания областей на присоединённых или приграничных территориях с целью постепенной интеграции последних в общеимперскую систему государственного устройства. Основной целью создания Забайкальской области была военно-стратегическая. Область должна была сыграть роль плацдарма для дальнейшего закрепления Российской империи в Приамурье. Геополитическая роль области осознавалась всеми губернаторами на разных этапах управления ею.

Список источников и литературы

1. Власть в Сибири: XVI – начало XX в. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск: Сова, 2005. 696 с.
2. Восточное обозрение. Иркутск. 1884. № 24.
3. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. 1. Оп. 1(о). Д. 7454.
4. Мерцалов В. И. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1851–1895) // Науч. вестн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2008. № 13. С. 26–33.
5. Полный свод законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. II. 1851. Т. XXVI. № 25394.
6. ПСЗРИ. Собр. II. 1856. Ч. I. Т. XXXI. № 30778.
7. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX – нач. XX в. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 550 с.
8. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. 236 с.
9. РГИА (Рос. гос. ист. архив). Ф. 1149. Оп. 4. Д. 50.
10. РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 1032.
11. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3.
12. Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек [и др.] / ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М.: Новое лит. обозр., 2007. 364 с.

УДК 94(571/55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)

Татьяна Андреевна Константинова

Ирина Васильевна Куриленко

Государственный архив Забайкальского края,
г. Чита, Россия

Из истории управления Забайкальской областью

В статье на основе документов Государственного архива Забайкальского края рассматриваются вопросы учреждения Забайкальской области в 1851 г., организации управления таковой. Особое внимание уделено организации деятельности Забайкальского областного правления и вопросам определения территории и границ области.

Ключевые слова: Забайкальская область, Забайкальское областное правление, Забайкальское казачье войско, военный губернатор, генерал-губернатор

Tatyana A. Konstantinova

Irina V. Kurylenko

Zabaykalsky krai State Archive,
Chita, Russia

History of management of the Transbaikal region

The article, based on documents of the State Archive of Zabaykalsky Krai, contains information about the establishment of the Transbaikal region in 1851, and organization of its management. Special attention was paid to the organization of the activity of Zabaykalsky Regional Government and on the questions about definition of territory and boundaries of the region.

Keywords: Transbaikal oblast, Transbaikal Oblast Board, Transbaikal Cossack Host, the military governor, governor-general

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, разрабатывая этапы реализации амурской политики, созданию Забайкальской области уделял особое внимание. Огромной территорией генерал-губернаторства эффективно управлять из Иркутска было практически невозможно. Присоединение восточных территорий требовало создания условий для максимально быстрого решения вопроса. Н. Н. Муравьев, учреждая Забайкальскую область, опирался на разработанное М. М. Сперанским «Введение к уложению Государственных законов», учитывал, что области, учреждаемые на окраинах государства, имели особенное устройство и управляли ими с учетом «местного их положения» [17, с. 11].

Император Николай I вынужден был согласиться с Н. Н. Муравьевым, что создание Забайкальской области не только позволит мобильно решать вопросы управления, но и одновременно создаст плацдарм для подготовки и проведения амурских сплавов. Кроме того, император согласился с необходимостью создания Забайкальского казачьего войска как основной военной единицы, силами которой будет реализовано присоединение восточных

территорий и охрана границы. Указом Правительствующего Сената от 16 августа 1851 г. Забайкалье, тогда состоящее из Нерчинского и Верхнеудинского округов, было выделено из Иркутской губернии Восточно-Сибирского генерал-губернаторства и преобразовано в самостоятельную область [3, л. 29–30]. Первым военным губернатором был назначен генерал-майор П. И. Запольский «...с управлением гражданской частью и Наказным Атаманом Забайкальского казачьего войска» [2, л. 2]. Ему вменялось в обязанность определение границ и управление областью.

Сведения о том, как происходило установление и уточнение границ, содержатся в записке генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. Он написал 15 мая 1851 г. военному губернатору П. И. Запольскому: «По случаю образования вновь Забайкальской области, требуется определение в точности границ оной. Но сие последнее необходимо назначить ближе и сообразнее с настоящим местным положением и населением граничных мест, ибо, например, черта разделяющая округи Иркутский и Верхнеудинский, из коих первый отошёл к Иркутской губернии, а по-

следний к области Забайкальской, в некоторых местах не может быть границей губернской, потому что есть инородческие племена, а может быть, и русские, кои числятся в Иркутском округе, а кочевые имеют совместно с жителями другого сопредельного с ним округа Верхнеудинского, и наоборот, что затрудняет в распределении земли и в отправлении службы и повинностей...» [4, л. 3–3об]. Далее он обращался к П. И. Запольскому и рекомендовал корректировать действия по установлению границ с Иркутским военным и Якутским гражданским губернаторами. Кроме того, настойчиво советовал проводить границы, «... разделяя удобно население жителей и их земли, обозначались преимущественно живыми урочищами, как то: хребтами гор, речками и т. п. По назначению, таким образом, границ и по составлению граничной карты...» [4, л. 4–4об.]. При этом генерал-губернатор торопил военного губернатора, просил побыстрее прислать информацию, чтобы в том же году согласовать вопрос о границах Забайкальской области с верховной властью.

В сентябре П. И. Запольский получил подробную записку о границах Нерчинского округа от исправляющего должность исправника Мальцева [4, л. 10–15]. Заслуживает внимание ответ помощника начальника Нерчинских горных заводов военному губернатору 17 сентября 1852 г. Он сообщал, что 26 июля поручил управляющему Нерчинской горной чертежной «...скопировать копии карт о произведённых межеваниях и описание местности Якутской, Верхнеудинской и Нерчинской округи (округов)» [4, л. 17–17об.]. В октябре 1852 г. Н. Н. Муравьёв просил ускорить выполнение задания. В октябре в Иркутск направлен ответ: «имею честь представить копию составленную с карт о произведенном межевании уездной грани с 1845 по 1852 г. до озера Арейского между округами: Нерчинским, Верхнеудинским и Олекминским / Якутской области:/ и к оной описание местности и урочищ, встречаемых при межевании грани...» [4, л. 35–35об.]. При этом дополнительно сообщалось, что межевание ещё не окончено, его продолжают проводить и позже дополнят подготовленную информацию для составления границы. В этом деле хранится подробная записка «Описание местности и урочищ уездной грани, проведенной между округами: Нерчинским, Верхнеудинским и Олекминским (Якутской области)» [4, л. 37–104об.]. Этот комплекс документов позволяет представить, как проводилась работа по уточнению границ и составлению первой рукописной карты Забайкальской области, ко-

торая была создана уже в 1856 г. Подлинник её хранится в краевом архиве [5]. Карта введена в научный оборот и широко используется исследователями с начала 2000-х гг.

Частью плана Н. Н. Муравьёва было возведение Читы в статус областного центра. Создание органа управления областью – важная задача, поставленная и блестяще реализованная генерал-губернатором. В деревне Чита тогда проживало 659 чел., а грамотных, подготовленных чиновников, фактически не было. Вместе с тем, в короткий срок, в основном, были переведены в Читу чиновники из Иркутска, Нерчинска, Верхнеудинска и других мест [19, с. 5]. Исполняющий должность военного губернатора Забайкальской области в сентябре 1851 г. предписывал исполняющему должность Верхнеудинского окружного начальника «... Верхнеудинский окружной суд упраздняется и вместо его учреждается таковой же в Чите, ... сделать надлежащее распоряжение о немедленной сдаче Заседателю Хабарову имеющихся там законов, зеркала, суммы, нерешённых дел, канцелярских припасов и принадлежностей, кроме мебели, которую предлагаю продать на месте, ... отправить Г. Хабарова с вещами в г. Читу, снабдив его на перевозку и прогон нужною суммой» [1, л. 1]. Новый орган власти первоначально подчинялся Главному управлению Восточной Сибири (ГУВС), в 1851–1884 гг. – Восточно-Сибирскому, в 1884–1906 гг. – Приамурскому, с 1906 – Иркутскому генерал-губернаторам [20, с. 61]. Забайкальское областное управление составляли: военный губернатор, который одновременно был наказным атаманом ЗКВ, областное правление и Казённая палата. При правлении состояли четыре чиновника особых поручений (два без содержания), общий журналист, экзекутор (он же казначей и архивариус), областной землемер, два чертёжника.

Сразу после создания Забайкальской области 20 октября 1851 г. генерал-губернатор сообщал военному губернатору: «...за долгом считаю отозваться: по Забайкальской области из черты коей отнюдь не изъёмлетя и самое Нерчинское горное правление, всё что донныне находилось в каком либо ведении Иркутской казённой палаты по точному смыслу 13 параграфа Положения для Забайкальской области, должно перейти в точно такое же ведение тамошнего областного Управления, отчислившись совершенно от Иркутской казённой палаты» [6, л. 1–1об.]. Так, Н. Н. Муравьёв с первых дней образования области подчёркивал её юридическую самостоятельность и направлял военного губернатора П. И. Запольского дей-

ствовать в рамках полномочий самостоятельно, не оглядываясь на губернскую власть.

Вместе с тем, с целью экономии средств создавались не все необходимые для управления учреждения и должности. Должность вице-губернатора была введена в 1856 г. военным губернатором М. С. Корсаковым, одновременно было создано четвёртое отделение. До этого в отсутствие военного губернатора его обязанности исполнял старший советник Забайкальского областного правления [7, л. 46].

Так сложилось, что в Забайкальской области должность вице-губернатора становится ключевой; кроме того, что он возглавлял Забайкальское областное правление, ему приходилось руководить областью во время длительных командировок военного губернатора. В силу географического положения, удалённости от центра России, протяжённой внешней границы с Китаем и Монголией, наличия Нерчинского горного округа ведомства Кабинета ЕИВ, тюрем Нерчинской каторги, круг прав и обязанностей военного губернатора был настолько сложен и разнообразен, что часть полномочий были переданы вице-губернатору. Вице-губернатор должен был самостоятельно принимать решения и отвечать за них. Вице-губернатор отвечал за правильное ведение делопроизводства, что было чрезвычайно важно для организации руководства областью. Судя по документам фонда с одноимённым названием, эту работу все 16 служивших в Забайкальской области вице-губернаторов исполняли успешно [18, с. 68–74]. Первым вице-губернатором был назначен в феврале 1859 г. Апполон Давидович Лохвицкий, который работал старшим советником в областном правлении с 1857 года [8, л. 1–3]. Перед отъездом в Иркутск и вступлением в должность генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсаков подписал особую «Записку о заслугах старшего советника Забайкальского областного правления коллежского советника А. Д. Лохвицкого», в которой отмечал, что этот чиновник «...много способствовал к улучшению порядка в производстве дел областного правления... со особым усердием и рвением во время неоднократных отсутствий (Корсакова)...управлял областью» [19, с. 266].

Руководимое вице-губернатором областное правление ведало делами казённой палаты, канцелярии, комиссий: народного продовольствия, строительной, дорожной; а также делами комитетов: о тюрьмах, статистическим, оспенным и общественного здравия. Согласно штатам, утверждённым в декабре 1856 г. и 01.11.1858 г., в структуру правления входили: вице-губернатор, он же председатель правле-

ния, четыре советника и ассессор. Существовали номерные отделения.

Первый отдел заведовал инспекторской, распорядительной, медицинской, учебной и строительной частями. Сотрудники этого отдела разрешали спорные вопросы при исполнении законов, рассматривали приговоры судов, следственные дела по проступкам должностных лиц, жалобы на неправильные действия. Помимо переписки по перечисленным выше предметам, в отделение ежегодно поступало только судебных приговоров и жалоб до 600 [9, л. 25].

Второе отделение ведало делами областного правления вообще, частью строительными, квартирными, делами о ссыльных, крепостными и опекунами. Со временем оно по ошибке было переименовано в тюремно-каторжное. Восстановлено с 1911 г. с возложением на него ведения дел областной полиции.

Третье отделение ведало делами городского хозяйства, ревизской, рекрутской, продовольственной, питейной, соляной и межевой частями, снабжением порохом и свинцом, казёнными оброчными статьями. Вело окладные книги о податях и оброчных статьях, рекрутские списки, производило ревизию книг и отчётностей.

Четвёртое отделение ведало земской, бухгалтерской, казначейской и контрольной частями: составлением смет, передачей почтовых, обывательских и этапных лошадей в содержание, составлением контрольных отчётов ревизии книг двух казначейств.

С развитием края и увеличением населения штат областного правления оказался недостаточным. В отчёте о состоянии Забайкальской области за 1861 г. император начертал резолюцию: «Обратить на это внимание Министра Внутренних дел» [9, л. 22об.]. При введении штатов Забайкальской области, высочайше утверждённых в 1888 г., были упразднены IV отделение и должность ассессора правления (и редактора Областных ведомостей), при этом была открыта Забайкальская казённая палата. Делопроизводство IV отделения, за исключением межевого, и незначительная часть дел II отделения были переданы в её ведение. Поскольку Казённая палата получила в своё ведение менее того, чем ведало IV отделение, нагрузка на три других отделения увеличилась. Между тем, вице-губернатор в докладе военному губернатору 14 июля 1890 г. отмечал: «... ещё до введения штатов 1888 г. уже признавалось как местным начальством, так и Главным начальником края, что делопроизводство Областного правления превышает силы личного его состава» [10, л. 1об.]. Он

сравнивал штаты Забайкальской области со штатами Иркутской губернии: «...личный состав Забайкальского Областного правления составляют вице-губернатор, 3 советника и 26 других чинов, а всего 30 лиц. В Иркутской же губернии те предметы ведомства, которые в Забайкалье сосредоточены в одном Областном правлении, разделены между двумя учреждениями – собственно Губернским правлением и Общим губернским управлением и ведаются вице-губернатором, 4 советниками, 3 начальниками отделений и 45 другими чинами, а всего 53 лицами, или почти двойным числом должностных лиц, тогда как Иркутская губерния и по населению и по пространству значительно меньше Забайкальской области, а по степени своего благоустройства стоит далеко выше Забайкалья...» [10, л. 2].

Кроме номерных при областном правлении существовали именные отделения. В 1851 г. при образовании области была создана должность инспектора медицинской части. Первым инспектором генерал-губернатор Н. Н. Муравьев назначил 14 марта 1852 г. войскового доктора ЗКВ надворного советника Ворожцова [11, л. 10]. Позже появилось врачебное отделение. По штатам от 31 мая 1872 г. 11 ноября 1874 г. отделение состояло из врача, его помощника и делопроизводителя. Областной врач кроме обязанностей врачебного инспектора заведовал медицинской частью войска «в пределах дивизионного врача и казачьего населения по званию войскового врача» [12, л. 20]. Отделение выполняло четыре основных функции: административную, судебно-полицейскую, сельско-врачебную, санитарную. Административная деятельность заключалась в участии в воинских комиссиях и выполнении распоряжений суда, надзоре за аптеками, окружными (уездными) врачами, проводившими судебно-медицинские освидетельствования, проведении врачебного освидетельствования больных, химических экспертиз; транспортировке больных в специальные лечебные заведения, надзоре за санитарным состоянием области, проституцией; следило за соблюдением законности в лечебных заведениях; осуществляло чинопроизводство и награждение медицинских чинов; составляло статистические отчеты.

В 1897 г. из ведения врачебных инспекторов была выделена ветеринарная часть.

Должность областного ветеринарного инспектора была учреждена 28.04.1897 г. Областные ветеринары были введены в состав областных правлений. Они занимались общим местным надзором, руководили борьбой с эпизоотиями во время разъездов по области и докладывали об этом на областном правлении [13, л. 20]. Такое решение вопроса было чрезвычайно важным для Забайкальской области с развитым животноводством.

В Петербурге 3 февраля 1859 г. император подписал «Положение об управлении строительною и дорожною частями в Восточной Сибири» и штаты, по которым при военном губернаторе состояли областной архитектор или инженер, помощник архитектора и кондуктор 2-го класса [14, л. 14]. Решением Государственного Совета с 1 апреля 1897 г. должности архитектора при военном губернаторе и помощника архитектора упразднены. При областном правлении учреждено строительное отделение [15, л. 5–6]. Доклад дел в общих присутствиях возлагался на областного архитектора, за его отсутствием – на младшего инженера или архитектора. Возглавил отделение областной инженер надворный советник Просяников. В ведение строительного отделения входило: ремонт и строительство тюрем, этапных зданий, составление и утверждение проектов, планов и смет, ремонт и прокладка дорог, проведение изыскательских работ, строительство мостов, расчистка фарватеров судоходных рек, осуществление технико-полицейского надзора, сбор сведений и составление ведомостей, надзор за перевозкой, хранением и применением взрывчатых веществ. Кроме того, отделение занималось строительством всех частных сооружений. Тюремное отделение руководило пенитенциарной системой, управляло Нерчинской каторгой, составлением продовольственных табелей и расписанием доходов и расходов по смете МЮ по тюремной части, строительством тюрем.

Забайкальское областное правление упразднено на основании постановления Совета Народных Комиссаров 15 апреля 1918 г. В ведение Комиссариата по внутренним делам передали все административные дела, типографии и имущество. Служащие строительного, ветеринарного, врачебного и 3-го отделения поступили в распоряжение Комиссариата по делам местного хозяйства [16, л. 120].

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. 13. Оп. 2. Д. 86.
2. ГАЗК. Ф. 1(общ.). Оп. 1. Д. 11149.
3. ГАЗК. Ф. 1(общ.). Оп. 1. Д. 106.
4. ГАЗК. Ф. 1(общ.). Оп. 1. Д. 98.

5. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 2060.
6. ГАЗК. Ф. 1(общ.). Оп. 1. Д. 11113.
7. ГАЗК. Ф. 1(общ.). Оп. 1. Д. 386.
8. ГАЗК. Ф. 1(общ.). Оп. 1. Д. 336.
9. ГАЗК. Ф. 1(общ.). Оп. 1. Д. 15154.
10. ГАЗК. Ф. 1(общ.). Оп. 1. Д. 2684.
11. ГАЗК. Ф. 1(общ.). Оп. 1. Д. 35.
12. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 2(вр.). Д. 320.
13. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1.
14. ГАЗК. Ф. 1(общ.). Оп. 1. Д. 386.
15. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1(о). Д. 6960.
16. ГАЗК. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 13.
17. Дамешек Л. М. Губернаторская власть в меняющемся пространстве империи от Петра I до Александра I // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2016. Т. 15.
18. Казакова Т. П. Вице-губернаторы Забайкальской области // Чита историческая / отв. ред. М. В. Константинов, А. И. Лыцусь. Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т., 2007. 176 с.
19. Константинова Т. А. Военные губернаторы Забайкалья 1851–1917 гг. Чита: Тип. ЧП Богданова Г. Г., 2001. 91 с.
20. Константинова Т. А. Забайкальская область (1851–1917) // Край, устремленный в будущее. Чит. арх. вестн. № 15. Чита: Экспресс-изд-во, 2008. 196 с.
21. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX.: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков / Н. П. Матханова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.
22. Свод законов Российской империи. Кн. I. Т. 1–4 / под ред. А. А. Добровольского; сост. Н. Е. Озерцовский, П. С. Цыпкин. Изд. 2-е, доп. по продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднейшим узаконениям 1911 и 1912 гг. СПб., 1913. С. 1223–1227.

УДК 94(571.54)
ББК ТЗ(2Р-6Бу)

Светлана Зиннатовна Ахмадулина
*Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

Роль благотворительной деятельности в общественной жизни г. Верхнеудинска во второй половине XIX – начале XX века

Статья посвящена роли благотворительной деятельности в городской жизни Верхнеудинска во второй половине XIX – начале XX в. Автор рассматривает различные системы общественного призрения, однако особое внимание уделяется общественной и частной, которые осуществлялись при помощи благотворительных организаций, сословных обществ, частной инициативы, охватывая различные категории нуждающихся граждан.

Ключевые слова: г. Верхнеудинск, Забайкалье, благотворительность, филантропия, система общественного призрения

Svetlana Z. Akhmadulina
*Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

The Role of Philanthropy in the Social Life of the City of Verkhneudinsk in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

The article discusses the role of philanthropy in Verkhneudinsk urban life in the late 19th – early 20th centuries. The author examines the various systems of public charity, however, focuses on public and private, which are carried out with the help of charitable organizations, class associations, private initiative, covering the various categories of needy citizens.

Keywords: city Verkhneudinsk, Zabaikalie, charity, philanthropy, the system of public charity

В конце XIX – начале XX в. благотворительность переживала небывалый подъём. В этот период проблема нищенства и призрения бедных прочно вошла в круг постоянных интересов российского общества. С ростом экономического развития, улучшением материального положения городских жителей и, как следствие, повышением культурного уровня, образованности граждан приходит понимание необходимости организации помощи людям, нуждающимся во внимании и поддержке. Либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в. создали благоприятные условия для благотворительной деятельности обществ, частных лиц, развития форм и методов социальной помощи населению, активизировали участие различных слоёв российского общества в благотворении. Городская реформа 1870 г. способствовала созданию местного самоуправления, предоставив обществу право самому заботиться о нуждающихся.

Благотворительная деятельность была самой видной общественной сферой, одобрялась общественным мнением и не ограничивалась законодательно. Этим видом общественной деятельности могли заниматься все люди вне зависимости от их сословной и национальной принадлежности. При этом среди различных представителей национальных меньшинств городского сообщества Верхнеудинска еврейская община, будучи не самой большой¹, была самой активной, играла важную роль в общественной жизни города. Польское население города к созданию национальных благотворительных обществ приступило лишь после Февральской буржуазной революции. Наличие благотворительных магометанских обществ в Верхнеудинске не зафиксировано. Но, несомненно, представители всех национальностей и религий принимали участие в социальной помощи нуждающимся.

Системе призрения различных категорий граждан в Забайкалье во второй половине XIX – начале XX в. посвящены ряд статей Т. В. Паликовой [18]. Автор отмечает, что развитие благотворительной деятельности в забайкальских городах осуществлялось в тех же направлениях, что и центральной России. При наличии трёх основных систем общественного призрения – государственной, общественной и частной – в регионе преобладали две последние. Они осуществлялись в основном при помощи благотворительных организаций, сословных обществ, частной инициативы, охватывая различные категории граждан.

Призрение носило единовременный и постоянный характер. Единовременная помощь предполагала разовые пособия, к которым можно отнести помощь пострадавшим от стихийных бедствий (например, знаменитый пожар в Верхнеудинске 1878 г., в результате которого в городе числилось около двухсот человек нуждающихся) [12, л. 1], или императорские пожертвования (например, по случаю коронации в 1896 год) [18, с. 46]. Необходимо подчеркнуть тот факт, что государственная помощь носила исключительно единовременный характер.

Призрение и благотворительность нельзя представить без русской православной церкви. По мнению Н. Д. Нагайцевой, несмотря на то, что либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в. коснулись церкви в небольшой степени, они создали благоприятные условия для благотворительной деятельности монастырей и церквей. Оставаясь частью государственной жизни, церковь способствовала росту социальной активности духовенства в сфере благотворительности [17, с. 155]. Так, в городе Верхнеудинске православными храмами проводились различные тарелочные и кружечные сборы в пользу нуждающихся. Просветительная поддержка заключалась в открытии церковно-приходских школ, в которых нередко оказывалась помощь детям из неблагополучных и бедных семей, сиротам; библиотек (в Верхнеудинске общественно-церковная, 1906 г.) [18, с. 47]; школ грамоты, организовывались народные религиозные чтения и т. д.

Городовое положение 1870 г. дало своего рода толчок к образованию благотворительных обществ. Одно из таких обществ по оказанию помощи бедным было основано в Верхнеудинске в 1903 г., был разработан устав, избрано правление. Его председательницей была Евдокия Евграфовна Голдобина. В общество могло вступать неограниченное число лиц обоего пола всех званий, состояний и вероисповеданий. Состав правления ежегодно изменялся, если в 1905 г. в него входило 37 чел., то в 1906 г. их число выросло почти в три раза и составило 104 [10, л. 21]. Действительными членами общества, которые по своей сословной принадлежности в основном относились к купцам и мещанам, ежегодно вносили по 3 р., в разные годы были – П. Т. Трунев, И. И. Вторушин, А. К. Кобылкин, И. А. Житомирский, Я. М. Домбровский и др. Примечательно, что второе место по численности занимали евреи – С. Б. Нодельман, И. Г. Самсонович, А. С. Герштейн, И. И. Гершевич, братья Розенштейн и др. [10, л. 4; 7,

¹ В разное время она составляла: 1899 г. – 731 чел., 1904 г. – 1480 чел., 1908 г. – 1176 чел., 1913 г. – 1281 чел.

л. 1–2]. Помощь оказывалась в виде денежных пособий разным категориям граждан, в частности на содержание в приютах детей или для возвращения на родину бедных, а также продуктами. Призываемыми общества были лица без различия пола, возраста, состояний и вероисповеданий. Если возвращение на родину и продуктовые пайки бедным гражданам были одномоментными, то помощь детскому приюту оказывалась на постоянной основе.

Широкое распространение в целом в Забайкальской области получили национальные благотворительные общества. Одним из первых, работавших на постоянной основе, «Общество пособия бедным евреям». В Верхнеудинске «Общество» было создано в 1912 г. за счёт частных пожертвований, подразделявшихся на три основные группы по способу их поступления: по подписным листам; от проведения спектаклей, лотерей, концертов и т. д.; добровольные пожертвования граждан на нужды общественных учреждений или заведений. Одним из крупных был вклад Якова Фризера в 1000 р. для выдачи беспроцентных ссуд нуждающимся. Создание официального общества лишь институционализировало давно осуществлявшуюся хозяйственным правлением и частными лицами благотворительную помощь. Председателем Верхнеудинского общества был Ф. Г. Фидель, товарищем председателя – И. И. Мильштейн, казначей О. А. Гершевич и С. В. Нодельман [13, л. 1].

К учреждениям, призванным оказывать постоянную помощь всем нуждающимся города, относятся богадельни, ночлежные дома, приюты, а также дома трудолюбия. В частности, в 1889 г. в Верхнеудинске была открыта богадельня для престарелых и безродных евреев. Она находилась в маленьком деревянном одноэтажном доме при молельне. На добровольные пожертвования деньгами и продуктами здесь постоянно содержались от трёх до восьми человек. В 1905 г., как сообщал «Верхнеудинский листок», в ней содержалось «5 человек стариков-инвалидов (мужчин и женщин)» [2].

В 1894 г. по инициативе купца И. Ф. Голдобина начинает работу (неофициально) верхнеудинская богадельня на двадцать призываемых взрослых и детей. С 1906 г., по желанию учредителя она становится городской [19, с. 100]. Однако нередкие проверки выявляли случаи халатного отношения работников богадельни к своим обязанностям. Так, например, после посещения и осмотра городским головой И. В. Титовым и городским общественным врачом М. В. Танским приюта-богадельни был

составлен акт от 25 января 1908 г., в котором были отмечены факты грубых нарушений обслуживающего персонала: «... – хлеб для продовольствия призываемых выпекается очень плохого качества; обед варится поздно, так что бывает готов только к трём часам дня; по заявлению кухарки в суп два дня налаживали гнилой капустой; при входе в спальню увидели, что две самые маленькие девочки, призываемые в приюте, стояли на коленях, при опросе они говорили, что их наказала дочь г-жи начальницы (М. И. Громовой). Наконец, при неоднократном посещении городским головой И. В. Титовым богадельни постоянно замечалось отсутствие начальницы приюта». После этого случая госпожа М. И. Громова была освобождена от занимаемой ею должности [4, л. 5]. С 1900 г. в Верхнеудинске начинает работу ночлежный дом, открытый на средства купца И. П. Фролова [19, с. 99].

Наиболее действенная форма помощи нуждающимся – трудовая. Цель обществ трудовой помощи заключалась в поиске работы нуждающимся и безработным, создание рабочих мест – Дома трудолюбия с различными мастерскими. На территории Западного Забайкалья одним из первых был открыт Дом трудолюбия в Троицкосавске (1901 г.). В деле об устройстве в городе Верхнеудинске Дома трудолюбия (6 ноября 1915 г. – 23 июня 1917 г.) содержится ходатайство городской думы от 9 февраля 1916 г. перед Забайкальским отделением Комитета Её Высочества Великой Княгини Татьяны Николаевны о выдаче единовременного пособия на устройство и оборудование в городе Дома трудолюбия с различными мастерскими, при котором будет устроена столовая, ночлежный дом для инвалидов войны и ясли для детей, оставшееся без удовлетворения [5, л. 7, 15].

Ещё одна категория нуждавшихся в социальной поддержке, учитывая непригодные условия для обитания – арестанты: женщины, дети, старики, больные и инвалиды и т. д. Вслед за созданием в 1855 г. Забайкальского областного попечительного о тюрьмах комитета были образованы его отделения, в частности Верхнеудинское. Главная цель этого учреждения (Попечительного о тюрьмах комитета) являлась социальная помощь и поддержка арестантов, улучшение их жизни и быта, помощь их семьям, привлечение к благотворительной деятельности наиболее состоятельных граждан, активной части верхнеудинского общества, изыскание средств и использование их в целях благотворения [16, с. 91]. Значимым вкладом в дело призрения было

открытие приюта для арестантских детей в городе в 1874 г. В приюте осуществлялась как временная, так и постоянная помощь детям арестантов.

Достаточно широкий отклик в различных слоях городского сообщества вызвала необходимость пожертвований на военные потребности. Так, например, в период русско-турецкой войны (1877–1878) по предложению городского головы А. П. Лосева в «Комитет Славянского Благотворительного Общества попечения о раненных воинах» было отчислено 500 р., из средств приютского капитала [3, л. 1–5]. Благотворительную деятельность активизировала и Первая мировая война. Необходимость обслуживания нужд новой социальной категории призываемых – беженцев, явилось причиной создания в первый год войны «Комитета её императорского величества Великой княгини Татьяны Николаевны» по оказанию помощи пострадавшим от военных действий. В дальнейшем был принят специальный Закон об обеспечении нужд беженцев, принятый государственной думой 30 августа 1915 г. На местах создаются отделения этого Комитета, к работе которых привлекались благотворители обоёго пола, всех вероисповеданий и национальностей. К концу 1915 г. действовал Верхнеудинский городской комитет помощи беженцам, председателем которого был податный инспектор А. И. Егоров, в дальнейшем И. В. Титов, казначей Верхнеудинской второй гильдии купец В. В. Филиппов. В состав комитета входили: Н. А. Курбатов, А. С. Гальперов, Э. А. Годзиевский, Г. А. Цветаев, С. Н. Гриф, М. М. Ицкович, М. И. Родовский и др. [1, с. 67; 9, л. 22]. В состав организационного комитета наряду с известными деятелями на поприще благотворительности были приглашены представители русских, польских, литовских, еврейских, мусульманских обществ, оказывающих помощь пострадавшим от войны. Таким образом, в военное время патриотические пожертвования занимали особое место в общественной жизни Верхнеудинска, являясь общей, единой целью для всех горожан.

Одним из важнейших направлений филантропии городских жителей было народное просвещение. Для существования большинства верхнеудинских учебных заведений материальная поддержка со стороны горожан была важной и необходимой. Так, практически все новые образовательные учреждения города Верхнеудинска в конце XIX – начале XX в. были созданы либо на средства купцов, либо в результате коллективных пожертвований. В

Верхнеудинске действовало «Общество вспомоществования учащимся города», оказывающее социальную поддержку учащимся и учебным заведениям города.

Весьма значительными на нужды образования были пожертвования представителей купеческого сословия, которые чаще всего избирались почётными попечителями верхнеудинских учебных заведений. Так, известные верхнеудинские купцы А. К. Кобылкин и И. Ф. Голдобин в 1898 г. пожертвовали 7 500 тыс. р. на переустройство трёхклассного училища в четырёхклассное [14, с. 115]. Многие для развития народного образования в городе сделали почётные граждане, меценаты Фроловы. В 1901 г. Пётр Аввакумович Фролов пожертвовал 10 тыс. р. на устройство здания городского училища, а в 1902 г. – 15 тыс. р. на устройство помещения городского народного дома и городского общественного управления. Наследник его Пётр Иванович Фролов на образовательные нужды пожертвовал 43 тыс. р. [15, с. 49]. Не забывали о своей национальной школе евреи, всемерно поддерживая её. В частности в 1912 и 1913 гг. В. М. Сегельман устраивал спектакли в пользу Верхнеудинской еврейской школы [13, л. 96].

Периодически верхнеудинские благотворители участвовали в сборе пожертвований в пользу детей и бедных по случаю Рождества Христова или Пасхи по подписным листам, устраивали ёлки для бедных детей, где они получали подарки, организовывали лотереи-аллегри в пользу приюта арестантских детей и богаделен.

Ещё одной заметной сферой благотворительных начинаний было благоустройство города. Как правило, инициаторами таких пожертвований были городские власти, понимая реальность ограниченности городского бюджета, они стремились привлечь к ним состоятельных людей города. Так, например, в 1880 г. на устройство в городе бульвара большая часть необходимой суммы была пожертвована купцом А. П. Лосевым и мецанином К. К. Мордовским [6, л. 1].

В заключение отметим, что существовали различные системы общественного призрения, однако наиболее действенными были общественная и частная, которые осуществлялись при помощи благотворительных организаций, сословных обществ, частной инициативы, охватывая различные категории нуждающихся граждан. Филантропическая деятельность являлась общепризнанной, общепольной и самой видной общественной сферой, которая хорошо вписывалась в поведенческие

стереотипы городского сообщества. Проявлением общественной активности горожан становилась их деятельность в различных благотворительных организациях и обществах. Вкладывая свой капитал в создание различ-

ных общественно-благотворительных организаций, богоугодные дела, представители различных социальных и конфессиональных групп помогали всем нуждающимся, содействуя развитию социальной сферы города.

Список источников и литературы

1. Белых Е. А. Общественная и культурно-просветительская деятельность еврейских общин на территории Забайкальской области (60-е гг. XIX в. – 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств. Улан-Удэ, 2005. 264 с.
2. Верхнеудинский листок. 1905. 4 февр.
3. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. 1. Оп. 1. Д. 86.
4. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2471.
5. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2935.
6. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 259.
7. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3054.
8. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3059.
9. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3061.
10. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 522.
11. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2587.
12. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 200.
13. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 2621.
14. Замула И. Ю. О некоторых аспектах деятельности органов власти, общественных организаций, купечества города Верхнеудинска в области образования // Образование и культура XXI века: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2000. С. 115.
15. Замула И. Ю. Купеческая благотворительность как вклад в развитие социальной сферы города Верхнеудинска // Социальная защита: история и современность: материалы науч.-практ. конф. Улан-Удэ. 14 июня 2001 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. С. 49.
16. Мантурова С. Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 24.00.01. Улан-Удэ, 2005. 370 с.
17. Нагайцева Н. Д. Конфессиональная благотворительная деятельность в Забайкалье во второй половине XIX века // Ефремовские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 8–10 декабря. Улан-Удэ, 2003. С. 155.
18. Паликова Т. В. Благотворительность в городах Забайкалья во второй половине XIX – начале XX века // Социальная защита: история и современность: материалы науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 14 июня 2001 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. С. 45–47.
19. Паликова Т. В. Культура городов Прибайкалья (вторая половина XIX века – 1917 год). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. Ч. 1. 118 с.

УДК 94:63(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)

*Алексей Иванович Батура,
Людмила Георгиевна Романова*
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

**Модернизационные составляющие в сельском хозяйстве
Забайкалья на рубеже XIX – XX веков**

В статье показан сложный и неоднозначный процесс трансформации традиционного уклада жизни и выделены основные составляющие наметившегося процесса модернизации сельского хозяйства Забайкалья на рубеже XIX–XX вв. Сделано предположение о невозможности реализовать намеченный поворот из-за его преждевременности и принципиальной устойчивости традиций.

Ключевые слова: модернизация, традиционное общество, сельское хозяйство, агрономия, земледелие

Alexey I. Batura,
Lyudmila G. Romanova
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Modernization Components in Agriculture at the Turn Zabaikalia XIX–XX

The article shows a complex and ambiguous process of transformation of the traditional way of life and the basic components of the incipient process of modernization of agriculture at the turn of Zabaikalia XIX–XX centuries. It is suggested that it is impossible to implement the planned turnaround due to its prematurity and principled sustainability traditions.

Keywords: modernization, traditional society, agriculture, agronomy, farming

Модернизационная парадигма в современном общественном сознании, в том числе и в исторической науке, является наиболее популярной. Обращаясь к практике российской модернизации, известный историк, профессор В. В. Согрин отмечал: «Драма модернизации в России заключается в том, что она никогда не могла укорениться в народных массах, их ментальности и приобрести в результате органический характер». И далее: «Как видно, модернизационная и цивилизационная составляющие российской истории находятся в глубоком противоречии, при этом до сих пор “почва” неизменно брала верх над модернизацией, что предопределяло повторение драматических циклов российской истории. Возможно ли вообще преодоление их антагонизма? Этот вопрос, поставленный историей, является основополагающим для настоящего и будущего России» [9, с. 9]. Нельзя не согласиться с предложенными выводами и заключением, но вместе с тем и не обратить внимание на однозначный авторский негативизм. Отмеченное свидетельствует либо о затянувшемся историческом заблуждении, либо о принципиальной народной правоте. В обоих случаях понимание может быть достигнуто на основе анализа предшествующего исторического опыта, как собственного, так заимствованного. Начало такого опыта в Забайкалье следует отнести к концу XIX и началу XX в.

Начальное движение проявило себя в критическом настрое интеллигентного меньшинства по отношению к традициям прошлого. В одном из первых номеров местного журнала «Забайкальский хозяин» в статье с красноречивым названием «Насущные нужды Забайкальской деревни» автор прямо заявляет: «Забайкальская деревня год от года беднеет, и здесь не может быть двух мнений – для всех ясно и бесспорно, что настала пора бросить устаревшие, первобытные способы и перейти к новым, совершенным» [10, с. 5].

Автор ссылается на зарубежный опыт, считая что «деревня стоит накануне вступления на путь коренного хозяйственного переворота», и указывает его направления: народное образование, агрономическую помощь, кооперацию. «Улучшение хозяйств Германии, Испании, Франции, Бельгии и других стран совершилось при помощи этой троицы» [10, с. 7], – заканчивает автор. Призывы отказаться от традиционных способов хозяйствования и перейти к рациональным, по примеру Франции, Дании и других западных стран, стали расхожими на рубеже XIX–XX вв. Однако нельзя полагать, что отмеченные заявления и выводы оказывались пустыми декларациями. Строились планы, разрабатывались программы, отпускались средства, создавалась необходимая структура, намечалась перспектива развития всех отраслей хозяйства. Наиболее обширной по размаху деятельности была агрономическая помощь. Она же являлась и наиболее востребованной в сельскохозяйственном производстве. Первые сибирские правительственные агрономы были назначены в 1895–96 гг.: в Тобольскую губернию – Н. Л. Скалозубов, в Томскую – В. Г. Бажаев, в Акмолинскую – И. А. Вернер, Иркутскую – А. И. Ефимов и Амурскую – Н. А. Крюков. За последним были закреплены и обе части Забайкалья. Их работа на первых порах ограничивалась знакомством и изучением местного сельского хозяйства путём организации сбора статистических сведений, организации экспедиций, но затем работа стала практической. Н. Л. Скалозубов в докладе в 1901 г. местному обществу сельского хозяйства писал: «К сожалению, наша агрономическая организация в Сибири такова, что агрономам представлено только говорить о сельском хозяйстве, нуждах населения, средств же на удовлетворение этих нужд нет никаких» [8, с. 15]. Положение на самом деле было несколько иным, ибо тот же

Н. Л. Скалозуб в 1895 г. в г. Кургане открыл первую в Сибири общегубернскую кустарную и сельскохозяйственную выставку, а затем также первое в Сибири, в Тобольске, низшее сельскохозяйственное училище. Настоящий переворот был совершён в маслоделии, так что сливочное масло стали экспортировать в Европу. Всё это привело к тому, что потребности в агрономических знаниях возросли, расширились и направления агрономической помощи. Через десять лет правительственный агроном олицетворял собой необходимую аграрную систему в каждой губернии. До 1911 г. в Сибири существовало три параллельные агрономические службы: общеагрономическая – во главе с губернскими агрономами; организация по молочному хозяйству, наиболее многочисленная по составу и опирающаяся на сеть лабораторий и школ маслоделия преимущественно в Западной Сибири; переселенческая агрономическая организация. Все они были самостоятельны и независимы друг от друга. В 1911 г. их объединили в агрономическую организацию департамента земледелия. Переселенческие управления сохранили некоторые агрономические функции: в частности, изучение районов, подлежащих колонизации, в том числе их описание, сбор метеорологических данных, организацию опытных участков в необжитых местах. Общее число сибирских агрономов, служащих в департаментах земледелия в 1911–1913 гг., составило приблизительно 350 чел. [8, с. 15]. Отдельную агрономическую службу имели казаки. Забайкальская область в 1911 г. имела следующий агрономический штат: правительственного агронома, шесть районных агрономов, ведущих агрономическую работу среди крестьянского населения уездов, примерно по два три уезда на одного агронома; четырёх старших инспекторов полеводства, двух младших инструкторов полеводства, одного старшего и двух младших инструкторов молочного хозяйства, одного инструктора пчеловодства [3, л. 34]. Кроме этого, имелся войсковой агроном со штатом в 5–7 чел. [4, л. 35]. Имеющийся штат приходился на 350 тыс. десятин посевных площадей Забайкальской области и почти трёхмиллионное поголовье скота различных видов [1, с. 103, 191]. Территориальная обширность, масштабы сельского хозяйства и его раздробленность почти исключали возможность целенаправленной агрономической помощи, а следовательно, и его рационализацию, но агрономическая служба была заметна и в этих условиях. Особенно в плане пропаганды, семеноводстве, организации мелкого кредита, открытии сельских кооперативов, выставок.

Обращалось внимание на редкие, ранее неизвестные в Забайкалье виды и формы хозяйствования – пчеловодство, кролиководство, травосеяние, выращивание так называемой земляной груши (топинамбура). Так, в 1910 г. по линии правительственного агронома были разосланы, по предварительной договорённости, семена люцерны. Их согласились разводить 32 хозяина, в том числе четыре учителя, один доктор, три казака, три инородца и 17 крестьян. Договор предусматривал обязательства по распространению семян люцерны от урожая 1910 г. К нему была приложена анкета, которая должна была фиксировать полученный результат [3, л. 37]. У нас нет возможности проследить результат начинания, но в советских экономических отчётах 20-х гг. прошлого века по Забайкалье травосеяние фигурирует.

В ведении агрономов находились и зоотехническая служба, и даже ветеринарная помощь. Так, на агрономическом совещании 9 ноября 1911 г. рассматривался вариант, выраженный вопросительной формой: «...может ли агроном быть полезен в ветеринарии?» Утвердительно ответив на этот вопрос, участники совещания рекомендовали иметь на каждом агрономическом пункте ветеринарную аптечку [2, л. 8]. Решение вполне уместное, так как ветеринарная система практически отсутствовала.

Более успешной, адресной агрономической деятельностью можно считать переселенческую агрономию. Забайкальский переселенческий район территориально был поделён на два подрайона – Нерчинский и Витимский, которые в свою очередь делились на 8 участков групп. Переселение в Забайкалье началось в 1909 г., и параллельно с этим формировалась агрономическая служба, поставленная на научную основу. Было организовано два опытных поля, в каждом подрайоне, начавших свою деятельность в 1912 г.: Сохондинское – более 22 десятин и Верх-Унтургинское – около 21 десятины. Поля были разделены на 14 участков, в том числе: сортоиспытательный для хлебов, сортоиспытательный для корнеплодов и картофеля, сортоиспытательный для трав. Участок – опытный огород и другие опытные поля должны были заложить рациональную практику хозяйствования с учётом забайкальских условий – в широком плане, а также в конкретных местных условиях – в узком понимании. Кроме этого, планировалось получение значительного семенного материала для его дальнейшего распространения. На полях были сделаны необходимые постройки,

утверждён постоянный штат и сезонные рабочие, закуплен инвентарь, рабочий скот, семенной и посадочный материалы, созданы лаборатории. То есть была проделана значительная работа на солидном уровне с ориентацией на многолетнюю перспективу. Получилось нечто вроде образцовых опытных ферм с десятками лицами персонала, постоянно проживающих непосредственно на исследуемой территории [5, л. 19–34]. Опытная работа началась в 1914 г. Поля просуществовали до 1918 г. включительно. В результате был накоплен пятилетний опыт, который широко использовался уже в советское время. В частности были испытаны многие приёмы обработки почвы, определены оптимальные сроки посевов яровых и озимых культур, приёмы сбережения влаги и многое другое. Следует подчеркнуть непосредственно постановку опытного дела в высокогорных районах, где ранее вообще не было никакого сельского хозяйства [6, с. 64], что свидетельствует об исследовательской смелости и компетентности организаторов, их искреннем стремлении усовершенствовать хозяйство переселенцев, организовав его уже на прогрессивной основе.

Однако в целом в рассматриваемый период мелкие, распылённые на огромной территории хозяйственные единицы были слабо знакомы с новшествами, но самое главное – опасались их, и не без основания. Целый ряд предлагаемых усовершенствований имел рискованный характер, и пойти на них крестьяне не решались. Там же, где выгоды были очевидны, новое занимало своё место в арсенале сельского хозяйствования. Данная тенденция отчётливо просматривается в увеличении числа земледельческих машин. С 1904 по 1910 г. население области увеличило число жнеек в

5 раз, сенокосилок в 7 раз, конных граблей более, чем в 5 раз, молотилок и веялок примерно в 5 раз, плугов почти в 23 раза, а дисковых борон в 539 раз. Их до 1904 г. не было вообще. Столь значительное увеличение технического оснащения объясняется с одной стороны низким первоначальным техническим арсеналом, но с другой – объективной готовностью сельских хозяев к техническому усовершенствованию своего труда. Об этом свидетельствует рост числа плугов, наиболее востребованных и необходимых орудий сельского труда. Они составили в 1910 г. примерно третью часть пахотных агрегатов [7, с. 51].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в сельском хозяйстве Забайкалья стали проявлять себя некоторые модернизационные составляющие, особенно в технико-агрономической сфере. В правительственных кругах, среди специалистов, научной общественности наметившийся сдвиг принимался за разрыв с традиционным укладом и как поворот к интенсивному хозяйствованию по западным образцам. В этом плане задуманные и осуществлённые мероприятия отличались должным размахом и рациональной перспективностью. Традиционное хозяйствование, в общих представлениях, было незначительно потеснено, но не отвергнуто, да и сами попытки его ликвидации в радикальной форме были преждевременны, возможно, даже и в существе ошибочны. Природно-климатические, этнические, социально-политические, исторические и другие отличительные особенности страны и региона делали совершенно невозможным прямое заимствование и, следовательно, предполагали закреплённый собственной практикой вариант модернизационной трансформации.

Список источников и литературы

1. Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск.: Наука, 1975. 261 с.
2. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1.
3. ГАЗК. Ф. 82. Оп. 2. Д. 140.
4. ГАЗК. Ф. 82. Оп. 2. Д. 50.
5. ГАЗК. Ф. 82. Оп. 2. Д. 141.
6. Сельское и лесное хозяйство Забайкалья (справочник). Чита, 1927. 143 с.
7. Сельскохозяйственная хроника // Забайкальский хозяин. 1912. № 5. С. 47–61.
8. Сибирская Советская энциклопедия: в 3 т. / под ред. А. М. Азадовского. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929–1932. 1500 с.
9. Согрин В. В. Политическая история современной России, 1985–2001. От Горбачёва до Путина. М.: ИНФРА-М: Весь мир, 2001. 260 с.
10. Терентьев Г. А. Насущные задачи Забайкальской деревни // Забайкальский хозяин. 1912. № 4. С. 5–9.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)

Евгений Владимирович Игумнов

Санкт-Петербургская государственная
академия ветеринарной медицины,
г. Санкт-Петербург, Россия

Роль военных топографов в освоении Забайкалья во второй половине XIX – начале XX века

Освоение Сибири в дореволюционный период неразрывно связано с деятельностью военных. В данной работе в контексте исторического развития сибирской военно-топографической службы рассматривается деятельность военных топографов по изучению и хозяйственно-экономическому освоению Забайкалья с середины XIX до начала XX в.

Ключевые слова: военно-топографическая служба, карты, межевание земель, геодезические работы, освоение Забайкалья

Evgeny V. Igumnov

Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine
St. Petersburg, Russia

Role of Military Topographers in Transbaikalia Development in the Second Half of the XIX – Early XX

The development of Siberia in the pre-revolutionary period is inextricably linked to military activities. This paper, in the context of the historical development of the Siberian Military Topographic Service, reviews the activities of military topographers related to the study and economic-economic development of Transbaikalia from the middle of XIX to the beginning of the XX century.

Keywords: military-topographic service, maps, land surveying, geodetic works, development of Transbaikalia

Одним из наиболее распространённых обозначений, используемых для определения вхождения Сибири в состав Российского государства, сегодня, наряду с терминами «присоединение», «колонизация», «завоевание», применяется понятие «освоение». Согласно существующей характеристике в глагольном выражении термин «освоение» означает «научиться пользоваться чем.-л., употреблять что.-л., овладеть чем.-л.» [3, с. 52–55]. В самом широком смысле этого слова под освоением Сибирского региона понимается комплекс правительственных мероприятий, направленных на включение Сибири в состав России, а также продвижение, расселение и адаптация русского населения на новых территориях. Начало освоения сопровождалось сбором географических сведений о Сибири, составлением на основе полученных данных чертежей и карт. В XVIII в. сбором сведений о географическом положении региона занимались академические и правительственные экспедиции. В XIX в. большой вклад в изучение и накопление картографического материала внесли военные топографы.

Возникновение военно-топографической службы в Сибири относится к первой четверти XIX столетия, когда в 1822 г. в Санкт-Петербурге был образован Корпус военных топографов. Согласно «Положению о корпусе топографов» его цель заключалась в организации и производстве государственных съёмок в мирное и обозрение мест в тылу армии в военное время. Таким образом, с самого начала деятельность Корпуса далеко выходила за пределы военной сферы, была призвана обеспечивать различные учреждения и ведомства топогеодезическими данными. Вскоре после создания он приступил к производству топографических съёмок в Западной Сибири. В 1832 г. в Омске была сформирована 2-я полурота роты № 4 Корпуса военных топографов.

В Восточной Сибири топографические работы долгое время носили редкий характер и только с командированием в 1843 г. Генеральным штабом в Забайкалье для обзора пограничной линии с Китаем капитана Н. Х. Агте они стали вестись более целенаправленно. В 1843–1845 гг. Н. Х. Агте произвёл рекогносцировку рек Шилка и Аргунь, составил план кара-

улов и крепостей Кяхты и Майма-Чена [9, с. 59]. На основании полученных сведений им был составлен проект переустройства забайкальского казачества.

Во второй половине 1840-х – 1850-е гг. значение Забайкалья как базового пункта для освоения Приамурья возрастает. Заметное влияние на развитие топографических работ в крае оказало образование в 1851 г. Забайкальской области и дальнейшее формирование сибирской военно-топографической службы. В 1847 г. при генерал-губернаторе Восточной Сибири была создана небольшая геодезическая часть Генерального штаба, представлявшая собою $\frac{1}{4}$ 2-й полуроты роты топографов № 4 Сибирского корпуса. В 1851 г. для размежевания казённых земель в Восточной Сибири сформирована полурота из 24 топографов, 1 фельдфебеля и 1 каптенармуса [5, с. 168]. В 1857 г. состав военно-топографических сил Восточной Сибири увеличился – сначала за счёт расширения $\frac{1}{4}$ 2-й полуроты с 12 до 20 топографов, а затем учреждения вместо неё особой третьей полуроты роты № 4, состоявшей из 5 обер-офицеров и 24 топографов с фельдфебелем [7, с. 1–43]. Штат размежевания казённых земель Восточной Сибири в 1863 г. вырос до 32 человек [4, с. 917.]. Результатом этих преобразований явилось усиление геодезических работ на территории Забайкалья, составление новых карт.

В 1850 г. топограф Жуков осуществил глазомерную съёмку и составил карту золотоносной системы на реке Чикой Верхнеудинского округа. В 1851 г. были астрономически определены Селенгинск, Верхнеудинск, Нерчинск, Сретенск, Баргузин. Образование в марте 1851 г. Забайкальского казачьего войска вызвало необходимость в определении границ и размежевании поступивших в его владение земель. В связи с этим генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв в 1852 г. направил в Забайкалье для съёмок в районе 1-го конного полка, 9-го и 10-го пеших батальонов топографов вверенной ему части Генерального штаба. В 1852 г. по результатам произведённых ими полуинструментальных съёмок полковник А. И. Заборинский составил карту отдельных участков, расположенных вдоль рек Шилки, Нерчи и Куэнги. В 1855 г. составлена генеральная карта Забайкальского края в масштабе 50 вёрст в дюйме. В том же г. были сняты полуинструментально: часть Верхнеудинского округа по долинам рек Джиды, Чикоя и Хилка, пространство по р. Ингоде от с. Николаевского до Петропавловского завода. В 1857 г. в Забайкальской области и по р. Амуру снято полуинструментально 1853 кв. верст.

В своей работе военные топографы опирались на высочайше утверждённую 26 мая 1854 г. «Инструкцию для руководства при производстве съёмок и размежевании земель Забайкальского казачьего войска» [2, с. 543–547]. Ею определялся состав и обязанности сотрудников съёмочных партий, способы финансирования, порядок представления отчётности и проектных планов. Накопленный таким образом материал должен был послужить источником для разграничения казачьих земель. В 1861 г. руководство по производству размежевания земель Забайкальского казачьего войска перешло к начальнику размежевания казённых земель Восточной Сибири и образованному при нём межевому отделению по казачьим войскам Восточной Сибири. В пореформенный период последнее претерпело ещё ряд изменений: в 1873 г. переименовано в межевое отделение казачьих войск Восточной Сибири, в 1887 г. переведено из Иркутска в Читу и, наконец, в 1894 г. преобразовано в межевое отделение войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска [1, с. 73].

В 1867 г. последовала реорганизация военно-топографической службы Сибири – в Омске и Иркутске были созданы Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский военно-топографические отделы. Продолжая работы, начатые ранее в Забайкалье, в 1868–1873 гг., служащие военно-топографического отдела при Восточно-Сибирском военном округе, под руководством полковника Н. А. Емельянова, занимались съёмкой местности в Верхнеудинском и Селенгинском округах, на землях 4-го конного казачьего полка. Наибольшие успехи в деятельности отдела связаны с именем Логина Александровича Большева, состоявшего сначала в должности помощника (1872–1878), а затем и начальника Военно-топографического отдела (1878–1880) [10, с. 127]. Кроме того, с конца 1877 по 1880 г. он являлся председателем Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Для составления новой карты Забайкальской области в 1875 г. Л. А. Большев организовал хронометрическую экспедицию в Забайкалье, в ходе которой определил положение 15 астрономических пунктов по рекам Ингоде, Аге, Онону, Унде и верховьям Газимира. В 1878–1882 гг. сотрудник Военно-топографического отдела штабс-капитан М. П. Поляновский дал определение ещё около 50 астрономических пунктов Забайкальской области; в 1883 г. штабс-капитан М. А. Назарьев определил 7 астрономических пунктов. Одновременно продолжалось производство топографических

съёмки. С целью прокладки опорной геодезической сети начал использоваться метод триангуляции. К сожалению, значительная часть собранного военными топографами материала погибла во время страшного пожара в Иркутске в июне 1879 г., в 1880 г. скоропостижно скончался Л. А. Большев, и план по изданию новой карты Забайкалья тогда осуществлён не был.

В 1884 г. Забайкальская область вошла в состав только что образованного Приамурского генерал-губернаторства. Вследствие административных изменений был создан Приамурский военный округ, при котором вместо Восточно-Сибирского учреждён Приамурский военно-топографический отдел. При Иркутском окружном штабе оставлены 4 топографа и заведующий топографической частью [6, с. 1–39]. Фактически с расформированием топографического отдела в Иркутске геодезические работы в Забайкалье на некоторое время приостановились. Производство топографических съёмок в Забайкальской области взял на себя Приамурский военно-топографический отдел, однако в первые несколько лет после создания его внимание, главным образом, было сконцентрировано на Амурской области и Уссурийском крае, а с переменой внешнеполитической обстановки на Дальнем Востоке – направлено на организацию топографических, астрономических и картографических работ на Ляодунском полуострове. Силы небольшой топографической части в Иркутске оказались сосредоточены на изучении Иркутской губернии.

Возобновление деятельности военных топографов в Забайкалье связано с подготовкой и началом строительства железнодорожной магистрали в Сибири, развитием переселенческого движения и ростом социально-экономического значения края. В 1890 г. сотрудники Приамурского военно-топографического отдела с помощью телеграфа определили долготу 5 пунктов, в 1891–1892 гг. произвели топографическую съёмку по среднему течению р. Онона, нижнему р. Борзи и границе с Монголией. Весной 1893 г., на основании высочайше утверждённого положения Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД), к штабу Иркутского военного округа были временно прикомандированы 39 чинов Корпуса военных топографов [8, л. 6–9об.]. В течение 1893–1894 гг. их деятельность преимущественно распространя-

лась на Забайкальский участок проектированного пути, от ст. Мысовой до станции Покровской. Затем, по мере завершения наблюдений в Забайкалье, они стали перемещаться на другие отрезки железной дороги. Четверо из них, С. Т. Мирошниченко, Ю. А. Шмидт, М. П. Поляновский и Н. О. Щеткин, занимались определением астрономических пунктов. Целью остальных топографов, разбитых на 5 партий, провозглашалось производство нивелировки и съёмки местности в двухвёрстном и 100-саженном масштабе. Работы военных топографов являлись частью вспомогательных мероприятий по изучению Сибири созданного в декабре 1892 г. КСЖД. Наряду с исследованиями геологических партий, гидрографических и статистических экспедиций, материалы, полученные в результате топографических съёмок и астрономических наблюдений, использовались при прокладке железнодорожного пути и развёрнувшейся колонизации Сибири.

С прекращением деятельности КСЖД ведущая роль в организации топографических съёмок на территории Восточной Сибири перешла к Иркутскому военно-топографическому отделу, открытому в 1906 г. Как и раньше, среди главных задач стояло проведение астрономических, геодезических и топографических работ по линии Сибирской железной дороги. Повышенное внимание уделялось исследованию золотоносных районов, представлявших собой интерес с точки зрения экономического освоения региона. В 1909 г. офицерами Иркутского военно-топографического отдела была произведена топографическая съёмка в масштабе 2 версты в дюйме в Баргузинском золотоносном районе и снято 10 746 кв. вёрст, определены высоты 4753 переходных точек. Подполковник М. П. Никитин с 11 мая по 8 октября 1909 г. совершил 6 хронометрических рейсов в Баргузинском районе и определил 22 астрономических пункта [9, с. 298].

Таким образом, начало деятельности военных топографов в Забайкалье было обусловлено необходимостью укрепления позиций России на восточных рубежах. В дальнейшем, не ограничиваясь решением военных-политических задач, они принимали деятельное участие в хозяйственно-экономическом освоении Забайкальской области, внесли большой вклад в изучение края.

Список источников и литературы

1. Высочайше учреждённая под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: Материалы. Исторические сведения / сост. А. Щербачёв. СПб., 1898. Вып. 5.
2. Инструкция для руководства при производстве съёмок и размежевании земель Забайкальского казачьего войска // ПСЗРИ. Собр. II. СПб., 1855. Т. XXXVIII. Отд. I. № 28299.

3. Инютина Л. А. Освоение Сибири в глагольном выражении (XVII в.) // Слово: фольклорно-диалектол. альманах. Благовещенск, 2007. Вып. 5.
4. Об увеличении штата межевания казённых земель Восточной Сибири // ПСЗРИ. Собр. II. СПб., 1866. Т. XXXVIII. Отд. I. № 39994.
5. О сформировании полуроты топографов для размежевания казённых земель в Восточной Сибири // ПСЗРИ. Собр. II. СПб., 1852. Т. XXVI. Отд. I. № 25001.
6. Отчёт о геодезических, астрономических, топографических и картографических работах, произведенных чинами корпуса военных топографов в 1884 г. // Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. Ч. XLI. Отд. I. СПб., 1886.
7. Отчёт о геодезических и топографических работах, произведённых в ведении Военно-Топографического отдела Главного Штаба в 1871 г. // Записки Военно-топографического отдела Главного Штаба. Ч. XXXIII. Отд. I. СПб., 1873.
8. РГИА (Рос. гос. ист. архив). Ф. 364. Оп. 6. Д. 8.
9. Смагин Р. Ю. Военно-топографическая служба в Сибири в XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2015. 366 с.
10. Сухова Н. Г. Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX веке. М.; Л.: Наука, 1964. 191 с.

УДК 37:93/94(571.55)
ББК Ч4:т3(2Рос-4Чит)

Инна Николаевна Мамкина

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Государственная политика в области кадрового обеспечения учебных заведений Забайкальской области в конце XIX – начале XX в.

Государственная служба в области народного просвещения на региональном уровне является малоизученной проблемой. В статье представлен анализ государственной службы на примере Забайкальской области; определены особенности государственной службы и чиновничества в Забайкалье, отмечена социальная незащищённость учителей начальной школы. Автор характеризует государственную политику в области кадрового обеспечения народного просвещения как избирательную и непоследовательную.

Ключевые слова: Забайкалье, государственная служба, чиновничество, просвещение, учителя

Inna N. Mamkina

*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Staffing State Policy of Educational Institutions in Transbaikal Region in the Late 19th Early 20th Centuries

Public service in the educational sphere has not been studied at the regional level. In the article, the author tried to fill the gap by researching the public service at schools in Transbaikal region. In the paper the author has identified features of the public service and the rank promotion in Transbaikal region, noted the social vulnerability of the primary school teachers. In the article, the author came to the conclusion that the educational state policy was selective and inconsistent.

Keywords: Transbaikal region, public service, rank promotion, education, teachers

На протяжении второй половины XIX в. в Забайкальской области увеличивалось число государственных учебных заведений различного типа. Открылась мужская гимназия в Чите, реальное училище в Нерчинске, получи-

ло развитие женское среднее образование, количество начальных училищ достигло 422. Рост числа учебных заведений привёл к дефициту профессиональных кадров. Преподаватели гимназий и учителя начальных училищ

являлись служащими министерства народного просвещения и имели право на чиновное производство.

В конце XIX в. государственная служба в министерстве народного просвещения имела некоторые особенности. Запрет принимать на гражданскую службу иностранцев и лиц бывшего податного сословия в ведомстве не действовал. Например, в 1915 г. в Читинской учительской семинарии временно преподавал гимнастику английский подданный Вальтер Ирвинг. Не соблюдалось соответствие должности и чина. По правилам служащий имел право на разницу чина и должности в три класса, а именно – одним классом выше должности или двумя классами ниже. В министерстве народного просвещения, преподаватели гимназий, городских и уездных училищ производились «тремя чинами выше класса присвоенного должности» [4]. Нарушались сроки выслуги последующего чина. Так, послужной список учителя городского четырёхклассного училища в Троицкосавске П. С. Михно подтверждает отступление от общих правил в системе чиновного производства. Окончив в 1888 г. Глуховский учительский институт Михно был назначен учителем в Троицкосавск. В 1898 г. он получил чин коллежского секретаря со старшинством, в 1901 г. – титулярного советника со старшинством, в 1902 г. – коллежского асессора со старшинством, в 1903 г. – надворного советника со старшинством. В 1906 г. П. С. Михно назначен инспектором Читинского и Акшинского уездов [2, л. 4]. Таким образом, мы видим, что сроки получения десятого, девятого и восьмого чина противоречат правилам. Все эти отступления допускались и оправдывались острой необходимостью в профессиональных кадрах.

В то же время учителя начальной школы, в большинстве своём выходцы из податного сословия, производились в чин по истечении 12 лет усердной и беспорочной службы. Низкий уровень заработной платы, высокая степень контроля со стороны общества и государства, слабая правовая защищённость делали профессию малопривлекательной. Отработав положенный срок, учителя переводились в другие ведомства, что и объясняет малое число учителей чиновников в начальной школе.

Таким образом, получение классного чина в системе народного просвещения зависело от образования и типа учебного заведения. В основном преимущества имели учителя средних учебных заведений и начальных училищ повышенного типа. Учитель приходской школы, лишённый поддержки со стороны государства, уходил в другие профессиональные сферы, в

связи с чем начальная школа сохраняла острую потребность в учителях.

Для обеспечения учителями и преподавателями учебных заведений отдалённых территорий со сложными климатическими условиями и особым географическим положением государство закрепило определённые льготы, получившие названия особых и наибольших преимуществ. Особым преимуществом пользовались служащие Восточной Сибири, куда входила Забайкальская область. К регионам с наибольшим преимуществом были причислены: остров Сахалин; Петропавловский, Гижигинский, Охотский, Николаевский округа Приморской области; Якутская область; Туруханский край Енисейской губернии; Кольский, Кемский, Мезенский и Печорский уезды Архангельской области.

Особое преимущество представляло собой: «...1) прогонные деньги в усиленном размере; 2) пособия на подъём и обзаведение; 3) прибавки к жалованию; 4) пособия по выслуге десятилетий; 5) пособия на воспитание детей; 6) отпуска на льготных основаниях; 7) преимущества пенсионные; 8) пособия семьям лиц, умерших на службе» [5, с. 912].

«Усиленный размер прогонных денег» для выезжающих на службу в Иркутское генерал-губернаторство выражался в получении полуторной стоимости проезда в отдалённые местности и двойной в области с наибольшим преимуществом. Пособие на «обзаведение» для женатых чиновников полагалось в размере годового оклада их будущего жалования, неженатым – $\frac{2}{3}$. Половина пособия выдавалась перед отъездом, оставшаяся часть – по прибытии. Чиновники, получившие проездные деньги и единовременное пособие, обязывались в течение трёх лет проработать на новой должности, в противном случае деньги взыскивались обратно.

«Прибавки к жалованию» чиновники получали за добросовестную службу в течение пятилетия. Количество оплачиваемых пятилетий определялось законом. В Якутии и Туруханском крае засчитывалось три пятилетия, в Иркутском и Приамурском генерал-губернаторстве – два. За каждое пятилетие полагалась доплата из расчёта 25 % от жалования. Каждая прибавка начислялась по текущему максимальному жалованию, в случае его увеличения во втором пятилетии пересчитывалась доплата первого, в случае уменьшения доплата за первое сохранялась в прежнем объёме. Аналогичный расчёт действовал и при начислении третьей доплаты. Каждые десять лет чиновники Приамурского генерал-губернатор-

ства получали единовременное пособие в размере «полуторных прогонов по классу занимаемой ими должности до места из которого они первоначально были переведены на службу в отдалённые районы» [5, с. 912]. В марте 1899 г. по ходатайству генерал-губернатора Н. И. Гродекова служащим средних учебных заведений Приамурья были увеличены оклады в полтора раза, что отразилось и на исчислении пенсии. С 1884 по 1905 г. чиновники по учебной части Забайкальской области пользовались этими льготами, так как в этот период Забайкалье входило в состав Приамурского генерал-губернаторства.

Для помощи в обучении детей сибирских чиновников государство учреждало специальные стипендии во всех типах учебных заведений. В случае отсутствия стипендий государство ежегодно выплачивало 360 р. учащемуся в университете, 240 р. – средних учебных заведениях, 120 – начальных. Дети сибирских чиновников, окончив Иркутскую, Красноярскую или Читинскую гимназии дополнительно получали 60 р. единовременного пособия из казны. Служащим в Якутии и Туруханском крае оплачивался проезд каждого ребёнка при поступлении в учебное заведение. Детям, получавшим домашнее образование, до 13 лет полагалось пособие в размере 100 р. в год и 150 р. до 18 лет. Дети, получившие при поддержке государства высшее образование, обязаны были отработать в течение шести лет.

Продолжительность отпуска на льготных основаниях составляла четыре месяца. В 1913 г. преподаватель читинской учительской семинарии В. В. Мезенев в связи с болезнью жены и необходимостью её лечения получил трёхмесячный отпуск с сохранением жалования для поездки на Кавказ [1, л. 117].

Заметим, что льготы в областях и губерниях Восточной Сибири закреплялись только за чиновниками, начиная с IX классного чина (с титулярного советника), включая женщин и законоучителей, работающих в средних учебных заведениях.

Дополнительным способом обеспечения школ учителями можно назвать обязательства по службе, которые возникали в связи с получением образования за государственный счёт. Казённокоштные выпускники обязывались к работе на гражданской службе на установленный срок. Например, выпускники мужских гимназий имели обязательства по гражданской службе в течение шести лет, по учебной – восьми. Обязательства сохранялись и при отсутствии вакансий, в таком случае казённокоштные выпускники могли назначаться в другие

губернии на учительские должности в приходские школы.

Выпускники учительских семинарий, завершив обучение, отрабатывали шесть лет. По истечении двух лет службы в начальной школе учитель имел право продолжить образование в учительском институте, при этом оставшиеся четыре года обязательной службы сохранялись. Если образование в учительском институте было получено за государственный счёт, то обязательства за обучение в институте возникали после погашения предыдущего. Однако выпускник учительского института освобождался от обязательств, если в течение шести месяцев он не получал назначения в городское училище [4, с. 23]. В случае отказа выпускника от отработки он возмещал государству полную стоимость обучения.

В Восточной Сибири существовало три учительских семинарии – в Красноярске, Иркутске и Чите. Количество выпускников не соответствовало потребности края. В этих условиях обязательства по службе способствовали разрешению кадровых проблем в системе образования. Большинство служащих в ведомстве МНП являлись выпускниками учебных заведений Европейской России. Так, например, в 1881 г. в системе управления учебными заведениями Восточной Сибири из 19 должностных лиц только двое являлись выпускниками местных учебных заведений – штатные смотрители Троицкосавского и Нерчинского уездных училищ коллежские асессоры Иннокентий Афанасьевич Лалетин и Иван Петрович Черепанов, выпускники Иркутской гимназии [3, с. 238]. В начале XX в. соотношение местных и приезжих учителей составляло 40 % к 60 % соответственно.

Таким образом, служба в министерстве народного просвещения считалась государственной и имела некоторые особенности. Особенности зависели от общего уровня развития образования в целом. Способствуя развитию просвещения в отдалённых областях, государство закрепляло систему преференций, способствующих привлечению квалифицированных кадров. Повышенное жалование, увеличенный отпуск, дополнительные льготы положительно сказались на общем уровне развития народного просвещения в регионе. Но стоит заметить, что проводимая государством политика касалась лишь среднего образования. Создавая условия для преподавателей средней школы, власти «забывали» о народном учителе. Низкий уровень жизни, социальная незащищённость, отсутствие возмож-

ности профессионального роста низводили учителя на самый низ социальной лестницы. Непоследовательность государственной политики в области социального обеспечения учителей привела к расколу преподавательского

сообщества в революцию 1917 г. Народный учитель поддержал революцию, помогая новой идеологии закрепиться в сознании народа, формируя тем самым основу советского государства.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. 71. Оп. 1. Д. 579.
2. ГАЗК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32.
3. Делеско Ю. Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа. Иркутск: Тип. Вост.-Сиб. воен. окр., 1881. 347 с.
4. Свод Уставов по службе гражданской. Т. 3. Кн. 1: Устав о службе по определению от правительства. СПб, 1896. 340 с.
5. Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Настольная книга по народному образованию. СПб.: Знание, 1901. Т. 2. 1537 с.

УДК 94:32
ББК ТЗ(2):У03

Лилия Владимировна Кальмина

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия*

**Экономическое соперничество Читы
и Верхнеудинска в 1910-е гг.: геополитический вираж**

В негласном экономическом соревновании областной Читы и уездного Верхнеудинска, пик которого пришёлся на 1910-е гг., победа зависела не столько от собственных усилий обоих городов, сколько от геополитической стратегии империи. Именно геополитика определяла их место на забайкальском экономическом пространстве, была причиной их взлёта и падения.

Ключевые слова: Верхнеудинск, Чита, экономическое соперничество, геополитические интересы, экономическое положение, железнодорожные мастерские

Lilia V. Kalmína

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russia*

**Economic Competition of Chita
and Verkhneudinsk in 1910-s: Geopolitical Turn**

In an unofficial economic competition of regional Chita and uyezd Verkhneudinsk, the highest point of which took place in 1910-s, the victory depended not only on their own efforts but also on geopolitical policy of the Empire. The very geopolitics defined their place in Transbaikal economic area, it was the reason of their victories and failures.

Keywords: Verkhneudinsk, Chita, economic competition, geopolitical interests, economic position, railway works

Рассматривая итоги неформального экономического соперничества двух городов, мы вполне отдаём себе отчёт в дискусионности вопроса. Несомненным остаётся одно: роль и место каждого из них на забайкальском экономическом поле диктовалось не столько усилиями городских властей по подъёму экономиче-

ского престижа своего города, сколько внешнеполитическими интересами империи, в разное время предполагавшими усиление той или иной территории.

О каком-то определённом времени начала этого «соревнования» говорить трудно. Но довольно чётко соперничество обозначилось

во второй половине XIX в., когда Чита уже имела статус областного центра. До этого рейтинги обоих городов были несопоставимы: Верхнеудинск уже в конце XVIII в. был крупным торговым центром с «знатнейшей» ярмаркой, чьи обороты превышали 2 млн р. [2, с. 112]. А Чита даже в середине XIX в. была селом с несколькими сотнями населения, без каких бы то ни было градообразующих признаков. Однако благодаря своему выгодному географическому положению в начале Амурского бассейна на равноудалённом расстоянии от неформальных лидеров Западного и Восточного Забайкалья Верхнеудинска и Нерчинска она, не имея для этого никаких социально-экономических и культурных предпосылок, выдвинулась из ряда скромных «местечек» в административный центр вновь созданной Забайкальской области. Её неожиданному возвышению способствовала российская политика нейтрализации нараставшего влияния западных стран на Дальнем Востоке, потребовавшая от России перестройки административно-территориальной и социально-экономической организации Забайкальского региона [8, с. 3; 9, с. 50].

Важная торгово-посредническая роль уездного Верхнеудинска позволяла ему поначалу успешно конкурировать с областным центром, в первую очередь в размерах денежных сумм, которыми мог оперировать город для своего развития. В 1875 г. доходная база Верхнеудинска превышала таковую в Чите на 1263 р. Десятилетие спустя, в 1886 г., разрыв увеличился до 19 тыс. р., однако в дальнейшем сократился: в 1889 г. доходы Верхнеудинска и Читы составили 48 585 р. 91¼ к. и 42 721 р. 44 к. соответственно [3; 10, с. 288; 12, с. 335, 340]. В 1890-е гг. доходы уездного Верхнеудинска уже стали уступать областному центру: проект бюджета Верхнеудинска на 1893 г. предусматривал 48 812 р. 67 к. доходов против 51 273 р. 41 к. доходов Читы [4], хотя сбор с торговых документов в уездном городе, десятилетиями игравшем роль крупного торгового центра, был стабильно выше, чем в административном центре области.

Проведение Транссибирской железнодорожной магистрали, ставшей решающим шагом в капитализации Сибири, оказало двоякое влияние на Верхнеудинск. С одной стороны, к нему от Иркутска перешла роль торгово-распределительного центра, снабжавшего Западное Забайкалье привозными товарами, и функции сборщика сырья Забайкалья и частично Монголии. Однако город оказался не готов к новой роли, по инерции в деле повышения экономического своего статуса более на-

деясь на ярмарку, которая многие десятилетия была доминантой городской экономики. Верхнеудинску как второразрядному городу было отказано в открытии отделения Государственного банка, которое могло бы способствовать получению дешёвых кредитов для развития промышленности и ремесел, на том основании, что «в Империи имеется ещё много пунктов, которые по торговому своему значению ощущают более настоятельную необходимость в открытии Банка» [7, с. 15]. Чита же от магистрали однозначно выиграла, сполна воспользовавшись преимуществами города «у дороги». Из небольшого городка с населением в 11 480 чел. в 1897 г. и бюджетом в 84 589 р. 51 к. к 1913 г. Чита превратилась в один из крупнейших городов Восточной Сибири с населением в 70 тыс. и бюджетом, превышающим полмиллиона рублей [1, л. 55]. Железная дорога, робко менявшая экономическое пространство Верхнеудинска, в административном центре области быстро потянула за собой соответствующую инфраструктуру. Как следует из докладной записки Читинской городской управы в Министерство путей сообщения, экономический расцвет Читы обеспечила дислокация здесь Главных мастерских Забайкальской железной дороги, а в дальнейшем – Управления строительства Западной части Амурской железной дороги [1, л. 55, 61].

В 1910-е гг. конкуренция между городами усилилась. «Яблоком раздора» стали Главные железнодорожные мастерские, стены которых из-за неудачного выбора места на глубоко промерзающем грунте стали разрушаться, в связи с чем и был возбуждён вопрос их переноса. Верхнеудинск уже мысленно видел их у себя, рассчитывая переводом из Читы массового платежеспособного потребителя (железнодорожных рабочих и служащих) улучшить экономическое положение города, дефицит бюджета которого с 1880-х гг. приобрёл застойный характер. Однако, по оценке Читинской городской думы, этот перевод вкуче с окончанием постройки западной части Амурской железной дороги и отъездом подрядчиков, закупавших материалы и предметы потребления в читинских торгово-промышленных предприятиях, грозил городу экономической катастрофой. Экономические потери, вызванные предполагающимся переводом мастерских, Дума оценила в 60–75 тыс. р. Цифра появилась из расчёта предполагающегося снижения оборота торгово-промышленных предприятий, уменьшения числа квартиросъёмщиков в результате освобождения квартир железнодорожниками, падения доходности недви-

жимого имущества, потери платежеспособного потребителя – мастеровых и служащих, зарабатывающих до 810 тыс. р. в год [1, л. 56, 57].

Идея перевода мастерских в Верхнеудинск впервые прозвучала ещё в 1904 г. Город даже подобрал для них подходящее место площадью 1200 кв. саженей, но начавшаяся Русско-японская война «отодвинула» вопрос на неопределённое время. После войны он вновь встал. Город инициировал его с завидной настойчивостью, хотя такого рода инициативы с «мест» должны были иметь под собой очень веские основания. Насколько Верхнеудинск был тогда предпочтительней – вопрос спорный. Хотя город всячески подчёркивал свои преимущества, состоявшие в «[...] дешёвизне и обилии [...] всякого рода жизненных припасов и рабочих сил», тогда как в Чите «часто некоторых жизненных припасов нельзя вообще приобрести, а если что и найдётся, считая, в том числе квартиры и дрова, то значительно дороже, чем в Верхнеудинске» [1, л. 4], эту оценку нельзя считать объективной. Уездный город, естественно, тянул «одеяло» на себя, подчёркивая свои достоинства и преуменьшая заслуги соперника. Чита могла достойно противостоять ему как центр области, имевший ёмкий рынок сельскохозяйственной продукции и сосредоточивший у себя множество торговых-промышленных предприятий, появление которых было обусловлено самим существованием Управления строительства Западного участка Амурской железной дороги. В экономическом споре на этом этапе победила Чита: министр путей сообщения отказал Верхнеудинску, признав вопрос преждевременным.

Однако в конце концов уездный город добился-таки своего: журнальным постановлением от 20 марта 2014 г. был одобрен проект создания в Верхнеудинске паровозных мастерских Забайкальской железной дороги, рассчитанных на ремонт 70 паровозов в год [1, л. 120].

Что же изменилось за эти несколько лет? Допустим, проседание грунта на месте мастерских действительно потребовало их переноса. Но, во-первых, подходящее место для создания новых вполне могло быть выбрано неподалеку, что было бы проще и дешевле, чем переносить их на много сотен вёрст. Во-вторых, вопрос о железнодорожных мастерских до сих пор был полностью в компетенции министерства путей сообщения, кото-

рое само решало, переносить их или оставить на месте. Теперь же, после заключения Инженерного совета, его предстояло заслушать на заседании Госдумы. Объяснение, на наш взгляд, следует искать в геополитической стратегии Российской империи на Востоке.

Синьхайская революция 1911 г. и объявление Монголией независимости вызвали большой интерес в России, осознававшей важность Монголии для реализации российских политических и экономических интересов на Дальнем Востоке [11, с. 92]. Российско-китайское соперничество не исключало широкомасштабных военных действий в Монголии. Китай, не видя для себя опасности со стороны западно-европейских государств, в то же время оценивал Россию как очень серьёзного противника, и истинная цель её многомиллионных затрат на постройку железных дорог для него не были секретом [6]. С подачи японской дипломатии, стремясь ослабить влияние России в Монголии, он интенсифицировал железнодорожное строительство, ежегодно затрачивая на сооружение ветки от Тяньцзиня около 2 млн долл. с перспективой соединения её с Транссибирской магистралью [5], что потребовало от России «симметричного» ответа. Им стал план проведения Кяхтинской ветки железной дороги – от приграничной Кяхты до Транссибирской магистрали с будущим продолжением её через Монголию до Пекина [1, л. 49–51]. Причина этой железнодорожной «гонки» очевидна: борьбу за влияние в Монголии выиграл бы тот, кто быстрее создал надёжную транспортную инфраструктуру на её территории.

Было понятно, что из-за относительной близости монгольской границы Верхнеудинск представляет собой более удобное место для строительства машиностроительных и вагоностроительных заводов, которые в перспективе будут обслуживать проектируемые южные железнодорожные ветки. Геополитическая стратегия самодержавия в регионе, обретя «монгольское» направление, изменила и роль Верхнеудинска как экономического центра Западного Забайкалья. Бывшая периферийная территория фактически стала эпицентром восточной внешнеполитической игры, предполагавшей утверждение России в Монголии. Таким образом, геополитический «вираж» определил итог неформального соперничества двух городов в изучаемый хронологический отрезок.

Список источников и литературы

1. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. 10. Оп. 1. Д. 2256.
2. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 248 с.

3. Забайкальские областные ведомости. 1891. 11 и 12 Прибавление к Забайкальским областным ведомостям 1890 г.
4. Забайкальские областные ведомости. 1893. № 19. 7 мая.
5. Забайкальские областные ведомости. 1894. № 7. 18 февр.
6. Забайкальские областные ведомости. 1897. № 65. 23 дек.
7. Кальмина Л. В. Города Забайкалья после проведения Транссибирской магистрали: смена экономического статуса // Экономика и власть в Сибири: исторический опыт взаимодействия и современность. Барнаул: Изд-во АПИКРО, 2007. С. 7–23.
8. Мерцалов В. И. Город Чита: возникновение и развитие (1851–1895 гг.) // Вестн. Чит. гос. ун-та. 2012. № 5 (84). С. 3–10.
9. Мерцалов В. И. Забайкалье в геополитическом пространстве Дальнего Востока (1851–1991 гг.) // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: История и современность: материалы междунар. науч. конф. Чита – Маньчжурия, 11–15 октября 2011 г. / отв. ред. М. В. Константинов. Чита, 2011. С. 48–57.
10. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 312 с.
11. Старцев А. В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2003. 308 с.
12. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб.: Изд. Хозяйств. департамента М-ва внутренних дел, 1882. 374 с.

УДК 94(571.55)
ББК т3(2Рос-4Чит)

Елена Васильевна Севостьянова

Читинский институт

Байкальского государственного университета,

г. Чита, Россия

Филантропическая деятельность в Забайкалье в условиях Первой мировой войны

В статье на основе архивных материалов, а также ранее опубликованных данных рассматривается филантропическая деятельность в Забайкалье в годы Первой мировой войны. Автор проанализировал направления, формы участия разных социальных, национальных и конфессиональных групп. Были выделены направления, основные практики, общественные объединения в сфере филантропии.

Ключевые слова: Первая мировая война, филантропия, благотворительность, попечение, благотворительные общества, комитеты, семьи нижних чинов

Elena V. Sevostyanova

Chita Institute of Baikal State University,

Chita, Russia

Philanthropic Activity in Transbaikalia in the First World War

The article is devoted to the research of philanthropic activity in Transbaikalia in the First World War, and it is based on the archival materials and previously published data. The author analyzes the trends and participation types of different social, ethnic and religious groups, and identified the areas, main practice and public associations in the field of philanthropy.

Keywords: First World War, philanthropy, charity, care, charities, committees, families of the lower ranks

Для последнего трёхлетия характерно усиление интереса к периоду Первой мировой войны. Появились новые темы исследований

[22], в том числе о Забайкалье [15; 16]. В Сибири проходят международные конференции [1], вышли обобщающие труды на материалах За-

падной Сибири [13]. Однако в восточносибирской историографии, как отметил А. В. Шалак, круг историков, исследующих проблемы этого периода, остаётся узким [25, с. 425].

По мнению Г. Н. Ульяновой, наименее изученными остаются признание и благотворительность периода войны [24]. Хотя за последние три года появились работы, выполненные на материалах Восточной Сибири, но они ограничиваются анализом благотворительной деятельности в Иркутской и Енисейской губерниях, вовсе не упоминая о Забайкалье [17; 26]. Учёные Бурятии изучают роль бурят в благотворительности [14; 18]. Однако в целом забайкальская филантропия этого периода остаётся неисследованной: отсутствует целостный анализ, не систематизированы и не введены в научный оборот многие архивные материалы. Это затрудняет выявление особенностей, сравнение и обобщение филантропических практик.

Будем рассматривать филантропию как акт пожертвования денег, товаров, времени или усилий на поддержание благотворительных предприятий, длящийся обычно продолжительное время, и с учётом определённой цели [21, с. 10]. Исследовательский интерес вызывают направления и формы филантропии, роль государства и общества, отношение населения. Поведение обывательских групп (в зависимости от их материального положения, социального статуса, мировоззренческих доминант, конфессиональных или национальных приоритетов) сказывалось на количестве, формах и качестве филантропических мероприятий.

Современники Первой мировой войны называли её второй Отечественной. Можно утверждать, что патриотизм был одной из причин всплеска филантропии в Забайкалье. Произошло расширение форм оказания помощи и типов призреваемых (беженцы, инвалиды, семьи мобилизованных). Ещё одна яркая черта – объединение усилий государства, церкви, частных лиц и общественных объединений различных наименований, типов и структуры. В 1914 г. военный губернатор Забайкальской области А. И. Кияшко отмечал, что время требует «дружной работы Правительства и общества в лице представителей ведомств, общественных организаций и тех лиц населения, которые пользуются особым влиянием и уважением». После воззвания пожертвования поступали ежедневно и к 11 августа 1915 г. их общая сумма составила 248 541 р. 4 к. [5, л. 82].

К сфере государственного призрения в Забайкалье относились волостные (54) и станич-

ные (63) попечительства, которые действовали на основании закона 25 июня 1912 г. В зону попечения входили жена и дети (нетрудоспособные, несовершеннолетние, незамужние) нижних воинских чинов, отец, мать, дед, бабушка, братья и сёстры, если содержались трудом мобилизованного. Закон требовал провести «точное обследование на местах личного состава семейств». Важным было, что к числу призреваемых закон отнёс старообрядцев, браки которых были не занесены в метрические книги [22]. Несмотря на все усилия властей, забайкальские старообрядцы отказывались вести гражданский учёт.

К общественно-государственным объединениям относились комитеты, инициированные и утверждённые (структура, принципы и границы деятельности) властью и действовавшие под покровительством членов императорской семьи. В 1914 г. было открыто «Забайкальское отделение Комитета её Императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну». Отделение имело многоуровневую структуру и широкие права: право открывать уездные подразделения, которые должны были объединить усилия городских, церковных попечительств; должно было «заботиться об открытии волостных, сельских, участковых комиссий» [4, л. 10]. Особенностью его деятельности было выполнение координационной и информационной функций: снабжение справочными изданиями; запрашивание отчётов; право помогать объединениям, не вошедшим в структуру Комитета. Председателем Отделения Комитета был военный губернатор, заместителем – вице-губернатор, товарищем председателя – епископ Забайкальский и Нерчинский [5, л. 81].

В конце 1914 г. в уездах области было открыто 89 подразделений Забайкальского отделения Комитета. К августу 1915 г. в уездах области действовало 155 сельских комиссий.

Уже в сентябре 1914 г. Забайкальским отделением было собрано 13 593 р. пожертвований, и кроме этого, потрачено более 10 тыс. Среди первых получателей были частные лица (от 5 до 15 р.), учреждения (Александровский детский приют – 300 р., приют-ясли – 800 р.), добровольные объединения (Дамский кружок русских жён при Охотничьем клубе и Забайкальское отделение Красного Креста получили деньги на шитьё белья и тёплых вещей). Комитет не ограничивался сбором денежных средств: в городах формой помощи было трудоустройство, устройство столовых. В селениях – выдача зерна или продуктов, ор-

ганизация помощи в сельскохозяйственных работах. Комитет имел право выдавать бесплатные билеты для проезда по железной дороге, производить отпуск леса из дач Кабинета. Организовал пожертвования на врачебно-питательные отряды, лазареты [4, л. 2, 13, 22, 24].

В Забайкалье действовали на уровне уездов и отделы других объединений. В июне 1915 г. было открыто Сретенское отделение Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам, созданного в Петрограде в октябре 1914 г. В 1915 г. в Забайкалье стали прибывать беженцы, к концу года их численность составила 2 632 чел. В августе был открыт Забайкальский комитет по обеспечению нужд беженцев, под председательством военного губернатора.

Крупной единовременной акцией был сбор пожертвований в рамках Всероссийского дня. Ведал ими Комитет её императорского высочества Великой княгини Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий. В Забайкальской области участие ограничивалось единовременными однодневными или трёхдневными сборами средств [20, с. 13]. В 1915 г. общий сбор городов Забайкалья в ноябре составил 1075 р., в декабре 1275 р. А во время трёхдневного сбора (29, 30, 31 мая 1915 г.) только Сретинский уезд собрал 1170 р. 93 к. Буряты Баргузинской волости собрали 1000 р. Целевым предназначением пожертвований была помощь беженцам [2, л. 19, 109, 128, 141].

Филантропией активно занимались представители национальных диаспор и разных конфессий. Так, появилось Общебурятское общество (забайкальское и иркутское) по сбору пожертвований на нужды войны; Забайкальское общество вспомоществования евреям, пострадавшим от военных действий. Пожертвования собирали Армянский комитет, Читинское римско-католическое благотворительное общество. Мусульмане Троицкосавска (34 чел.) в октябре 1914 г. собрали 55 р. 25 к. Буряты Агинской, Цугольской и Хори-бурятской волостей приняли решение вносить пожертвования деньгами, скотом, другими предметами, «по силам», но не менее 2 р. с платёжной души. Активно действовало Забайкальское отделение Кирилло-Мефодиевского братства, Забайкальский епархиальный комитет по сбору пожертвований на нужды войны. Было открыто 215 приходских попечительств. В небольших приходах пожертвования приносили даже табаком и сухарями (причт Пророко-Ильинской церкви села Подлопаточное Верхнеудинского уезда).

В Забайкалье действовали комитеты различных государственных ведомств. Например, Комитет Амурской железной дороги по оказанию помощи пострадавшим от военных действий. Возникали в Забайкалье и временные комитеты, например, 11 комиссий по сбору пожертвований на воздушный флот.

Новой практикой филантропии стали ежемесячные отчисления процентов с жалования: чины полиции Нерчинского Завода – 2 %, интенданты Читы – 1 %. Легковые извозчики Читы – дневной заработок за один день декабря 1914 г. (сумма составила 319 р. 65 к.) [3, л. 2, 5, 12, 14, 30]. Читинское вольно-пожарное общество решило отчислять 5 % из поступлений в свой фонд. Сретенский кружок любителей драматического искусства – 20 % сбора. Даже Забайкальская тюремная инспекция 30 ноября 1914 г. отправила 3 р., пожертвованных ссыльнокаторжными, работающими на 3-м участке Амурской железной дороги.

Популярной формой филантропии была организация Дамских комитетов, которые шили бельё и заготавливали одежду. В Чите был создан Городской комитет для заготовления тёплого белья для II Сибирского армейского корпуса, в состав которого вошли 30 чел. Нерчинская женская гимназия 28 октября 1914 г. уже отправила три тюка с бельём (рубашки, кальсоны, портянки и т. д.). Доставка вещей от Читы к театру боевых действий была бесплатной. Вещи Главное управление Красного Креста распорядилось направлять «в подвижной лазарет от населения Забайкальской области, предназначенный для отправки на турецкий театр военных действий» [6, л. 7, 18, 22, 35]. Уже в феврале 1914 г. был отправлен груз вещей весом 371 пуд.

Традиционным было содержание коек в лазаретах. Такие акции были индивидуальными и коллективными (койки им. кяхтинского Торгового дома «Коковин и Басов», им. золотопромышленников, Читинской мужской гимназии).

Особенностью филантропических практик было то, что возникшие до войны традиционные формы помощи не исчезли. Продолжали работу созданные до войны общества. В 1914 г. Нерчинское общество попечения о начальном образовании выдало одежду и обувь 90 учащимся, Верхнеудинское общество – 20, Баргузинское – 25 [8, л. 78].

Разнообразными были виды помощи «разумными усилиями»: распространение подписных листов, организация кружечных сборов, лотерей-аллегри, благотворительных вечеров, спектаклей, лекций.

Забайкальское общество взаимопомощи учащихся и учивших в 1916 г. открыло в Чите курсы для подготовки лиц подлежащих призыву к сдаче экзамена на вольноопределяющегося II разряда и к поступлению в военно-фельдшерские школы. Организаторы отмечали, что «при преподавании обращено особое внимание на историю и географию местностей, связанных с войной» [9, л. 18]. В 1915 г. было разрешено открыть курсы для взрослых при русско-еврейском училище. В 1916 г. Верхнеудинское общество попечения о начальном образовании ходатайствовало об открытии курсов. Такая форма приложения сил, как курсы и воскресные школы для взрослых, была востребована населением.

Школы открывали и для детей. Так, 13 марта 1916 г. Читинское отделение Польского общества помощи жертвам войны открыло школу для детей беженцев-поляков; Читинское отделение Петроградского родительского кружка открыло бесплатный детский сад-школу (зимой на 75, летом – 125 детей солдат и беженцев). Дети получали трёхразовое питание, снабжались одеждой. Летом 1916 г. кружком на средства агрономического отдела были открыты 10 яслей в селениях. Приют и ясли работали при Братстве Кирилла и Мефодия [9, л. 65]. Было увеличено количество призреваемых детей при читинском Доме трудолюбия.

Для интеллигенции формой бескорыстного труда стало проведение народных публичных чтений. Чтения использовали в идеологических и информационных целях. Учителя Бушулейского училища Нерчинского уезда включили в программу ознакомление с ходом войны по газетам «Забайкальская Новь» и «Русское слово»; сообщения по истории и географии России; «ознакомление с воюющими государствами». Такая тематика совпадала и с потребностями населения, и с желанием правительства, которое уже пережило негативный опыт информационного вакуума в период Русско-японской войны. В 1916 г. директор народных училищ распорядился о проведении чтений во всех школах [10, л. 45]. Указал он и на то, что «события военного времени», «отрезвление народа» повлекли «повсеместный небывалый спрос на газету и книгу». В Чите библиотеки были открыты Обществом Народного дома, обществом потребителей «Эконом», Читинским отделением Родительского кружка. Лекционная комиссия «по распространению сведений о вреде алкоголизма» была при читинском Обществе Народного дома [11, л. 12].

Спектакли, бывшие традиционным средством сбора пожертвований в городах, появи-

лись в селениях и станицах. По мнению администрации, сельское население с прекращением продажи спиртных напитков «проявило явное стремление» к разумным развлечениям. Спектакли в пользу больных и раненых воинов одобрительно воспринимались и городским, и сельским населением. Благотворительный вечер в Мариинском театре 26 ноября 1914 г. позволил собрать 523 р. 25 к. В 1914–1915 гг. спектакли в с. Кабанское Верхнеудинского уезда ставило Общество Народного дома, сумевшее получить 700 р. в пользу раненых воинов [20]. В 1916 г. в Акше силами детей была поставлена комедия К. Лукашевич «Красный цветок». Все собранные деньги пошли в пользу учеников, чьи отцы были мобилизованы [9, л. 10]. Всего в 16 училищах прошли благотворительные спектакли. Для школ МНП рассылало специальные «Сборники материалов для устройства в учебных заведениях патриотических литературно-музыкально-вокальных утр и вечеров» [9, л. 110]. По инициативе военного губернатора (на частные пожертвования) в читинском приходском училище в 1915 г. состоялась ёлка для детей запасных, на которой 200 детей получили подарки и тёплую одежду. Позже ёлки были устроены в 36 училищах [7, л. 126].

Отметим, что в период 1915–1917 гг. правительство активно пыталось направить усилия общественности на развитие ремесленного образования и допризывной спортивной подготовки, но с меньшей эффективностью [25, с. 203]. Нерчинские начальное и реальное училища содержали помещения для занятий допризывной подготовкой.

Таким образом, в Забайкалье филантропия периода Первой мировой войны по способу организации и источникам инициативы делилась на государственную, государственно-общественную, общественную, церковную. Финансово более эффективной была государственно-общественная (комитеты под эгидой династии Романовых). Заслугой Отделения Комитета Елизаветы Федоровны была организация финансовой отчётности и учёта призреваемых. Отметим личный пример и активность военного губернатора. По целевому использованию средств можно выделить и ранжировать в порядке убывания сумм: мероприятия, вызванные войной (подвижной лазарет); поддержка жертв войны (семьи мобилизованных, раненые); затраты на гражданское население (учащиеся), на поддержку и организацию учреждений культуры (библиотеки, школы). Невозможно выделить ни одной социальной группы вне филантропических практик.

Список источников и литературы

1. Баяндин В. И., Запорожченко А. В. // Сибирь и войны XIX–XX веков: материалы конф. Новосибирск, 8–10 июня 2014 г. ; Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2014. № 5. С. 116–118.
2. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. 12. Оп. 1. Д. 17.
3. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 18.
4. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 22.
5. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 23.
6. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 28.
7. ГАЗК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 168.
8. ГАЗК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 346.
9. ГАЗК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 292.
10. ГАЗК. Ф. 4. Оп. 7. Д. 30.
11. ГАЗК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 286.
12. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. 279. Оп. 1. Д. 10.
13. Горелов Ю. П., Гусева О. В., Еремин И. А., Ростов Н. Д. Западная Сибирь в мировых войнах XX века. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2014. 238 с.
14. Жалсаранова Б. Ц. Деятельность Тамчинского дацана как центра управления буддийского духовенства в годы Первой мировой войны // Иркут. ист.-экон. ежегодн. Иркутск: БГУЭП, 2012. С. 340–346.
15. Захарова Е. В., Кальмина Л. В. Женские учебные заведения Забайкалья в контексте Первой мировой войны // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. 2015. № 1. С. 10–19.
16. Кальмина Л. В., Плеханова А. М. Забайкалье в государственной геополитической стратегии России в 1900–1920 гг.: смена вектора // Власть. 2014. № 4. С. 167–171.
17. Катцина Т. А. Сибиряки в добровольных ассоциациях, вызванных потребностями Первой мировой войны // Vuylе Gody. 2014. № 31 (1). С. 62–66.
18. Михеев Б. В. Благотворительность бурят в годы первой мировой войны // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 11. История. Вып. 50. С. 119–122.
19. О призрении семейств нижних чинов... // ПСЗ III. 37507. С. 943.
20. Памятная книжка Комитета Ея императорского высочества Великой княжны Татианы Николаевны. Петроград: Гос. типография, 1918.
21. Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. М: Изд. дом гос. ун-та Высш. шк. экон., 2010. 419 с.
22. Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: сб. обзоров и рефератов /отв. ред И. И. Глебов. М.: Препринт, 2013. 232 с.
23. Севостьянова Е. В. Общественная и правительственная инициатива в организации физического воспитания в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Иркут. ист.-экон. ежегодн. 2010. С. 200–204.
24. Ульянова Г. Н. Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914–1918 гг.: дискуссионные вопросы и содержание проблемы // Россия в годы Первой мировой войны: материалы междунар. науч. конф. Москва, 30 сент. – 3 нояб. 2014 г. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 230–237.
25. Шалак А. В. Иркутское генерал-губернаторство в годы Первой мировой // Иркут. ист.-экон. ежегодн. 2014. С. 425.
26. Шилина А. С. Благотворительность общественных организаций Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Вестн. Красноярск. гос. аграрн. ун-та. 2014. № 12. С. 234–240.

УДК 94(571.55)
ББК т3(2Рос-4Чит)

Вера Юрьевна Минаева

*Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

**Американская интервенция
в Забайкалье в 1918–1922 гг.**

Уточнение определений и пересмотр понятий в истории является важнейшим условием продвижения исторической науки вперед. В современном обществе интересен новый подход к определению роли США в развязывании иностранной интервенции в России, к дополнению ряда исторических событий периода 1918–1922 гг. Главная цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть события интервенции США в России с точки зрения современной исторической науки.

Ключевые слова: гражданская война, иностранная интервенция, Забайкалье, Соединенные Штаты Америки, Япония, Временное правительство, империализм

Vera Yu. Minaeva
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia

The American Intervention in the Transbaikal Region in the Years 1918–1922

Clarification of the definitions and concepts in the revision history is essential for the promotion of historical science forward. In modern society, a new interesting approach to defining the US role in the outbreak of the foreign intervention in Russia, to complement a number of historical events of the period 1918–1922 gg. The main purpose of the article is to review the events of the US intervention in Russia from the point of view of modern historical science.

Keywords: civil war, foreign intervention, Trans-Baikal region, the United States, Japan, the Provisional Government, imperialism.

Период гражданской войны и иностранной интервенции является одним из наиболее сложных периодов в истории России. Тема гражданской войны и иностранной интервенции далеко не исчерпана, она продолжает оставаться актуальной как в политическом, так и в научном плане. В последнее время в результате переосмысления исторического опыта нашей страны возникают новые спорные вопросы, некоторые события прошлого требуют уточнения. Это, например, относится к роли США в гражданской войне и интервенции в России в 1918–1922 гг.

Несмотря на многочисленную литературу, посвящённую событиям 1918–1922 гг., у историков не сложилось однозначного мнения по поводу определения роли США в развязывании иностранной интервенции в Забайкалье. В. И. Ленин в своих работах неоднократно подчёркивал руководящую роль «хищнического американского империализма» в поддержке реакции во всём мире, в закабалении и удушении народов.

В ноябре 1918 г. В. И. Ленин писал: «Они идут подавлять народ, переходящий к свободе от капитализма, душить революцию, и мы говорим с абсолютной уверенностью, что теперь этот обожравшийся зверь так же свалится в пропасть, как свалился зверь германского империализма» [7, с. 140]. В другом месте В. И. Ленин указывал, что американским империалистам нужен был «не только захват и грабёж русской земли, но и свержение Советской власти» [7, с. 37].

С. Григорьевич в своей работе отмечал, что США принадлежит главенствующая роль в развязывании иностранной интервенции на Дальнем Востоке. Автор приходит к мнению, что одновременно представители правящих кругов США пропагандировали «покупку» Аме-

рикой Камчатки и Чукотского полуострова. Ещё осенью 1917 г. в иностранной печати появилось сообщение о том, что между США и Временным правительством ведутся переговоры о передаче Камчатского полуострова США [4, с. 5].

Э. И. Иванян в своей монографии отмечает, что в 1918 г. США была организована крупная шпионская сеть в России. Дипломатическая переписка между российскими послами бывшего Временного правительства в Токио, Париже, Лондоне и Вашингтоне, регулярно обменивавшимися между собой информацией и комментариями, через посла Бахметьева становилась известной Государственному департаменту США, а через государственного секретаря Лансинга, естественно, и президенту Вильсону [6, с. 194].

В. Г. Хитрый отмечает, что из всех воинских контингентов, принявших участие в военной интервенции на российском Дальнем Востоке в годы гражданской войны, американские войска по своей численности были вторыми и уступали только войскам империалистической Японии [10, с. 143].

Неисчерпаемые природные богатства Сибири и Дальнего Востока давно привлекали взоры американских миллиардеров, мечтавших прибрать эти богатства к своим рукам, превратить Россию в свою колонию. Эти захватнические, грабительские интересы американских капиталистов определили агрессивный, враждебный характер политики США по отношению к России. Эта политика стала ещё более острой и непримиримой, когда в России в результате Октябрьской революции возникло первое в мире социалистическое государство.

Американцы прилагали усилия к захвату железных дорог России, в первую очередь

транссибирской магистрали и КВЖД. Летом 1917 г. США послали в Россию специальную «техническую миссию» во главе с инженером Д. Стивенсом, основной целью которой было установление американского контроля над железнодорожным транспортом. После победы Октябрьской социалистической революции правящие круги США развили активную деятельность по интервенции, а агенты США во главе с послом Френсисом сплачивали силы внутренней контрреволюции [5, с. 68].

Русский посол в Вашингтоне в телеграмме от 15 ноября 1917 г. сообщал во Владивосток: «Американское правительство посылает в Россию железнодорожный отряд, состоящий из 290 офицеров американской армии, при которых в качестве переводчиков, машинистов и столяров состоит 48 русских выходцев, нанятых в Америке» [4, с. 3].

Японский журналист Каваками писал о роли Вильсона в подготовке интервенции на Дальнем Востоке: «В течение июня 1918 г. Вильсон коренным образом изменил свою точку зрения на сибирский вопрос и принял на себя инициативу в переговорах с Японией по поводу союзной интервенции или военном выступлении» [8, с. 31].

Для оккупации Забайкалья и Дальнего Востока США бросили более 9000 солдат, не считая многочисленных железнодорожных и иных специалистов и контрразведчиков. Американские интервенты пытались захватить такие позиции в Забайкалье и на Дальнем Востоке, которые давали бы им возможность контролировать действия своих конкурентов – японцев. Как сообщает Элиасов, «...свои войска они расположили так, что перерезали в нескольких местах железную дорогу от Владивостока до Верхнеудинска и заняли важнейшие экономические и политические центры Забайкалья и Дальнего Востока. В районе Верхнеудинска и по железной дороге до Мысовой были расположены части полковника Морроу, прибывшего в город 1 апреля 1919 г. в составе двух батальонов 27-го пехотного полка. 2 апреля Морроу начал действовать. Призвав к себе адъютанта, он приказал: немедленно разыскать главу городского самоуправления и привести его в штаб американских войск. Было бы неплохо попутно прихватить руководителя местного купечества.

Нужные Морроу люди явились незамедлительно, Морроу, пригласил переводчика и начал: «Президент Вильсон не жалеет своих сил, чтобы помочь вам. А вы ведёте себя как наседки, боитесь оставить свои гнёзда!.. Беспомощные! У вас под носом красные распространяют

яд, а вы ждёте победы над ними откуда-то сверху, с небес. Мы пришли сюда, чтобы показать вам, как надо драться с этими красными. А вы учитесь. Только будьте нашими достойными учениками. Надо разыскать типографию и сказать нам, а там мы скажем, что делать» [1, с. 9].

Американские и японские интервенты оказывали всемерную помощь Колчаку и Семёнову. Они обеспечивали белогвардейцев оружием и обмундированием. Только в 1918 г. США снабдили Колчака 200 тысячами винтовок, 100 пулеметами, 20 орудиями и другим военным снаряжением. Американские и японские интервенты использовали железную дорогу для переброски войск белогвардейцев и Антанты [5, с. 86].

Интервенты расхищали народное добро. Колчаковский генерал Сыробоарский в одном из своих донесений жаловался в деликатной форме командующему «союзными войсками» генералу Жанену, что поезда американцев погружены «более всего так называемой военной добычей: везутся мебель, железо, станки и другие ценности». Через Владивосток за годы интервенции американскими и японскими интервентами было вывезено огромное количество различных товаров, пушнины, минерального сырья, железнодорожного имущества.

Экономическое проникновение сочеталось с идеологической работой среди населения. В Верхнеудинске демонстрировались кинофильмы, пропагандирующие «американский образ жизни» [9, с. 80].

Проникновение американского капитала в экономику Сибири сопровождалось и идеологической экспансией. В этом направлении особенно энергично работало американское общество «Христианский союз молодых людей» (ХСМЛ).

Ячейки этого общества действовали по всей стране, правление общества находилось в Омске и поддерживало тесную связь с американской военной миссией. В мае 1919 г. председатель миссии майор Сложер хлопотал перед Министерством иностранных дел колчаковского правительства, приравнивая его к Красному Кресту. Работа организации проводилась по двум направлениям: культурно-просветительной и благотворительной. В ряде городов Сибири и Дальнего Востока, в том числе во Владивостоке и Верхнеудинске, обществом были созданы «народные читальни и библиотеки». В городах демонстрировались кинофильмы, пропагандирующие «американский стиль жизни». Детям показывались фильмы, в которых было много картин из «Священного

писания». Благотворительная деятельность организации выражалась в устройстве «бесплатных столовых для бедных», в открытии ларьков, в которых было можно приобрести товары первой необходимости, одежду и обувь.

Особое внимание организация уделяла работе в деревне. В ряде губерний для крестьян организовывались лекции по вопросам постановки сельского хозяйства в США с показом кинолент. Таким образом, все эти мероприятия были задуманы с целью пропаганды буржуазной культуры США. Союз с одной стороны оказывал помощь нуждающимся, а с другой – являлся «политической, экономической и военной разведкой».

В Государственном архиве Республики Бурятия имеются сведения, что американское правительство отправляло в Забайкалье помощь в виде одежды, эти оправления получили название «американских подарков» [2, л. 1–1об].

Население Забайкалья не раз обращалось к американскому правительству с просьбами о прекращении интервенции, об этом свидетельствует хранящееся в ГАРБ обращение к американскому правительству и народу от съезда восставшего населения Западного Забайкалья, в количестве 100 000 чел.: «...восставшее население Западного Забайкалья просит защищать мирное население деревни от насилия и разгрома отрядов Семёнова и оказать помощь в борьбе с этими отрядами Семёнова. Одним из этих отрядов, расположенных вблизи Верхнеудинска, подвергнуты разгрому селения Колобовское, Вахмистровское, Мухино, посёлок Гордеевский. Помощь американского правительства и народа может выразиться в воздействии на Японию в смысле прекращения ею военных действий в Сиби-

ри, вывода своих войск из России, ознакомив её с истинной сущностью движения и, в частности, с тем, что распространившиеся слухи о грабеже и насилии над бурятами совершенно не соответствуют действительности, о чём свидетельствует присоединение к движению всех бурят Селенгинского аймака, в который входит 50 000 чел. Основательность или неосновательность слухов может быть проверена посылкой особой комиссии. Всякие попытки к грабежу населения преследуются и будут преследоваться беспощадно.

Съезд верит, что американский народ, армия во имя общечеловеческой гуманности и справедливости придут на помощь русскому народу в скорейшем прекращении пролития крови и разорения русского народа. Если американское правительство и народ имеют добросердечные отношения с русским народом, то они окажут нам возможную помощь.

Мы желаем только скорейшего прекращения пролития крови, разорения населения, восстановления народной власти, пользующейся всеобщим доверием» [3, л. 4].

Таким образом, можно сделать вывод, что интервенция США в Забайкалье прошла в двух направлениях: интервенция в экономику и в общественно-культурную жизнь. Анализ архивных документов Государственного архива Республики Бурятия, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, позволяет нам сделать вывод о том, что именно американская интервенция стремилась стать первой державой среди других стран-интервентов, интересы которой должны были учитываться беспрекословно в Забайкалье и в мировой политике в начале XX в. Работа с источниками позволила дополнить и реконструировать ряд исторических событий, которые не были отмечены в предшествующих исследованиях.

Список источников и литературы

1. Американская интервенция в Забайкалье (1918–1920 гг.) / сост. Л. Элиасов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1953. 158 с.
2. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. Р-709. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАРБ. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 107.
4. Григорцевич С. С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем востоке и её разгром. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 200 с.
5. История Бурятской АССР / под ред. П. Т. Хаптаева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 644 с.
6. Иванян Э. А. У истоков советско-американских отношений. М.: Междунар. отношения, 2007. 268 с.
7. Ленин В. И. Сочинения. Т. 28. М.: Изд-во полит. лит., 1962. 848 с.
8. Мельчин А. И. Разгром американско-японских интервентов на советском Дальнем Востоке в 1920–1922 годах. М.: Знание, 1953. 40 с.
9. Хаптаев П. Т. Бурятия в годы гражданской войны. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. 264 с.
10. Хитрый В. Г. Партизаны и американские интервенты в годы гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1920 гг.) // Армия и общество. 2012. № 2. С. 140–147.

УДК 93/94(571.55)
ББК т3(2Рос-4Чит)

Антонина Иннокентьевна Мороз

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Ликвидация неграмотности национальных меньшинств Забайкалья в 1920-е гг.

В статье рассматриваются мероприятия государственных органов по ликвидации неграмотности, а также организации просветительной работы среди национальных меньшинств Забайкалья в 1920-е гг. Особое внимание уделено организации образования и просвещения среди корейского, китайского и ороchonского населения.

Ключевые слова: Забайкалье, образование и просвещение, ликвидация неграмотности, политико-просветительная работа, национальные меньшинства

Antonina I. Moroz

*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

The National Minorities Liquidation of Illiteracy on the Transbaikal Region in the 1920s

The article describes the activities of state bodies in the illiteracy liquidation, as well as the organization of educational work among the Trans-Baikal national minorities in 1920s. Special attention is paid to the organization of education and awareness among the Korean, Chinese and Oroqen people population.

Keywords: Trans-Baikal region, education and awareness, illiteracy liquidation, political and educational work, minorities

После победы Октябрьской революции 1917 г., в период становления советского государства, властью была поставлена задача вовлечения широких народных масс в процесс социалистического строительства. Её решение потребовало от государства создания системы образования и просвещения для взрослого трудоспособного населения страны. Большевиками была разработана программа преодоления массовой неграмотности, которую они совмещали с политической и производственной пропагандой, борьбой за равноправие полов и «новый быт», а также деятельностью по повышению культурного уровня населения [7, с. 71].

Организирующим моментом для проведения этой работы стало издание Советом Народных Комиссаров 26 декабря 1919 г. декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В соответствии с ним всё население республики в возрасте 8–50 лет, не умевшее читать или писать, было обязано учиться грамоте на родном или русском языке по желанию в государственных школах по планам Народного комиссариата по просвещению РСФСР [3, с. 50–51].

Для регионов с многонациональным населением принятие этого декрета имело важное значение. Он не только создавал условия для повышения образовательного и культурного уровня населения, которое до революции было лишено такой возможности, но и побуждал к созданию на местах соответствующей инфраструктуры. Способствовало этому также издание Народным комиссариатом по просвещению в феврале 1920 г. «Положения об организации дела просвещения народов нерусского языка», которое налагало на уездные отделы народного образования обязанность заботиться о просвещении всего населения обслуживаемой территории, независимо от его национального состава [7, с. 71–72].

Однако практическая реализация этой программы в отдельных частях страны протекала не одинаково. В частности, на Дальнем Востоке ей препятствовали затянувшаяся гражданская война, иностранная интервенция и существование Дальневосточной республики, поэтому начало ликвидации неграмотности и организации просветительной работы среди представителей этнических групп относится к периоду советизации региона. В конце 1922 г.

на территории Прибайкальской, Забайкальской, Амурской, Приамурской, Приморской, Камчатской губерний и Бурят-Монгольской Автономной области была создана Дальневосточная область с центром в Хабаровске, началось строительство её политических институтов по примеру советской России. Руководство делом народного образования на территории области было передано в ведение Дальневосточного областного отдела народного образования, подчинённого непосредственно Народному комиссариату по просвещению РСФСР. В структуре этого органа были выделены несколько управлений, в том числе социального воспитания, политехнического образования и политико-просветительской работы. В их ведение были переданы соответственно вопросы обучения детей и подростков 3–17 лет, организация системы профессионально-технического обучения, а также руководство процессом ликвидации неграмотности и малограмотности, а также организации просветительской работы взрослого населения на Дальнем Востоке [2, л. 56–56об.]. В своей работе созданный орган опирался на губернские, уездные и волостные структуры. В частности, в конце 1922 г. началось формирование Забайкальского губернского отдела народного образования, который приступил к реформированию системы народного образования и просвещения на местах [6, с. 159].

Пристальное внимание Дальневосточного областного отдела народного образования было сосредоточено на образовании и просвещении корейского населения, основная масса которого проживала в Приморской губернии. Для их обслуживания открывались общеобразовательные школы, пункты ликвидации неграмотности, школы для малограмотных, библиотеки, клубы и избы-читальни. В 1924 г., который был первым плановым годом в кампании ликвидации неграмотности и малограмотности корейцев, из ликпунктов было выпущено 6 350 чел. Кроме того, в сентябре 1925 г. начало свою работу корейское отделение рабочего факультета Государственного Дальневосточного университета [2, л. 64; 4, с. 30–39].

Важной задачей Забайкальского губернского отдела народного образования была организация образования и просвещения корейского и китайского населения. Её центром стал открывшийся «Клуб восточных рабочих» в Чите, который объединил 200 чел. В структуре клуба имелись пункт ликвидации неграмотности и читальня, фонд которой состоял из книг и периодической печати на рус-

ском, корейском и китайском языках. Здесь же располагались ячейки Российского отделения «Красного креста» и добровольных обществ «Друзья детей» и «Долой неграмотность!», а также редакция местной стенной газеты «Юан-Ду-Куй». Клуб проводил активную кружковую работу среди своих членов, которые могли посещать драматический, музыкальный, профсоюзный, стрелковый и физкультурный кружки, а также кружок изучения русского языка. Массовая работа клуба заключалась в устройстве лекций, докладов, спектаклей, концертов, семейных вечеров [5, с. 4].

Значительные усилия властных органов были направлены на организацию образования и просвещения так называемого «туземного населения». По данным Дальневосточного областного отдела народного образования на территории региона проживало около 42–48 тысяч туземцев, в число которых входили эвенки (тунгусы), чукчи, коряки, гиляки, орочоны, гольды, ламуты, камчадалы, тазы и ульчи. Для достижения наилучших результатов в предстоящей работе, для их обслуживания был разработан особый тип училищно-медико-кооперативной школы-интерната. В её структуре предусматривалось создание общежития для детей, заезжего дома для родителей, фельдшерского пункта, складов для хранения огнеприпасов и мехов, торговой лавки, а также небольших кузнечных, столярных и бондарных мастерских. В 1925 г. отделом были получены средства для организации трёх таких школ, на 40 чел. каждая. По данным отдела одну из них планировалось открыть в селе Кыкер Забайкальской губернии для обслуживания местного орочонского населения [2, л. 64]. Кроме того, в 1926 г. аналогичная школа была открыта в селе Талача Олинского района Сретенского округа [1, л. 104].

Таким образом, к 1920-м гг. относится начало ликвидации неграмотности среди национальных меньшинств Забайкалья. Проводимые государственными органами мероприятия способствовали складыванию условий для повышения образовательного и культурного уровня представителей народов, многие из которых не имели таких возможностей в предшествующий период. В целом развитие образования и просвещения национальных меньшинств находилось в соответствии с содержанием общегосударственной политики советской власти в области образования и просвещения взрослого населения. Однако в процессе её практической реализации учитывались региональные и национальные особенности.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. П-71. Оп. 1. Д. 530.
2. ГАХК (Гос. архив Хабар. края). Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 85.
3. Декреты Советской власти // Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории АН СССР. Т. 7: 10 дек. 1919 г. – 31 марта 1920 г. М.: Изд-во полит. лит., 1975. 676 с.
4. Ким Г. Н. Избранные труды по корееведению. Алматы: КазНУ, 2013. 400 с.
5. Клуб восточных рабочих // Забайкальский рабочий. 1926. № 133. С. 4.
6. Сажина А. И. Деятельность Забайкальского губернского политико-просветительного управления в 1923–1926 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). С. 158–164.
7. Сартикова Е. В. Кампании по ликвидации неграмотности калмыцкого народа и их результаты // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4. С. 71–76.

УДК 94(571.54)
ББК т3(2Рос-4Чит)

Анна Максимовна Плеханова

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия*

Виктория Владимировна Номогоева

*Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

**Жилище сельских жителей бурятии в 1920-е гг.:
традиции и перемены пространства повседневности**

В статье анализируется жилище как необходимый атрибут повседневности человека. Сделан вывод о том, что в сёлах и улусах Бурятии в 1920-е гг., несмотря на усилия властей, жилище, его тип и особенности функциональных зон, независимо от национальной принадлежности его владельца, формы и способов ведения им хозяйства, в большинстве своём оставались традиционными.

Ключевые слова: повседневность, Бурятия, жилище, дом, изба, юрта

Anna M. Plekhanova

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russia*

Victoria V. Nomogoeva

*Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

**Dwelling of Rural People of Buryatia in the 1920s:
Traditions and Transformations of Everyday Space**

The article analyzes dwelling as a necessary attribute of everyday life of a man. The author comes to a conclusion that despite efforts of the authorities, the dwellings, their types and peculiarities of their zoning in the 1920s rural Buryatia mostly remained traditional regardless of owner's nationality, economic status or business pattern.

Keywords: everyday life, Buryatia, dwelling, house, log cabin, yurt

История повседневности является одним из актуальных современных исследовательских направлений. Проблематика повседневности включает в себя самый широкий круг предметов, отношений и явлений, которые очень трудно ранжировать по степени значимости.

Как и всякое бытие, повседневность имеет пространственное измерение. Простран-

ство повседневности есть место, территория, где протекает повседневная жизнь, где происходят повседневные события. Оно представляет собой систему пространств и включает в себя пространство тела человека, жилища и поселения (с прилегающими к нему территориями). Дом, жилище, интимно обжитое пространство является необходимым атрибутом

повседневности человека. Это основное место, *locus*, территория, главная сцена, на которой вершится драма повседневной жизни [3, с. 205].

Становление нового типа общества, которое происходило в постреволюционную эпоху 1920-х гг., повлекло за собой изменения во всех сферах повседневного бытия, в том числе в материальной среде обитания сельских жителей. Их жильё, хотя и является самой нерепрезентативной частью архитектуры, однако именно с ним сталкивается каждый из них на протяжении всей жизни; именно оно составляет значительную часть пространственной ткани повседневности. Жильё в своей эволюции неизбежно отражает, с одной стороны, быт и нравы, привычки и вкусы, социальную структуру и благосостояние жителей, с другой – государственную идеологию в области жилищного строительства.

В Бурятии в 1920-е гг. в сельской местности проживало абсолютное большинство жителей. Численность населения республики в 1923 г. составляла 451 869 чел., из которых 418 798 чел. проживали в селах и улусах (92,6 %). В 1926 г. при общем увеличении численности населения до 491 266 чел., процент сельского населения несколько уменьшился, составляя – 90,7 % (445 700 чел.). По Всесоюзной переписи 1926 г. сельское население Бурятии по национальному составу было представлено следующим образом: русских – 49,8 %, бурят – 45,1 %, тунгусов (эвенков) – 0,6 %, прочих – 4,5 % [1, л. 9–10].

Хозяйственные формы населения Бурятии, зависевшие от разнообразных естественных условий и бытовых навыков, были представлены бродячим охотничьим хозяйством в Баргузинской тайге, номадным скотоводческим хозяйством в Агинском аймаке, большим разнообразием полукочевых форм хозяйств в Эхирит-Булагатском, Хоринском аймаках, типичными оседлого типа хозяйствами в Верхнеудинском, Мухоршибирском, Кабанском районах. Около 54 % всех хозяйств были оседлого типа, из них 10 % бурятских; полукочевые хозяйства составляли чуть больше 40 % из них 78,6 % были бурятскими и эвенкийскими; кочевые хозяйства составляли 5,7 % или 11 % от общего количества бурятских и тунгусских хозяйств, бродячих хозяйств насчитывалось 0,3 % [1, л. 11].

Русские и другие группы оседлого населения жили крупными селениями, бурятское население – улусами (мелкими населёнными пунктами), которые отличались от русских деревень. В них не было ни улиц, ни правильно

расположенных усадеб. Так, в 1922 г. в Бурят-Монгольской автономной области РСФСР на 100 населённых мест приходилось: поселений до 5 дворов у бурят – 8, у русских – 21; от 5 до 24 дворов у бурят – 51, у русских – 41; от 50 до 99 дворов у бурят – 11, у русских – 12; от 100 до 189 дворов у бурят – 2, у русских – 6; среди 200 и более дворов бурятских поселений не было, у русских их было 3. Русская часть населения проживала не только в крупных поселениях, значительная их часть жила на заимках, выселках и др. [5, с. 21].

В сельской местности Бурятии в середине 1920-х гг. числилось 2 360 населённых пунктов, из них русского типа селения составляли 613, или 26 % от общего количества населённых пунктов, бурятских улусов – 1 713 и дацанов – 21, или 73,4 %, прочих населённых пунктов – 13, или 0,6 %. На один населённый пункт приходилось у русских и прочих 422 чел., у бурят – 125 [1, л. 7].

По количеству дворов в населённых пунктах большее количество приходилось на группу до 40 дворов – 1 573 населённых пункта (67 %), до 80 дворов – 372 (16 %), от 120 дворов – 121 (9 %), до 420 дворов – 11 (0,5 %), до 1 000 дворов – 6 (0,3 %) [1, л. 6, 8]. Следует отметить, что населённые пункты были расположены на достаточно большой территории и в основном это были малодворовые деревни и улусы.

Основной чертой первых постреволюционных лет стало начало социалистического преобразования деревни и улуса, которое затронуло жилищные условия сельского населения. Деревня будущего идеологами партии виделась организованной по типу города. Предполагалось, что крестьяне, объединённые в коммунах, будут жить в больших домах-общешитиях. Индивидуальные кухни, бани, хозяйственные постройки должны были уйти в прошлое. Вместо них планировалось построить общественные столовые, прачечные, бани, магазины, аптеки, коллективные хозяйственные комплексы. Предполагаемые мероприятия, безусловно, значительно улучшили бы жилищно-бытовые условия крестьянства. Село смогло бы приблизиться к городским условиям жизни. Подобными поселениями легче управлять, проще решать проблемы со снабжением, налаживанием культурно-бытовой сферы и сферы досуга.

На деле же всё происходило иначе. Созданию нового быта во многом препятствовали недостаток финансовых и материальных ресурсов, а также тяжёлые условия жизни. Преобладающая часть жилищного фонда – это

старые здания дореволюционной постройки, в массе своей не отвечающие элементарным санитарно-гигиеническим нормам. Прежними оставались тип и конструкция крестьянских жилищ, часто с земляными полами, с пребыванием мелкого скота вместе с людьми, освещением лучиной.

Войлочные юрты сохранились у агинских, еравнинских и закаменских бурят. В восточных аймаках замена войлочных юрт срубными домами кардинально улучшила бытовые условия населения. В первой половине 1920-х гг. население Боханского аймака проживало в 4-стенных домах, крытых иногда тёсом, иногда драньём, длина домов в большинстве $3\frac{1}{2}$, а ширина 3 сажени, высота $3\frac{1}{4}$ аршина, 4–5 окон. Наличники и рамы иногда красили. Летом население проживало в восьмиугольных юртах [6, с. 46].

Вот как описывает бытовые условия агинских бурят доктор Н. В. Жинкин: «Жилище их – войлочная юрта. Она служит и для летнего, и для зимнего пребывания. Юрта состоит из деревянного остова, построенного из берёзовых или ивовых палок, связанных между собой ремнями (канны). Установленная клетка представляет из себя короткий цилиндр, закрытый конусообразной кровлей с отверстием посредине для дымохода. Клетка и кровля по бокам обтянута войлоком и скреплена верёвками... Юрты круглые, средний диаметр составляет 4,4 м, высота посередине от 2,0 до 2,3 м... полы в основном земляные. Обычными предметами в юрте были один, два или три орона (дошчатые кровати), прямо, напротив входа, у стены Богдо Шэрэ (шкаф для бурханов), два или три переносных столика, сундуки под одежду, другой мебели нет. У входа в юрту стоит кухонная посуда. Некоторые юрты оборудованы швейными машинками и железными кроватями. Среднее количество живущих – 4 чел., средняя площадь юрты составляет 15,2 м². Помимо такого рода юрт существуют для жилья ещё деревянные строения, представляющие из себя род сараев, сделанных из досок» [2, с. 67–57].

В Бурятии усилия властей были направлены на вытеснение традиционного жилища – юрты и её замену срубными домами по русскому образцу. Главным образом, этого удалось достичь в среде западных бурят, поскольку ещё в начале XX в. по своему внешнему облику их жилище – срубная юрта – приближалось к избе русского типа, что было обусловлено более тесными контактами с русским населением. Более того, заимствуя быт русского населения, западные буряты совершенствова-

ли своё жилище, и оно мало чем отличалось от крестьянского как по внешнему облику, так и по внутреннему убранству. Главной особенностью начавшихся изменений стало наличие в жилище деревянной мебели – полатей, лавок. В целом же в период первых преобразований советской власти жилище коренного населения не претерпело значительных изменений, менялись лишь его некоторые элементы.

В 1920-е гг. не улучшались жилищные условия и русского населения Бурятии. Строго установленного типа построек в регионе не имелось, а население в своём большинстве жило в крайне стеснённых и антисанитарных условиях. Исходя из сложившейся ситуации, органы власти прежде всего занялись изменением существовавших норм жилищных условий, которые перестали соответствовать новым реалиям жизни. Отметим, что решение этого вопроса затянулось на многие годы, поскольку в одночасье решить эту проблему было непросто: дома в большинстве случаев не имели исправных печей, двойных рам и зачастую даже стёкол в рамах. Их санитарное состояние находилось не на должном уровне, поскольку не проводилось не только мытьё домов, но и просто не имелось элементарных канав для стока воды, не осуществлялась уборка снега, мусора и грязи.

У семейских жилищные условия имели свои особенности. «Селения семейских в большинстве случаев расположены в долинах между отрогами гор. Обыкновенно в селе 2–3 улицы, пересечённые переулками («праулками»), по которым ходят в поле, за село, к речке и т. д. Некоторые улицы тянутся несколько вёрст в длину и расположены вдоль ключа или речушки, от которой проведены канавы для орошения огородов, полей и покоса. Постройки семейских – большие, высокие, деревянные избы из очень толстого леса с крытым тёсом, на два ската, крышами. Сверху доски крыш скреплены «охлопеном», нижние концы положены в желоб, укреплённый крючьями. Наличники окон расположены настолько высоко от земли, что с улицы рукой их не достанешь; карнизы украшены резьбой и в большинстве случаев раскрашены различными красками. Часто на ставнях нарисованы всевозможные цветы или же разные птицы, из которых преобладают павлин, петух, голубь. Ворота и калитки также разрисованы и украшены резьбой. Жилые постройки в большинстве случаев состоят из двух изб, соединённых между собой крытыми тёплыми, светлыми сенями, где находится «казёнка» для хранения сундуков с имуществом, одеждой и разной

рухляди. Одна изба служит жильём в летнюю пору, другая – в зимнюю. Иногда для зимнего жилья строятся особые помещения – «зимовья» – во дворе. Внутри избы чисто и опрятно. Чисто вымытый пол застлан коврами-половиками или же посыпан дресвой, иногда песком. В «переднем углу» устроена божница, киот, весь увешанный или заставленный иконами старинного письма, большей частью образами с изображением Николая угодника, Божьей матери, Спасителя, Георгия Победоносца и т. д. Иконы без риз, а прямо писанные на досках. На светлых окнах иногда висят бумажные вырезанные шторы, на подоконниках стоят банки с цветами. В одном углу, ближе к порогу, стоит кровать, украшенная рисунком и резьбой. Над кроватью, к печи, высокие полаты, на которых спит зимой большая часть семейства» [4, с. 108].

В целом, к концу 1920-х гг. санитарное состояние, культура жилища оставались на очень низком уровне. И проблема была не в том, что «тёмный» народ не желал мыться, приобретать навыки гигиены. Проблема была глубже – в бедности. Во многих улусах жители десятилетиями не обновляли гардероб, не приобретали для бытовых нужд необходимых товаров, используя проверенные дедовские методы.

Таким образом, жилище, являющееся одним из ключевых объектов внимания исследо-

вателей повседневности, отнюдь не «декорация», в которой протекает жизнь человека. Пространство жилища отражает степень традиционности общества, демонстрирует приоритеты государства в области жилищной политики, диктует характер и организацию домашнего труда.

В селах и улусах Бурятии в 1920-е гг., несмотря на усилия властей, жилище, его тип и особенности функциональных зон, независимо от национальной принадлежности его владельца, формы и способов ведения им хозяйства, в большинстве своём оставались традиционными. Как и принято в традиционных культурах, в жилищах выделялись зоны сакрального, священного (Богдо Шэрэ (шкаф для бурханов), гунгарбаа (домашний буддийский алтарь), божница, киот, «красный угол») и мирского – зона питания (очаг, печь, стол и т. д.), зона сна (орон (бур.), кровать, полаты, лавка).

Модернизация жилищно-бытовой сферы сельского населения Бурятии в 1920-е гг., несмотря на ряд достижений, не удалась. Пропагандируемые властью рецепты преобразований в жилищно-бытовой сфере села применялись на практике главным образом состоятельными домохозяевами. Остальные же слои сельского населения были не в состоянии вводить новшества в силу слабого экономического состояния их хозяйств.

Список источников и литературы

1. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 9.
2. Жинкин Н. В. Опыт изучения социально-бытовых заболеваний среди кочующих бурят Агинского аймака // Жизнь Бурятии. 1927. № 1–3. С. 55–63.
3. Лернер Л. А. Пространство повседневности русского купечества в XIX веке // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 57. С. 204–210.
4. Попова А. М. Семейские (забайкальские старообрядцы) // Бурятияведение. 1927. № 3–4. С. 108–109.
5. Сборник по Бурят-Монгольской автономной области Сибири. Иркутск, 1923. 116 с.
6. Убугунов А. Улус «Заглик» Боханского хошуна Боханского аймака // Жизнь Бурятии. 1926. № 10–12. С. 45–50.

УДК 94(571.55:510)
ББК ТЗ(2)614–6

Владимир Григорьевич Дацышен
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Россия

Проблемы советско-китайского военного противостояния на забайкальском участке границы в 1929 г.

В статье пересматривается устоявшаяся картина событий истории советско-китайского военного противостояния на границе между двумя государствами в 1929 г. Посредством критического анализа публикаций и ввода в научный оборот документов региональных архивов по истории советско-китайского во-

енного противостояния в Забайкалье в статье восстанавливается картина событий советско-китайского вооружённого противостояния на границе до ноября 1929 г.

Ключевые слова: конфликт на КВЖД, 1929 г., пограничники на Амуре, Чита, Маньчжурия, Северо-Восточный Китай, Особая Дальневосточная Армия

Vladimir G. Datsyshen

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia

The Problems of the Soviet-Chinese

Military Confrontation in the Transbaikalia Area of the Border in 1929

The article reviews the history of well-established pattern of events in Sino-Soviet military confrontation on the border between the two countries in 1929. The article is based on firstly introduced papers on the history of the Sino-Soviet military confrontation in the Trans-Baikal from the regional archives. It restores the picture of the events of the Soviet-Chinese armed confrontation on the border until November 1929.

Keywords: the Conflict on the CER, 1929, border guard, Chita, Manchuria, Northeast China, Special Far Eastern Army

В 1929 г. имело место самое крупное в истории отношений между СССР и Китаем военное столкновение, известное как Конфликт на КВЖД. Военное противостояние длилось около полугода, принимая разные формы. При этом локальные вооружённые столкновения происходили на огромной территории, вдоль всего восточного участка советско-китайской границы. При наличии многочисленных публикаций, освещающих советско-китайский конфликт на КВЖД, нам не удалось найти ни одной работы с описанием и анализом военных действий на забайкальском участке советско-китайской границы в июле – первой половине ноября 1929 г. Лишь в работах начальника Михайловской военной артиллерийской академии В. В. Дятлова мы видим обращение к архивным документам, освещающим военные события на границе [3; 8].

Для восстановления исторической картины, без которой бессмысленны обобщения и выводы, необходимо обращение к историческим источникам. Важным и доступным для исследователей источником по истории советско-китайского противостояния в 1929 г. являются материалы советских газет. Они позволяют увидеть историческую картину событий, представленную советскому населению советскими печатными органами.

В советских газетах во второй половине 1929 г. публиковались заявления, где указывалось на нападения китайцев на советскую территорию. Необходимо отметить, что ни в первом, опубликованном от 14 августа в газетах «Сообщении ТАСС о нападениях на советскую территорию белогвардейских отрядов и китай-

ских частей», ни в «Заявлении Правительства СССР о нападениях на советскую территорию белогвардейских отрядов и китайских частей» от 19 августа 1929 г., ни в «Заявлении заместителя Народного Комиссара Иностранных дел СССР М. М. Литвинова сотруднику ТАСС» от 6 сентября 1929 г. не было указано ни одного примера столкновения на забайкальском участке советско-китайской границы. Первый раз этот участок границы прозвучал в «Заявлении Правительства СССР о продолжающихся нападениях и обстрелах советской территории белогвардейскими отрядами и китайскими частями» от 9 сентября 1929 г.: «19 августа китайскими частями был открыт пулемётный и артиллерийский огонь по нашим пограничным заставам в районе разъезда 86 (15 км восточнее ст. Маньчжурия)... 28 августа в районе селения Мучинаси на р. Аргуни (200 км от Нерчинска) китайские солдаты подплыли на лодках к нашему берегу и открыли ружейную и пулеметную стрельбу по советским постам и мирному населению. Убит один крестьянин и трое ранено... 30 августа в районе селения Чупрово и Кутурмы (60 км юго-западнее Нерчинска) переправился на советскую территорию конный белогвардейский отряд значительной численности... 7 сентября китайские войска, расположенные севернее Чжалайнора, обстреляли артиллерийским огнём наше сторожевое охранение... В 10 час 30 мин 9 сентября китайские части, расположенные в окопах в 6 км к северо-западу от ст. Маньчжурия, открыли пулемётный и артиллерийский огонь по нашим пограничным частям. Огонь с китайской стороны был прекращён в результате приня-

тых нами контрмер... Эти явно провокационные нападения китайских частей и вооружённых белогвардейцев вынуждают наши войска в порядке самообороны принимать решительные ответные действия, направленные к охране границ Союза и мирного населения пограничной полосы» [8, с. 493–495].

В «Заявлении Правительства СССР о систематических провокационных нападениях на территорию СССР белогвардейских отрядов и китайских частей» от 25 сентября 1929 г. говорилось: «...Союзное Правительство вынуждено вновь обратить самое серьёзное внимание Нанкинского и Мукденского правительств на приводимые ниже новые случаи нападений и обстрелов китайскими и белогвардейскими отрядами советских пограничных частей и на участвовавшую переброску на советскую территорию крупных диверсионных отрядов белогвардейцев, занимающихся грабежом мирного населения... 10 сентября в районе к югу от 86-го разъезда китайские войска обстреляли охранение советских войск со стороны Чжалайнора артиллерийским, ружейным и пулемётным огнём. Убито 2 красноармейца и 1 мирный житель... 11 сентября в районе 86-го разъезда, в 8 км к северо-западу от ст. Маньчжурия, китайскими солдатами был обстрелян артиллерийским и ружейным огнём дозор пограничной охраны советских войск... 12 сентября, в 12 час 30 мин., в районе ст. Маньчжурия китайскими солдатами были обстреляны залповым и одиночным ружейным огнём советские пограничные части. 12 сентября в районе д. Луббе (в 150 км к северо-востоку от Нерчинского Завода) китайские солдаты обстреляли пограничные части советских войск... 14 сентября китайские кавалеристы в составе около 50 всадников открыли пулеметный и залповый ружейный огонь по селению Староцурухатуй (в 80–90 км к северо-востоку от ст. Маньчжурия)... 16 сентября... в районе в 7 км к западу от ст. Маньчжурия китайские солдаты в составе роты пехоты и взвода конницы подошли к границе СССР и оттуда открыли сильный ружейный и пулемётный огонь по дозору советских войск, стремясь одновременно окружить последний и захватить его в плен... 18 сентября утром китайские солдаты обстреляли советский автотранспорт в районе 86-го разъезда и поселка Абагайтуевский... 18 сентября, в 7 час, в 7 км к юго-востоку от разъезда 86 китайские солдаты обстреляли части пограничной охраны советских войск... 20 сентября в районе Мучинского поста (в 85 км к югу от ст. Амазар) с китайского берега р. Аргуни был обстрелян частым ружейным огнём пограничный пост советских

войск... 20 сентября в районе селения Домосова (в 35 км северо-восточнее Нерчинского Завода) на территорию СССР перешла банда белогвардейцев. В результате принятых советским военным командованием мер белая банда была разгромлена... 21 сентября в районе разъезда 86 пограничная застава советских войск была обстреляна с китайской стороны залповым ружейным и пулеметным огнём. 23 сентября в районе разъезда 86 китайские солдаты открыли ружейный и пулеметный огонь по расположению пограничных частей советских войск» [8, с. 519–521]. В газете «Известия» за 4 октября 1929 г. под рубрикой «новые нападения китайских войск» был помещён следующий материал: «Чита... 2 октября на рассвете китайские войска (свыше батальона) под прикрытием своего артиллерийского огня перешли к юго-востоку от 86-го разъезда нашу границу и напали на наше сторожевое охранение. Сторожевым охранением перешедшие границу китайские части были отброшены в район своих окопов. С обеих сторон имеются убитые и раненые». 23 октября в «Известиях» было напечатано сообщение: «Чита, 22 октября (Роста). За последние дни вдоль нашей границы стали летать китайские самолёты... Одновременно китайцы продолжают ежедневно и систематически обстреливать наших пограничников и мирных жителей в районе разъезда 86 и пос. Абагайтуевский. Обстрелы прекращаются каждый раз только после нашего ответного огня» [13].

В советских газетах печатались не только официальные сообщения, но и авторские материалы, которые указывали на отдельные конкретные случаи боестолкновений на забайкальском участке границы. В середине октября 1929 г. в «Известиях» был опубликован очерк специального корреспондента этой газеты «С маньчжурской границы». Автор сообщал: «При стычке под Абагайтуем-Чжалайнором 16 августа к нам в плен попали шестеро китайцев-солдат... Теперь к нашим границам подвозят более обстрелянные, находящиеся в несколько лучших материальных условиях части чжансюэляновской армии...» [18]. Корреспондент также сообщил о двух погибших в бою под Чжалайнором красных командирах – Красикове и Малыгине. В официальном органе Сибирского военного округа, газете «Красноармейская Звезда», под рубрикой «Бандитские наскоки продолжают» сообщалось: «11 сентября китайские войска обстреляли ружейным и артиллерийским огнем нашу пограничную охрану в районе Джалайнор, а также в районе разъезда 86 в 8 километрах от станции

Манчжурия...» [14]. 21 сентября в «Красноармейской Звезде» было следующее сообщение: «18 сентября в 11 час, 30 мин утра, в районе разъезда 86 (Даурия) китайские солдаты, подойдя к нашей границе, открыли ружейный и пулемётный огонь по нашим пограничным частям. 19 сентября. Сегодня с утра китайские солдаты обстреляли наш автотранспорт в районе разъезда 86, у посёлка Абагайтуевской» [18]. Неоднократно в советских газетах печатались сообщения об обстрелах посёлка Олочи Нерчинско-Заводского района [13; 14].

Таким образом, опубликованные в советских газетах официальные сообщения и авторские материалы дают следующую картину: обстрелы китайцами советской территории в районе сухопутной границы Маньчжурия-Абагайтуй – 19 августа, 7, 9, 10, 11, 12, 16, 18, 21 и 23 сентября, 22 октября; обстрелы на реке Аргунь, чаще всего селения Олочи, – 28 и 30 августа, 12, 14 и 20 сентября, 23 октября, 11 ноября. Также в сообщениях говорится и об «ежедневных обстрелах». Газеты сообщают о двух случаях перехода белогвардейцами и китайцами границы, кроме того – об «участившейся переброске на советскую территорию крупных диверсионных отрядов белогвардейцев»; приводится случай, когда китайские солдаты, оставаясь на китайской территории, пытались окружить советских пограничников на советской территории.

До настоящего времени самыми доступными и часто используемыми в работах историков остаются военные мемуары, которые являются исторической литературой, «многослойной» и по характеру, и по содержанию. В различных работах содержательность картины событий варьируется от констатации факта китайских нападений до подробных описаний боестолкновений. В числе первых мемуаров, в которых были отражены военные события 1929 г., стала работа Натана Липмана «Записки красноармейца-дальневосточника». Здесь есть описания отдельных событий, в качестве примера можно привести следующие сюжеты: «На Абагайтуевскую заставу напал отряд белокитайцев. Вот их и отгоняют назад... Один пограничник убит» [22, с. 143]; «Все устремили свои взоры на китайскую сторону. На цели № 1 действительно было большое оживление... Как бы в ответ на эти приготовления наш бронепоезд плавно тронулся с места и выехал за пограничную арку. Это он делал в особенно серьёзных случаях... вдруг возле бронепоезда взорвался китайский снаряд... Вострецов остановился возле полковой батареи... Вот видите, там большое скопление людей, – сказал ко-

ман্ডующий, наблюдая в бинокль. – Это митингует студенческий отряд, который хочет нас стереть с земли. Пошлите им несколько снарядов... Второй снаряд попал прямо в гущу китайского отряда «смерти». Белокитайцы, как кроты, расползлись по своим блиндажам» [22, с. 156–158]; «Китайцы с каждым днём нагнали... 2 октября ночью китайский отряд со стороны Маньчжурии перешёл границу, напакостил, как блудливая кошка, и стал отходить. Бойцы получили долгожданный боевой приказ: – Отрезать путь китайской банде... Наш отряд бросился в атаку... Николаев... вёл отделение на вторую линию бандитских окопов...» [22, с. 182–183]; «Вот командир взвода Запарин наступает на вторую линию окопов... предательская пуля, пущенная из бойницы, тяжело ранит его. Он попал в руки белокитайцев, и они зверски замучили его» [22, с. 186–187].

В воспоминаниях генерала Г. И. Хетагурова, написанных уже в другую историческую эпоху, дана картина одной из операций на Аргуни, не упомянутой в газетных сообщениях: «5-я Отдельная Кубанская кавалерийская бригада, включённая в состав Забайкальской группы, сосредоточилась в посёлке Абагайтуевский... Терроризированные частыми огневыми налётами, жители станицы Олочинская обратились с письмом к Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину, требуя защиты и возмездия. В качестве меры возмездия и был предпринят удар по китайской крепости Шивей (Шивейсян). Наносился он 73-м кавалерийским полком при поддержке моей батареи. Стояла поздняя дождливая осень... Батареи ударили по амбразурам крепости, затем по наблюдательной вышке. Били мы зажигательными снарядами, и после первых же залпов над крепостью возникло зарево пожара... В крепости началась паника. Уцелевшие чанкайшисты выскакивали из неё, пытались спастись бегством. Но два эскадрона 73-го кавполка уже переправлялись вплавь через холодную и бурную Аргунь... В разгромленной крепости было подобрано 77 трупов, захвачено 62 раненых, и только пять человек попали в плен невредимыми. В числе наших трофеев оказались 2 орудия... крепость взорвали» [27, с. 10]. В воспоминаниях генерала И. И. Федюнинского говорится: «16 августа один взвод полка отбил атаку большой группы китайских солдат в районе посёлка Абагайтуевский и севернее города Маньчжурия. Ещё более крупная стычка произошла 18 августа... Начальник заставы доложил: «Наступают белокитайцы от Чжалайнора ротой... Огонь противника нашей заставе вреда не нанёс...». К 11 часам намере-

ние белокитайцев становится ясным: вторгнуться на советскую территорию... уже целый батальон... На помощь пограничникам пришли части Красной Армии с артиллерией. Завязался жаркий бой... Наши части получили приказ отрезать врага, заняв его окопы на китайской стороне... Белокитайцы были разбиты. Наши войска получили приказ отойти на свои позиции и продолжать охрану границ...» [30, с. 8–9].

В Государственном архиве Новосибирской области хранится запись воспоминаний бывшего участника событий, командира роты 105-го полка И. А. Мануйлова: «Ранним воскресным утром 13 июля 1929 года подразделения 105-го Ленинградского стрелкового полка, дислоцировавшиеся на станции Дивизионная... были подняты по тревоге... стало известно, что китайские милитаристы совершили вооружённый налёт на наши границы... В тот же день наш полк несколькими железнодорожными эшелонами отправился на восток. До середины ноября 1929 г., находясь в поселке Абагайтуй, мы интенсивно занимались боевой и политической учебой, несли усиленную охрану границы и вели тщательное наблюдение и разведку за военными приготовлениями врага. Советское правительство делало всё возможное, чтобы начавшийся конфликт разрешить мирным путём. Правители же Китая упорствовали, а их войска совместно с русскими белогвардейцами продолжали наскоки на наши пограничные районы... В 20 час 35 мин 16 ноября был объявлен приказ командира. Наша задача: уничтожить чжаланорское белокитайское гнездо...» [9, с. 8–9].

Наиболее ценным источником для создания картины событий 1929 г. являются различного рода документы, хранящиеся в архивохранилищах и музейных фондах России. Некоторое представление о ситуации на границе осенью 1929 г. можно получить на основе материалов «Разведсводок 3-го Отделения Читинского окружного отдела ОГПУ». Имеющиеся неполные материалы за сентябрь-октябрь 1929 г. не дают примеров активных действий отрядов русских эмигрантов на границе. Наоборот, в «Информационной сводке № 9» Читинского окрисполкома за сентябрь 1929 г. говорилось, что зарубежные банды «за отчётный месяц активных действий не проявляли» [1, л. 1]. Более того, советские спецслужбы не имели сколько-нибудь достоверных данных о русских белогвардейских отрядах в приграничных с Забайкальем районах Маньчжурии. Например, численность «банды Гордеев» оценивалась от 350 до 20 чел., и нахождение её указывалось в самых разных местах [1, л. 7–9].

Гораздо больше руководство ОГПУ было обеспокоено симпатиями русского населения Забайкалья к китайским войскам, сосредоточенным на границе. Например, в одном из документов «Сретенского окружкома ВКП(б), «Краткие сведения о политнастроении рабочих по приискам Сретенского Округа за 1929 г.», в части «Отношения рабочих к основным мероприятиям Соввласти и характер откликов в связи с конфликтом на КВЖД» отмечалось: «Фактов положительного отношения – 18, фактов а/с агитации и пораженчества – 12»; «пр. Быстрый, Газимурово-Заводского р-она. По поводу конфликта на КВЖД, рабочий ЕПИФАНЦЕВ в разговоре высказывался: «Если будет война, то у нас народ заграничников будет поддерживать, т. к. недовольства на Соввласть и у крестьян и у рабочих больше...» [4. Ф. П-71. Оп. 1. Д. 460. Л. 161]. Таким образом, можно предположить, что многочисленные сообщения о массовых переходах белогвардейцев через границу не отражали объективной картины. В добротной, написанной на основе архивных документов докторской диссертации М. В. Кротовой говорится о формировании антисоветских партизанских отрядов в Маньчжурии, но не приводится ни одного примера перехода такого отряда через границу в Забайкалье [20]. Что касается крайнего напряжения, сложившегося на границе в районе Нерчинска-Заводского, то здесь необходимо учитывать критическую ситуацию, в которой оказалось здесь местное население. В документах ОГПУ по ДВК за январь 1929 г., в частности, зафиксированы такие факты: «ПП ОГПУ сообщает дополнительные сведения о массовом бегстве крестьян Нерчинско-Заводского района за границу... демобилизованный красноармеец – житель села Булдуруй 2-й – Долженев Михаил, доведённый голодом до крайности, перед уходом за границу, в кругу своих знакомых плакал со словами, что только голод вынуждает его на это. В селе Бура Быркинского района Читинского округа зарегистрирован случай смерти женщины от истощения, три случая совершенно ослабших...» [4. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 165. Л. 16].

Выявленные нами документы указывают на несколько случаев обстрелов и боестолкновений, имевших место на забайкальском участке советско-китайской границы. В информационном письме комиссара 35-й дивизии в Иркутский окружком ВКП(б) от 30 августа 1929 г. сообщалось, что 16 августа при отражении китайского нападения на пограничную заставу противник потерял убитыми не менее 200 чел., 6 китайцев попали в плен, а совет-

ские потери убитыми составили 1 командир взвода и 1 командир отделения [5. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1065. Л. 50]. В письме военного комиссара 36-й Забайкальской стрелковой дивизии С. Я. Тарабрина от 21 августа 1929 г. говорилось: «Кой чего пишу относительно наших боевых действий... Несколько дней тому назад мы решили немножко пощупать китайские войска. Замысел был большой – операция была задумана солидная. Части подготовились, подвинулись к границе и ждали сигнала, как вдруг распоряжение свыше – вернуться назад. – Общий стон получился в частях: «Эх не разрешили». Если бы совершить эту операцию, это бы граничило с объявлением войны. Вот после этого – на другой день произошло столкновение 35 дивизии. В этом столкновении характерно то, что оно проведено неплохо. На рассвете 20/VIII-29 один из наших Бело с комполка 107, пошёл на границу с целью инженерной разведки пути и был обстрелян ружейно-пулемётным и артиллерийским огнём. Исходя из нашей обстановки, мы ответили артиллерийским огнём, выпустив 30 снарядов из которых около 2 десятков попало в китайские окопы и, надо полагать, кое-что наделали... пока прозябаем. Занимаемся военным онанизмом...» [4. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 737. Л. 27]. В телеграмме со станции Даурия от 10 сентября 1929 г. в Читу говорилось: «9/9 в 10 часов м-времени китайские войска обстреляли наши охранения в районе раз. 86. Перестрелка продолжалась около 4 часов. Китайцы наказаны, нашим артогнём разрушено у китайцев связь, разбит обоз одной из рот, разбит пулемёт и бомбомёт, убито 2 офицера, ранено 8 солдат, из коих два умерло. Эти данные получены от наблюдения и в результате подслушанных разговоров. С нашей стороны потерь нет...» [4. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 737. Л. 26]. В циркулярном сообщении Читинского окружкома ВКП(б) говорилось: «Второго Октября в районе 86-го разъезда китайские части перешли границу, части Красной Армии дали жестокий отпор арт-огнём, немедленно заставив замолчать противника. Усилились обстрелы пограничного населения... организуйте митинги протеста...» [4. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 737. Л. 5]. Приведённые выше документы не дают полной картины, по своему характеру отчасти носят политико-пропагандистский характер.

Данные о советских потерях в боях с китайцами на границе отражены в фондах сибирских архивов, в частности документах фонда Крайисполкома имеются данные о погибших в 1929 г. сибиряках из состава 36-й Забайкальской стрелковой дивизии. 108-й Белорец-

кий стрелковый полк в бою 2 октября потерял 7 чел. пропавшими безвести, 4 – убитыми, 1 – умершим от ран, ранеными более 20 человек [6. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1179. Л. 105]. В новосибирской «Книге памяти» зафиксировано: «Решетников Митрофан Николаевич, кр-ц... 106 Сахалинский сп 36 Забайкальской сд. Погиб 7 октября 1929 на границе. Похоронен у раз. 86 на КВЖД»; «Соколов Михаил Александрович, санинст-р... Санчасть 108 Белорецкой СП 36 Заб сд. Пропал без вести 2 октября 1929 у раз. 86 на КВЖД» [15, с. 20].

Документы, отражающие события советско-китайского конфликта 1929 г., хранятся в фондах военно-исторического музея в Хабаровске, в том числе рукописные материалы и фотографии. В фондах Военно-исторического музея Восточного военного округа в городе Хабаровске хранится черновая рукопись воспоминаний участника событий красного командира Н. М. Ким «Событие на КВЖД в 1929 г.». В этом документе говорится: «Личный состав находился в постоянной боевой готовности... то белокуитайцы обстреливали наши границы, то кавалерийский отряд белогвардейского полковника Нечаева готовился к налёту из города Маньчжурии. Сколько раз 1-му батальону приходилось выезжать по тревоге на границу... А стали холодные дни, полк покинул бивак и перешёл в вагоны... 36 с. д. была наготове, а 1 батальон 106 Сахалинского стрелкового полка опять был поднят по тревоге и выехал на границу с бронепоездами. С передним бронепоездом ехал командир дивизии т. Рейтер. Батальон развернулся и вслед за бронепоездами двигался к белокуитайской позиции. Командир дивизии, оставив свой бронепоезд, вскочил в белокуитайский блиндаж. Он оказался белокуитайским командирским наблюдательным пунктом и имел телефонную связь с городом Маньчжурией. Командир дивизии потребовал соединить его с дубанем (городской голова) города, что немедленно было выполнено белокуитайцами... Тов. Рейтер потребовал от дубаня, чтобы немедленно отпустил всех советских граждан и подвижной ж. д. состав... В течение августа, сентября и октября месяцев белокуитайцы систематически обстреливали станцию Отпор, ружейно-пулемётным и артиллерийским огнём... Командир 36-й Забайкальской стрелковой дивизии тов. Рейтер, комиссар тов. Тарасов организовали глубокий разведывательный поиск силой большого разведывательного отряда. За ночь отряд прошёл несколько километров вглубь позиции белокуитайцев и перед утром вышел из боя. Но война без жертв не бывает. Выход отряда прикрывал

звод Ким Ю-чена. Он убит последним снарядом, выпущенным белокуитайцами... В октябре полк передислоцировался в военный городок Даурия, но часть 1-го батальона продолжала находиться на 86-м разъезде в вагонах... В первых числах ноября и нас отвели в Даурию» [28]. В части рассматриваемой проблемы следует упомянуть хранящиеся в Военно-историческом музее копии фотографий из китайских изданий с переводом подписей: «1. 18-й год Республики, 2 октября. На рассвете красноармейцы атаковали наши позиции на ст. Маньчжурия. На фотографии изображён солдат противника, убитый нашими пограничниками (патрулем) в окопе в районе наших позиций. 2. То же самое, но: изображены солдаты противника, убитые... в блиндаже в районе наших позиций» [28].

Приведённые выше документы дают противоречивую и неполную картину советско-китайского вооружённого противостояния в 1929 г. Для восстановления целостной картины военных событий необходимо привлечение документов военных архивов. Документы Российского государственного военного архива (РГВА), отражающие военные события на границе, представлены в докторской диссертации генерал-лейтенанта В. В. Дятлова. Согласно им, первое крупное боестолкновение на забайкальском участке границы состоялось 16 августа: «В оперсводке штаба РККА № 27 от 17 августа об обстановке в Забайкалье упоминалось следующее: “Даурская группа. На рассвете 16 августа охранение 35 дивизии, находящееся на высоте 5 кмтр. сев. Далайнора, было обстреляно китвойсками. Наша застава ответила огнем. В связи с этим батальон 104 полка в 14 часов 25 минут перешел в наступление против китвойск, занимавших окопы в 4 кмтр. сев. Далайнор. Под огнём наших частей и артиллерии китвойска оставили окопы. В результате столкновения нашими войсками была занята высота Безымянная... В связи с отменой операции в целом и дополнительными указаниями Комвойск не втягиваться в затяжной бой, в 17 часов под прикрытием артиллерии наши части начали отход. Во время отхода противник продолжал вести огонь по нашим отходящим частям. В борьбе за высоты китайцы оставили до 40 человек убитых и 5 пленных, из них 4 раненых... По непроверенным данным потери китайцев убитыми не менее 100 человек... Наши потери: убит 1 отдельком, умер от ран комзвезда и ранен один отдельком. Батальон отошел за границу; туда же оттягивается сторожевое охранение”» [9, с. 120–121]. Несмотря на то, что действия со-

ветских войск были вполне удачными, в оперсводке отмечается, что они не получили одобрения старшего начальника: «Ввиду того, что действия эти обстановкой не вызывались и в корне противоречили всем ранее данным указаниям, Командующий войсками за эту операцию комкору XVIII поставил на вид» [9, с. 122]. В оперсводке от 4 октября говорилось: «Согласно данным личного расследования комгруппы Даурской оказалось, что столкновение на границе 2/Х в районе разъезда 86 произошло в результате перехода границы по самочинному приказу комдива 36 тов. Рейтера (вопреки директивам и прямому запрещению комгруппы тов. Кассина) нашим разведывательным отрядом силою свыше батальона для производства поисков. Китайцы нашу границу не переходили... было выпущено 2328 снарядов... около 80 000 винтпатронов и сброшено на китайские окопы 26 авиабомб. Несмотря на это, наши мелкие партии при своих попытках проникнуть в район китайских окопов, ввиду сильного огня с соседних окопов, брошенных раненых и убитых не подобрали» [9, с. 259].

Таким образом, исторические источники указывают на то, что летом-осенью 1929 г. на забайкальском участке советско-китайской границы имело место вооружённое противостояние, сопровождавшееся многочисленными обстрелами и боестолкновениями. Знакомство с материалами советской периодической печати заставляет согласиться с мнением авторитетного исследователя М. В. Кротовой: «Рассматривая информационную войну как часть советско-китайского конфликта на КВЖД, можно прийти к выводу, что информация из прессы... является ненадежным источником для исследований и требует тщательной проверки и сравнения с другими источниками» [20, с. 96]. Критический анализ выявленных документов позволяет предположить, что летом-осенью 1929 г. ни военные отряды русских белоэмигрантов, ни китайские войска не вторгались на советскую территорию, ограничиваясь её обстрелами. Ни в работах А. В. Соловьёва, опирающегося на архивы спецслужб, ни в работах А. П. Тарасова, опирающегося на китайские источники, не приводится документов, указывающих на переход отрядов неприятеля на советскую территорию. Советские же войска по инициативе местного военного командования и вопреки указаниям В. К. Блюхера неоднократно проводили операции против отрядов белоэмигрантов и китайских войск на сопредельной территории. В ответ на силовой захват КВЖД китайцами советская сторона

проводила демонстрацию силы на границе. Активность советских войск была обусловлена комплексом факторов: плохое снабжение советских войск и неподготовленность их к зимовке в суровых условиях степного Приаргуны; массовое бегство русского населения в Китай и др. Тезисы же о намерениях китайцев

в 1929 г. перерезать железную дорогу на Байкале и захватить часть территории России озвучивались советскими пропагандистами, вероятно, по причине низкого уровня доверия советского населения к проводимой советским руководством политике вообще и «китайской политике» в частности.

Источники и литература

1. Бандитские наскоки продолжают // Красноармейская Звезда. 1929. 14 сент.
2. Будь готов к обороне. Л.: ОГИЗ, Прибой, 1931. 62 с.
3. Вишняков Э. С Манчжурской границы. (От нашего специального корреспондента) // Известия. 1929. 13 окт.
4. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края).
5. ГАНИИО (Гос. архив новейшей истории Иркут. обл.).
6. ГАНО (Гос. архив Новосиб. обл.).
7. ГАХК (Гос. архив Хабар. края).
8. Документы внешней политики СССР. Т. 12. 1 янв. 1929–31 дек. 1929 г. М.: Изд-во полит. лит., 1967. 816 с.
9. Дятлов В. В. История артиллерии в военных конфликтах с участием РККА (1929–1940): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб, 2013. 472 с.
10. Дятлов В. В. Применение советской артиллерии на начальном этапе конфликта на КВЖД // Вестн. ИрГТУ. 2013. № 7(78).
11. Занданова Л. В., Кунцевич И. С. Русский католический лицей Святого Николая в г. Харбине // Вестн. МЦАИ. М.; Иркутск, 2001. № 5. 176 с.
12. Иванов С. В. В борьбе за мир. О Краснознаменной Дальневосточной. Хабаровск, 1930.
13. Известия. 1929. 23 окт.
14. Известия. 1929. 24 окт., 13 нояб.
15. Книга памяти. 1923–1940. 1946–1969: сб. / сост. М. И. Корсакова, Е. И. Терешина. Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 2003. 328 с.
16. Конев Н. На советско-китайской границе. М., 1930.
17. Костарев Н. Граница на замке. М.: Молодая гвардия, 1930.
18. Красноармейская Звезда. 1929. 21 сент.
19. Кротова М. В. Конфликт на КВЖД 1929 г.: информационная война и политические настроения русских в Маньчжурии // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. История России. 2013. № 10.
20. Кротова М. В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1950-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2015. 536 с.
21. Кузин А. В. Советско-китайский вооружённый конфликт 1929 года: опыт, уроки // Приамурье – форпост России на дальневосточных рубежах : материалы регион. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2007.
22. Липман Н. Записки красноармейца-дальневосточника. М.: Молодая гвардия, 1930.
23. Осоавиахим – Особой Дальневосточной. М.: Отдел воен. лит.: Гиз, 1930. 63 с.
24. Скалов Г. КВЖД. Империализм и китайская реакция в событиях на КВЖД. М.; Л.: Гос. изд-во. Отдел воен. лит., 1930.
25. Соловьёв А. В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. М.: Русь, 2002. 544 с.
26. Тарасов А. П. Противостояние красных и белых в китайском Дамысово (28 сент. 1929 г.) // IV Петряевские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. Чита, ЗабГУ, 2013. 272 с.
27. Федюнинский И. И. На Востоке. М.: Воениздат, 1985. 224 с.
28. Фонды Военно-исторического музея Восточного военного округа.
29. Харджиев Н. Особая Дальневосточная. М., 1930.
30. Хетагуров Г. И. Исполнение долга. М.: Воениздат, 1977. 216 с.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)

Юлия Николаевна Ланцова

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Положение восточных рабочих в Забайкалье в 1920 – начале 1930-х гг.

Статья посвящена анализу положения восточных рабочих в 1920 – начале 1930-х гг. В ней подробно анализируются методы просветительской, образовательной и профсоюзной работы среди китайцев и корейцев в Забайкалье. Приводятся статистические данные по членству «восточников» в различных профессиональных союзах, анализируется работа Читинского окружного профбюро.

Ключевые слова: восточные рабочие, национальная политика, профсоюзные органы, прииск, рудком, ликпункт, профкружок, Забайкалье

Yuliya N. Lantsova

*Zabaikalsky State University,
Chita, Russia*

The Position of the Eastern Workers in Transbaikalia in 1920 – Early 1930

The article is devoted to the analysis of the situation of workers of the East in 1920 – beginning 1930-th years. In her detailed analysis of methods educational and trade Union work among the Chinese and Koreans in Transbaikalia. Presents statistical data on membership «easterners» in various trade unions, analyses the work of the Chita district tradeunion.

Keywords: Eastern workers, national policy, unions, the mine, the Rudko, link-bunch, propoach, Transbaikalia

История взаимодействия России, Китая и Кореи имеет долгую историю, которая не прерывалась с серьёзными политическими и экономическими изменениями в государствах. Спрос на иностранную рабочую силу в дореволюционной России был достаточно высок. Особенно это проявлялось на приграничных территориях, в частности на Дальнем Востоке и в Забайкалье.

Восточные рабочие, прежде всего китайцы, занимались самым неблагоприятным, неквалифицированным физическим трудом. В Забайкалье на китайском труде, например, держались в значительной мере строительные работы, добыча угля и золота.

После Октябрьской революции 1917 г. в российско-китайских отношениях наступает новый этап. Иностранных рабочих предполагалось использовать как участников классовых борьбы. В соответствии с принципами советской национальной политики они получили равные с гражданами советского государства права.

Использовали труд иностранцев и в период Первой мировой войны. Уменьшение количества «восточников» было во время гражданской войны, а затем постепенно стало увеличиваться. С 1924 г. было расширено и по-

ставлено на новую правовую основу использование китайских рабочих на старательских работах [5, с. 112].

Положение восточных рабочих и в 20–30-х гг. оставляло желать лучшего. Им пришлось испытать безработицу, изнурительный труд, крайнюю жилищно-бытовую неустроенность. Вместе с тем тяжёлые производственные и бытовые условия были причиной и огромной текучести китайских и корейских рабочих. Положение мигрантов из Китая усугублялось тем фактом, что значительную их часть по-прежнему, как и до революции, составляли необученные работники. Гонимые безработицей, они шли трудиться туда, где русские рабочие не задерживались.

Рабочий день был более 12 ч, а заработная плата невысокая. В таблице отражена зарплата на приисках Сретенского округа [1, л. 17]:

Китайские рабочие хуже обеспечивались питанием, одеждой, жильём. Крестьяне были вынуждены арендовать землю на невыгодных условиях. Экономическая дискриминация нередко сопровождалась высокомерным отношением к «восточникам», что временами приводило даже к столкновениям русских и китайских рабочих.

Районы	1928 г.			1929 г.	
	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль
Н. Троицкий	78,08	0,90	1,93	4,26	4,00
Казаковский	29,08	0,90	3,35	1,80	4,26
Урульгинский	58,26	8,65	5,94	6,32	13,17
Курленский	73,78	1,80	3,61	13,82	16,40
Б. Лугинский	23,75	2,19	3,74	5,63	5,55
Жаринский	27,18	3,22	9,04	12,65	12,01
Усть-Карский	50,95	13,94	13,32	19,91	18,21
Борзинский	70,44	3,87	1,67	3,74	6,32
Шахтоминский	36,70	5,16	5,81	7,49	9,68
Общая	53,23	4,90	3,81	7,49	9,68

Так, Союз горнорабочих обращал внимание на крайне сложное положение восточных рабочих в «Союззолото» [1, л. 68]. Это и слабое обеспечение товарами, низкая и не всегда своевременная оплата труда, и грубое отношение заведующего к рабочим.

С утверждением национального равноправия старались укрепить законность и внутри китайской общины, в которой были распространены такие явления, как скрытая эксплуатация рабочих старшинками и подрядчиками, создание фиктивных рабочих артелей. Подрядчики нередко служили посредниками между администрацией и китайскими рабочими даже на государственных предприятиях. К экономическим преступлениям добавлялись бытовые: содержание притонов, проституция, в искоренении которой большое значение придавалось воспитательной работе.

Советское правительство поддерживало общественные объединения китайских трудящихся, находившихся в России. Наиболее крупным из них был созданный в декабре 1918 г. в Петрограде Союз китайских рабочих.

Под руководством союза, в котором насчитывалось 60 тыс. чел., открывались кассы взаимопомощи, создавались школы политграмоты, читались лекции. ЦИК Союза китайских рабочих был признан советским правительством. После III съезда союза 25 июня 1920 г. было создано Центральное организационное бюро китайских коммунистов в России, которое проводило агитационную и пропагандистскую работу [3, с. 139].

Особое значение советская власть придавала политической работе в среде китайского и других нацменьшинств. Китайских рабочих вовлекали в партию, комсомол, профсоюзы. Партийные и комсомольские ячейки в китайской среде не отличались многочисленностью, но членство в профсоюзах было массовым: в 1927 г. – 80 % китайских рабочих. Хотя китайские рабочие составляли 56 % всех восточных

рабочих, среди членов профсоюзов их доля была равна 81 % [5, с. 118].

В Читинском округе на 1929 г. работало 1558 чел., из них членами профессиональных союзов 956 чел (61 %). По национальности большинство составляли китайцы 1481 чел., 77 корейцев [2, л. 1].

По данным Дальневосточного краевого бюро статистики труда на июнь 1929 г. восточные рабочие входили в состав различных профессиональных союзов, таких как: сельскохозяйственный союз – 128 китайцев; горнорабочие – 462 китайцев, 22 корейцев; деревообделочники – 4 китайца; кожевники – 18 китайцев; печатники – 2 китайца; пищевики – 31 китаец, 2 корейца; швейники – 5 китайцев, 4 корейца; строители – 104 китайца; железнодорожники – 33 китайца, 10 корейцев; медсантруд – 5 китайцев; совгорслужащие – 8 китайцев, 4 корейца; комхоз – 3 китайца; парлит – 16 китайцев [2, л. 4].

В целом период советизации в русле проводимой государством национальной политики властными органами были созданы условия, обеспечивающие сохранение китайского населения как национального меньшинства, его воспроизводство через систему минимальных гарантий прав национальных меньшинств, национальное самовыражение (газеты, театры, прочие культурные мероприятия и институты).

Пристальное внимание со стороны региональных органов различных уровней уделялось разработке и осуществлению форм и методов культурно-просветительной работы и образования среди китайских трудящихся [4, с. 26].

Однако, например, в г. Чите, несмотря на то, что численность восточных рабочих была немаленькая, работа почти не велась. Объяснялось это отсутствием актива из числа рабочих и русских, знающих китайский язык.

В городе вся массовая работа была сосредоточена в клубе вострабочих, где прово-

дились собрания, беседы, читались лекции. Процент посещения собраний и бесед в основном был удовлетворительный. Среди мероприятий самым популярным был кинопрокат. Были бесплатные кинопостановки в основном после собраний и платные 2–3 раза в неделю.

Клуб вмещал 170 чел., в котором числилось 130 членов. При клубе было два драмкружка – китайский и корейский, общей численностью до 50 чел. Также функционировал политкружок, в который входили 15 китайцев и 15 корейцев; военно-стрелковый – 20 и 20 соответственно; рабкоровский кружок, профкружок. Была при клубе женская корейская секция, посещали её в основном домохозяйки и работницы швейпрома.

Для повышения грамотности работали ликпункт и школа малограмотных, в двух группах которых обучались 196 чел., из них было 15 китайцев и 3 корейца [2, л. 2]. При клубе функционировала библиотека, где были книги на русском, китайском и корейском языках, выписывалась периодическая литература: газеты на русском языке – «Правда», «Красное знамя», «Звезда», «Забайкальский рабочий», «Чудак»; на китайском языке – журнал «Рабочий путь», на корейском – «Авангар». Читальня работала четыре раза в неделю, посещало её в среднем 10–20 чел.

Пытались активизировать профсоюзную работу не только в городе, но и в районах. Так, приисковым комитетом Кручина были организованы ликпункт, политкружок, профкружок. В них занималось 8, 20 и 23 рабочих соответственно [2, л. 2]. Ципиканский рудком организовал ликпункт. На Черновских коях 70 чел. обучались на курсах профактива. Ликпункт, политкружок и прокружок были и в Баунтовском районе.

Несмотря на попытки работы профкружков с «восточниками», эффективной и постоянной деятельности из-за отсутствия руководства не было. Изначально профячейки даже не снабжались литературой. Только в конце 20-х гг. стали высылать литературу для восточных рабочих. Среди этой литературы были книги по профсоюзной работе, такие как Резолюции VII и VIII Съездов профсоюзов, Кодекс законов о труде, о работе среди восточных рабочих; политическая литература – Итоги XVI партсъезда, политэкономия, Кантонское восстание, революционное движение на Востоке, ноябрьский пленум и другие. Также была выслана литература для ликбезов (книги по русскому языку и русско-китайские словари).

Однако в основном вся литература была рассчитана на подготовленного читателя, и

только некоторую можно было использовать в качестве учебных пособий. Но даже такая обеспеченность литературой была не везде, большинство союзов, куда входили восточные рабочие, выписывали только газеты и журналы.

Летом, когда рабочие были заняты на приисках, проводить работу было затруднительно. Поэтому старались более плотно работать зимой. Так, например, Читинское окружное профбюро планировало активную организационную и пропагандистскую работу на зимний период 1930 г.

Для проведения пропагандистской работы общие собрания для китайских рабочих проводились один раз в месяц; кроме того, необходимо было созывать раз в месяц и специальные производственные совещания и конференцию китайцев-активистов.

Для улучшения взаимоотношений между китайскими и русскими рабочими проводились международные вечера и специальные китайские вечера для восточников.

Должна была выпускаться стенгазета на китайском языке (раз в месяц). Планировались мероприятия, посвящённые следующим событиям – 18-й годовщине китайской буржуазной революции и 2-й годовщине Кантонского восстания.

Планировалась работа по активизации общественной работы и вступлению в партию китайских рабочих, для этого активистов посылали на зимние курсы, выдвигали на руководящую административно-хозяйственную работу. Постоянно велась пропаганда среди китайцев и корейцев против религии и национализма.

Особое внимание следовало уделять проблеме повышения политической грамотности среди восточных рабочих. Для этого было запланировано чтение лекций по разным темам, таким как: «Положение в Китае», «От обезьяны к человеку», «О пятилетнем плане развития народного хозяйства», «Зарплата в Китае», «Положение ВКП(б)», «О буржуазной демократии и диктатуре пролетариата», «Международное положение» и т. д. [2, л. 26].

В действительности же не всё запланированное реализовывалось. Местные органы не уделяли большого внимания работе среди «восточников», это в какой-то степени объяснялось очень сильной текучестью среди них. С такой текучестью пытались бороться различные профсоюзные органы. Пытались также усилить воспитательную работу через политкружки и ликпункты.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. 71. Оп. 1. Д. 564.
2. ГАЗК. Ф. 75. Оп. 1. Д. 796.
3. Залесская О. В. Культурно-просветительная работа среди китайских рабочих на Дальнем востоке России (20–30-е годы XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 139–151.
4. Залесская О. В. Китайские мигранты в трансформационных процессах на Дальнем Востоке России (конец XIX – первая треть XX вв.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск – Хэйхэ, 10–12 июня 2011 г. / отв. ред. Д. В. Буяров. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 24–27.
5. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.

УДК 94

ББК ТЗ(2)

Ольга Анатольевна Яремчук

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

**Деятельность издательства «Забайкальский рабочий»
в предвоенные годы**

Статья посвящена характеристике деятельности издательства «Забайкальский рабочий» в Читинской области накануне Великой Отечественной войны. В ней подробно анализируются вопросы кадрового и материально-технического обеспечения издательства, определяются трудности в выполнении плановых показателей и участие в социалистических соревнованиях.

Ключевые слова: Читинская область, издательство, типография, редакция, газета, «Забайкальский рабочий», «Сталинское племя», «Пионер Забайкалья», линотип

Olga A. Yaremchuk

*Zabaykalsky State University,
Chita, Russia*

**The Activities of the Publishing House “Zabaikalsky Rabochy”
in the Prewar Years**

The article is devoted to the “Zabaikalsky Rabochy” activities Publishing Chita region on the eve of the Great Patriotic War. It analyzes in detail issues of personnel and logistics, publishing determined difficulties in meeting targets and the participation in the socialist competition.

Keywords: Chita region, publishing, printing, editorial, newspaper, “Zabaikalsky Rabochy”, “Stalin seed”, “Pioneer Transbaikalia”, linotype

В 1930-е гг. в нашей стране довольно ярко обозначилась необходимость проведения централизованной политики в области хозяйствования, в том числе в области издательской деятельности. Появился целый ряд нормативно-правовых документов, направленных на перестройку управления издательским делом. Ещё в 1929 г. Совнарком РСФСР принял постановление «О мероприятиях по рационализации работы книгоиздательств и упорядочению книгопроводящей сети», в котором типизировались основные издательства, определялось, какую литературу должно выпускать

каждое из них. Потребовалась дальнейшая концентрация, укрупнение издательств, централизация идеологического и хозяйственного руководства ими. В соответствии с этим происходит коренная перестройка всей издательской системы. 30 июля 1930 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О работе Госиздата РСФСР и об объединении издательского дела», в котором отмечалось, что развитие издательского дела отстаёт от требований эпохи социалистической реконструкции, и определялась задача его организационной перестройки на основе дальнейшей типизации

издательств. 8 августа 1930 г. Совнарком РСФСР принял решение, в соответствии с которым вместо множества самостоятельных издательств в стране создавалась единая и практически монопольная организация – Объединение государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ) при Наркомпросе РСФСР.

На основе указанной нормативно-правовой базы выстраивалась издательская деятельность в Забайкалье в 1930-е гг. Перестройка работы издательств была обусловлена также образованием 26 сентября 1937 г. Читинской области, определившим потребности в реорганизации многих учреждений, в том числе касающихся печатного дела. Так, газета «Забайкальский рабочий» становилась областным изданием. Для лучшего руководства и контроля за деятельностью областной и районных типографий при облисполкоме был создан сектор печати, заведующим которого утвердили Павла Фёдоровича Алексеева [5, с. 280]. Документы из фондов Государственного архива Забайкальского края (П-329, Р-6) позволили составить представление о деятельности издательства «Забайкальский рабочий» в предвоенные годы (1937–1941 гг.). Часть использованных в статье материалов была опубликована в сборнике «Чита в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» [5].

28 января 1941 г. сектор печати был упразднён и решением Четвёртой сессии Читинского областного совета депутатов трудящихся при исполкоме облсовета образовано Управление издательства и полиграфии. Начальником Управления был утвержден всё тот же П. Ф. Алексеев [5, с. 280]. Из-за резкого сокращения объёма работ в типографии облисполкома в октябре 1941 г. её объединили с Управлением издательства и полиграфии. При этом административно-управленческий аппарат Управления и типографии облисполкома сократился на 26 %. Вся экономия фонда заработной платы от сокращения управленческого аппарата ушла в областной бюджет [5, с. 280]. Три газеты – «Забайкальский рабочий», «Сталинское племя» и «Пионер Забайкалья» объединились в издательство «Забайкальский рабочий», которое было выделено на самостоятельный баланс и хозяйственный расчёт. Руководство издательством было возложено на ответственного редактора «Забайкальского рабочего» Карла Моисеевича Водопьянова. Типография издательства газеты «Забайкальский рабочий» с 1 августа 1940 г. стала называться «типографией Читинского облисполкома», и возглавил её Анатолий Владимирович

Величковский. Но в этом же году его сменил Василий Михайлович Ботов [5, с. 280].

Самые актуальные и серьёзные вопросы, стоящие перед Читинской областью в конце 1930 – начале 1940-х гг., получали непосредственное освещение на страницах газеты «Забайкальский рабочий». Это издание в рассматриваемый период оставалось рупором самого передового во всех сферах деятельности города и области. В январе 1941 г. за пропагандируемый передовой опыт, активную и последовательную борьбу за подъём сельского хозяйства, за развёртывание ефремовского и герасимовского движений газету «Забайкальский рабочий» облисполком утвердил кандидатом в участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1941 г. в павильоне «Печать» [5, с. 280]. Регулярно в ней публиковались сводки ТАСС. Однако не всегда хорошо обстояло дело с освещением задач Читинской области. Подчёркивался чрезвычайно малый круг вопросов о развитии области, поставленных в газете. В частности, недостаточно полно были раскрыты проблемы весеннего сева 1939 г. [1, л. 16]. Имели место в содержании газеты до выхода её в свет антипартийные формулировки. В качестве примера отмечалась статья «Ответ тов. Галичеву» в «Забайкальском рабочем» от 20 апреля 1939 г. [1, л. 14]. В документах ГАЗК неоднократно упоминалось о возросших культурных запросах населения Читинской области в конце 1930-х гг. и в связи с этим подчёркивалась необходимость строительства дома печати, так как типография и редакции ютились «в невероятных условиях» [1, л. 1]. Здание, в котором размещалось издательство, принадлежало горсовету и требовало капитального ремонта. Несмотря на то, что там ежегодно проводился текущий ремонт (перекладка печей, побелка, покраска полов и т. д.), всё же периодически протекала крыша, что приводило к утрате запасов бумаги [1, л. 36]. Высказывалось предложение о необходимости достройки двух этажей над зданием, занимаемым издательством [1, л. 7].

Работа издательства «Забайкальский рабочий» была подчинена выполнению плановых показателей. В целом они выполнялись. Например, за первые 4 месяца 1939 г. издательством план был выполнен на 102 %, однако подчёркивалось, что можно было добиться большего, если бы не был допущен брак в работе и не было бы сверхурочных. Качество работы не всегда отвечало требованиям, поэтому заказы часто возвращались для исправления. Положительным всё же было использование рационализаторской мысли в работе изда-

тельства. Например, работники Питомцев и Крылов работали над усовершенствованием автомата-выключателя при обрыве бумаги на ротации [1, л. 24].

Непременной составляющей в деятельности издательства «Забайкальский рабочий» являлось её участие в социалистических соревнованиях. Коллектив читинской типографии в рамках выполнения обязательств Третьей Пятилетки (1938–1942 гг.) вызвал на соревнование типографию «Восточно-Сибирской правды» (г. Иркутск). Главной задачей соцсоревнования было сделать газету более острой, политической, обеспечить её своевременный выпуск и качество публикуемых материалов [1, л. 13].

Весьма сложно обстояло дело с решением в 1937–1941 гг. проблемы нехватки кадров как в редакции, так и типографии. Из архивных документов известно, что вопрос об обеспечении издательства работниками, о текучести кадров и повышении их квалификации поднимался много раз. Причины текучки назывались разные: тяжёлые условия труда, невыплаты гонораров работникам, внутренние раздоры в коллективах типографии и редакции, отсутствие необходимой квалификации у сотрудников и др. [1, л. 39; 2, л. 4; 3, л. 19; 4, л. 12]. Отмечалось также и отсутствие гарантий предоставления жилья при трудоустройстве: «К нам идут работать, есть желание у многих, но нет квартир, получается большая текучесть. Обком комсомола не серьёзно подходит к подбору кадров в нашу газету, посылает неспособных людей» [1, л. 14]. Подобное мы находим и в другом документе: «Подбор кадров в типографии у нас проводится безответственно, поэтому оказались принятыми на работу Васильев и др., уволенные за воровство из другой типографии. И у нас они стали продолжать заниматься этим» [1, л. 25].

В архивных материалах довольно детально описывались особенности материально-технического обеспечения деятельности издательства «Забайкальский рабочий». Как известно, после создания Читинской области тираж газеты увеличился почти втрое (с 15 до 40 тыс.), была создана комсомольская газета, надо было дать более 5 млн листов выборной литературы, выполнить заказы областных организаций, а оборудование типографии оставалось старое. Как правило, машины работали «без отдыха», в три смены, и останавливать их для капитального ремонта было нельзя. Ремонт был только текущий [1, л. 36]. Недостаточной была и материальная база – не было заголовочных шрифтов, линеек, пробельного

материала, не был отрегулирован вопрос о центральном снабжении [1, л. 24].

Издательство не имело склада. Известно, что облисполком сначала выделил ему помещение, а потом в 24 часа выселил из него, хотя оно и в дальнейшем продолжало пустовать [1, л. 24]. В связи с переводом газеты «Забайкальского рабочего» в статус областного издания потребности в бумаге значительно возросли. В соответствии с этим в типографию в ноябре 1937 г. отгрузили 7 или 8 вагонов бумаги, а в декабре 1937 г. ЦК ВКП(б) выделил неприкосновенный запас – 4 вагона (6–7 тонн) бумаги. В итоге в издательстве скопилось более 10 вагонов бумаги. Большая часть рулонов лежала во дворе, под открытым небом. Использовали под них все помещения, какие было возможно. В итоге часть бумаги в таких условиях сохранить не удалось. Ситуация усугубилась в начале 1938 г., когда в типографии прорвало трубу и затопило 15–20 рулонов. Отмечалось, однако, что порча бумаги была незначительной – не больше 5–6 тыс. листов [1, л. 37].

Следует отметить наличие ряда и других фактов в работе издательства: систематическое опоздание выхода периодических изданий, особенно газет «Сталинское племя» и «Пионер Забайкалья»; неиспользование в полном объёме ценного типографского оборудования – линотипов; несвоевременная сдача оригиналов в набор, наличие в них большого количества ошибок; отсутствие своевременного обеспечения набором и корректорской правкой газет и др. В архивных документах сообщалось, что в связи с опозданием выпуска газет зачастую терялась актуальность тех или иных публикуемых материалов. Например, один из авторов указывал: «Вот я сдал статью о Бомарше и ждал, когда её наберут, а набрали – печатать уже поздно, т. к. годовщина этого писателя прошла» [1, л. 25]. Были и противоположные ситуации: «Например, рассказ “Полнокровная жизнь”, напечатанный за 20/IV, плохой рассказ, но мы напечатали его потому, что нечего было печатать» [1, л. 14]. А при проверке статей ТАСС, напечатанных типографским способом, было обнаружено, что линотиписты набирали с ошибками по 20–25 строк на гранку (130 строк). Из-за этого часто в полосе (700 строк) приходилось переливать 80–100 строк (12–15 %) [1, л. 24]. Причины сложившейся ситуации объяснялись отсутствием дисциплины в линотипном цехе и незаинтересованностью квалифицированных сотрудников в результатах своего труда в связи с уравнением уровня заработной платы с другими категориями работников.

Таким образом, в работе издательства «Забайкальский рабочий» накануне Великой Отечественной войны нашла отражение перестройка всей системы издательской деятельности, проводимой в стране. Выполнение плановых показателей, участие в системе соцсо-

ревнований, пропагандируемый передовой опыт, активная борьба за подъём сельского хозяйства и др. являлись характерными чертами периодических изданий «Забайкальский рабочий», «Сталинское племя» и «Пионер Забайкалья».

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. П-329. Оп. 1. Д. 12.
2. ГАЗК. Ф. П-329. Оп. 1. Д. 13.
3. ГАЗК. Ф. П-329. Оп. 1. Д. 14.
4. ГАЗК. Ф. П-329. Оп. 1. Д. 15.
5. Чита в годы Великой Отечественной войны: сб. статей, документов и фотодокументов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-изд-во, 2015. 520 с.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)

Марина Владимировна Пряженникова

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

**Организация культурного досуга военнослужащих
Забайкальского военного округа осенью 1941 г.
(по материалам газеты «На боевом посту»)**

В статье на основе материалов газеты «На боевом посту» анализируется организация культурного досуга военнослужащих Забайкальского военного округа осенью 1941 г. Показана работа художественной самодеятельности в частях округа, драматических, хоровых, музыкальных кружков. Автор обращает внимание на то, что культурная работа среди военнослужащих была необходимым элементом в укреплении боевого духа и веры в непобедимость Красной Армии.

Ключевые слова: Забайкальский военный округ, красноармейцы, художественная самодеятельность, стенгазета, библиотека, драмкружок

Marina V. Pryzhennikova

*Zabaikalsky State University,
Chita, Russia*

**Organization of Leisure Time of Servicemen
Transbaikal Military District in the Autumn of 1941
(on Materials of the Newspaper “In the Line of Duty”)**

The article based on materials of the newspaper “In the line of duty” is analyzed as organization of cultural leisure of the troops of the Transbaikal military district in the autumn of 1941, Shows the work of Amateur in parts of the district, dramatic, choral and musical groups. The author draws attention to the fact that cultural work among servicemen was a necessary element in the strengthening of fighting spirit and faith in the invincibility of the Red Army.

Keywords: Transbaikal military district, red army, an art activity, a wall newspaper, a library, a drama club

Осенью 1941 г. Красная Армия вела ожесточённые бои на всём фронте, гитлеровские войска стояли на подступах к Москве, Ленинград был взят в кольцо блокады, завершилась

Московская конференция представителей СССР, США и Англии по вопросам о взаимных военных поставках. Советский Союз перестраивал свою жизнь на военный лад, тем не ме-

нее, не забывая о том, что культура несёт в себе не только эстетическое удовольствие, но и агитационно-пропагандистское, патриотическое воздействие на население. Исключением не были и военнослужащие Забайкальского военного округа (ЗабВО), которые, несмотря на то, что основные военные действия проходили на западных рубежах страны, несли охрану государственной границы с территорией Китая и Монголии.

Отдельные аспекты культурной жизни региона в годы Великой Отечественной войны по материалам прессы анализировали в своих научных работах О. А. Яремчук [17] и Г. В. Мясникова [12]. Военную, будничную жизнь, боевую учебу военнослужащих Забайкальского военного округа освещала газета «На боевом посту», которая выходила с апреля 1934 г. В годы Великой Отечественной войны газета являлась главным пропагандистом фронтового опыта, печатала материалы о подвигах бойцов и командиров на фронтах, статьи, стихи, отрывки из рассказов и повестей участвовавших в боях воинов-забайкальцев [5, с. 306]. Кроме того, на страницах газеты освещалась каждодневная культурная жизнь Забайкальского военного округа.

В конце сентября 1941 г. на сцене Окружного дома Красной Армии (ОДКА) прошёл смотр художественной самодеятельности среди военнослужащих Забайкальского военного округа. В рамках смотра был осуществлён семинар запевал, танцоров и музыкантов. Целью мероприятия было привлечение внимания и возрождение на время забытой художественной самодеятельности. Реакция в частях не заставила себя ждать.

В подразделении старшего политрука Абхазава посещавшие этот семинар запевалы Заярко, Ягодин, Пожарников, Ерин, Путинцев, плясуны Казаков, Лукьянов, Совчугов, гармонисты Порошин, Скудра и Сотин провели вечер художественной самодеятельности, посвящённый Великой Отечественной войне советского народа против гитлеровской Германии. На сцене клуба подразделения помимо музыкальных и танцевальных номеров была показана пьеса «Чёртово болото», повествующая о борьбе советских патриотов с фашистскими парашютистами-диверсантами [10, с. 4].

В подразделении командира Афанасьева также состоялся вечер красноармейской художественной самодеятельности. Красноармеец Егоров прочитал рассказ Чехова «Хамелеон», медсестра Холодова исполнила несколько советских песен, красноармеец Носачёв продемонстрировал стихотворения и исполнил песню,

народный танец показала медсестра Стрельникова [7, с. 4].

Участники художественной самодеятельности давали также и платные концерты, сбор с которых шёл в фонд обороны страны. В клубе одной из частей 3 октября был дан такой концерт, в ходе которого удалось собрать 1736 р. Вся программа была посвящена оборонной тематике. Красноармеец Суховой исполнил «Песню о Сталине», «Танкисты»; младший сержант Шевяков сыграл на гармонике украинскую народную песню «Распрягайте, хлопцы, коней» и «Меж крутых берегов». Струнный и духовой оркестры исполнили антифашистские песни «Мы фашистов разобьём», «Сталинская конница», «Марш партизан». В концерте приняли участие жены командиров Калмыкова и Сребная, орденоносца красноармейца Лобачёва. Группа паркетных акробатов в составе красноармейцев Сидорова, Мухтасикова, Пелеева, Волоскова и Ганина продемонстрировала ряд физкультурных упражнений. Плясуны Филатов, Мирошниченко, Макаров, Курсанин и Ткачёв исполнили «русскую плясовую» и шуточный танец «Суббота» [11, с. 4].

На волне общего подъёма художественной самодеятельности в некоторых подразделениях были организованы хоровые, драматические, музыкальные кружки. В клубе одного из подразделений под руководством красноармейцев Паршина и Неудахина были созданы хоровой и струнный кружки, в состав которых вошло 35 чел. Работали драматический и танцевальный кружки [8, с. 4].

Кроме того, в одной из частей округа силами военнослужащих был организован джаз-оркестр под управлением техника-интенданта 2 ранга Самойловича. Командование помогло приобрести необходимые музыкальные инструменты, и 11 октября оркестр дал концерт, в программу которого вошли песни из кинофильма «Истребители» в исполнении красноармейца Чагина, национальный танец крымских татар в исполнении красноармейца Ефремова, а красноармеец Степанов показал номера клоунады [9, с. 4].

Инициатором и организатором досуга армейской молодёжи являлась комсомольская организация под руководством политических руководителей и комиссаров частей. По инициативе младших командиров Михайолвского и Калинина, военфельдшера Ямовой был создан драмкружок, который поставил одноактовую пьесу Саянского «Кафе Адольфия», посвящённую борьбе германских рабочих против Гитлера [2, с. 4].

Вечерами, после боевой учебы, красноармейцы и командиры собирались в клубе. Здесь они могли воспользоваться услугами читальни, где всегда имелись свежие газеты и журналы, комнатой для занятий, большой библиотекой, посмотреть кинофильмы и поиграть в бильярд.

В каждой воинской части в обязательном порядке необходимо было иметь библиотеки, скомплектованные из разнообразной художественной, военно-исторической и политической литературы. С началом Великой Отечественной войны в них стали поступать брошюры, посвященные военной тематике. Чтобы абоненты могли быстро находить необходимый материал, была организована выставка «Что читать об Отечественной войне». Здесь были подобраны брошюры «Гитлеровская империя – очаг мракобесия», «Великое народное ополчение», «Отечественная война 1812 г. и разгром империи Наполеона», «Комсомол – в первые ряды бойцов за родину, за честь, за свободу». Тут же были указаны материалы по теме «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма» из журналов «Большевик» и «Пропагандист Красной Армии» [13, с. 4].

Значительное внимание в Забайкальском военном округе уделяли периодической печати и стенгазетам. В начале октября 1941 г. состоялась конференция редакторов стенных газет и военкоров Читинского гарнизона. В ходе конференции обсуждались вопросы о том, как редколлегиям стенных газет перестраивать свою работу на военный лад и помогать командованию укреплять военную дисциплину. С началом войны стенгазеты расширили связи с военкорами и значительно улучшили свою работу, помещая из номера в номер материалы о воинской дисциплине, показывая бойцов, добросовестно исполнявших приказы командования, критикуя нарушение дисциплины. К таким стенгазетам относились «На боевом посту», «Зенитчик», «Связист» [6, с. 4].

15 октября 1941 г. состоялось совещание работников низовой печати, на котором был заслушан доклад «Задачи низовой красноармейской печати в дни Отечественной войны». По итогам совещания лучшими газетами были признаны: «За родину» (редактор младший лейтенант Уланов) и «Вперёд» (редактор сержант Задворнов) [14, с. 4].

Помимо стенгазет для патриотической пропаганды использовались тематические щиты, панно, плакаты. Активно в этом направлении работал сектор пропаганды и агитации,

а также художники. При Окружном доме Красной Армии силами красноармейцев Гулецкого и Нестерова был организован кружок художников, который выпускал так называемые «окна сатиры», посвященные войне [3, с. 4].

Военнослужащим Забайкальского военного округа часто демонстрировали кино, которое также приобрело патриотический характер. Как правило, перед киносеансом проходили импровизированные концерты с участием музыкантов, партерных гимнастов, чтецов. В конце сентября – начале октября 1941 г. в частях были показаны картины «Щорс», «Великий гражданин», «Пятый океан», «Профессор Мамлок», «Семья Оппенгейм». Демонстрировали также и выпуски журналов Союзкинохроники, где освещались боевые операции действующей Красной Армии. В таких выпусках были показаны подлинные кинодокументы, касающиеся операции в районе высоты «А», действий частей командира И. С. Конева в разгроме 161 немецкой пехотной дивизий [16, с. 4].

Часто Забайкальский военный округ принимал гастролирующих артистов. В сентябре приезжали Украинский передвижной театр, Ленинградский театр эстрады и Читинский госцирк. В рамках гастрольных туров в кинотеатре демонстрировались 10 больших художественных фильмов, 20 сеансов провели кинопередвижки в подразделениях. Выступали с концертом и местные артисты – участники самодеятельных кружков.

Работники искусств г. Иркутска дали первый радиоконцерт для бойцов и командиров ЗабВО. С краткой речью, обращенной к бойцам Красной Армии и командирам, выступил председатель областной военно-шефской комиссии Римлянд. Концерт начался выступлением хора Иркутского радиокомитета, который исполнил фрагмент из симфонии-кантаты композитора Ю. А. Шапорина «На поле Куликовом». Прочла очерк И. Эренбурга «Свобода! Свобода!» артистка Иркутского областного драматического театра Каплун. В концерте приняли участие артисты музкомедии Нозикова, Иванов, пианистка Бронштейн [15, с. 4].

Военнослужащие ЗабВО сами выезжали на гастроли. Ансамбль красноармейской песни и пляски пограничников Забайкальского округа под руководством красноармейца Томаха выезжал на пограничные заставы, дав 45 концертов. В программу входили патриотические народные песни, частушки, красноармейские пляски, стихи и рассказы о героических подвигах советских воинов. За проведенное мероприятие командование Забайкальского погра-

ничного округа объявило всему составу ансамбля благодарность [4, с. 4].

Кроме того, духовой оркестр и кружки художественной самодеятельности одной из частей осуществляли культурное шефство над населением близлежащего посёлка. Под руководством сержанта Монахова три раза ставили для населения спектакли и концерты [1, с. 4].

Таким образом, культурная жизнь военнослужащих Забайкальского военного округа осенью 1941 г. была весьма насыщена. Солдаты и командиры активно принимали участие

в кружках художественной самодеятельности, в театральных постановках, в музыкальных номерах. Военнослужащие ЗаБВО сотрудничали с артистами, приезжавшими на гастроли, и сами выезжали с концертами в отдалённые части и близлежащие населённые пункты, беря над ними шефство. В годы Великой Отечественной войны такие мероприятия приобрели патриотическую направленность и были особенно важны для поддержания морального духа. Через культуру шла пропаганда непобедимости Красной Армии, героизма русского народа и стойкости всего Советского Союза.

Список источников и литературы

1. Баткин С. Концерт и спектакль для населения // На боевом посту. 1941. № 254. 28 окт. С. 4.
2. Белов Н. Организаторы красноармейского досуга // На боевом посту. 1941. № 247. 19 октября. С. 4.
3. Бобылев Б. Готовятся к выступлениям / Б. Бобылев // На боевом посту. 1941. № 252. 25 окт. С. 4.
4. Богачёв С. Ансамбль пограничников // На боевом посту. 1941. № 250. 23 окт. С. 4.
5. Бубнов Н. С. На боевом посту // Энциклопедия Забайкалья: в 4 т. / под ред. Р. Ф. Гениатулина. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3: Читинская область. С. 305–306.
6. Верхов И. Конференция редакторов стенных газет и военкоров // На боевом посту. 1941. № 239. 10 окт. С. 4.
7. Гамеза В. Зрители тепло встретили исполнителей // На боевом посту. 1941. № 233. 3 окт. С. 4.
8. Домаев Н. Оживление красноармейской самодеятельности // На боевом посту. 1941. № 234. 4 окт. С. 4.
9. Егунов Г. Ожилась художественная самодеятельность // На боевом посту. 1941. № 240. 11 окт. С. 4.
10. Ковалев Т. Наша самодеятельность // На боевом посту. 1941. № 233. 3 окт. С. 4.
11. Матвиенко И. Концерт красноармейской самодеятельности // На боевом посту. 1941. № 233. 3 окт. С. 4.
12. Мясникова Г. В. Повседневная жизнь забайкальцев в первый год войны (по страницам газет) // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом, 11–12 сент. 2015 г.: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2015. Ч. 2. С. 17–21.
13. Работа библиотеки // На боевом посту. 1941. № 2348. 9 окт. С. 4.
14. Сафонов Н. Сопровождение работников низовой печати // На боевом посту. 1941. № 243. 15 окт. С. 4.
15. Сулимов Г. Радиоконцерт для частей ЗаБВО // На боевом посту. 1941. № 251. 24 окт. С. 4.
16. Шергов В., Н. Мармерштейн Боевой кинорепортаж. Журналы союзкинохроники № 87 и 88 // На боевом посту. 1941. № 239. 10 окт. С. 4.
17. Яремчук О. А. Периодическая печать Забайкалья в первые месяцы Великой Отечественной войны (на примере газеты «Забайкальский рабочий») // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом, 11–12 сент. 2015 г.: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2015. Ч. 2. С. 13–17.

УДК 94:364(571.55)

ББК ТЗ(2)

Валентина Юрьевна Золотарева

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Система государственных и местных органов социальной защиты в 1944 г. (на примере Читинской области)

В статье рассматриваются вопросы формирования и функционирования системы органов социальной обеспечения СССР на примере Читинской области. На основе архивных документов выделены основные проблемы, возникавшие в системе органов социального обеспечения в связи с военным временем, такие как недостаток финансирования, неудовлетворительная подготовка кадрового состава и др.

Ключевые слова: инвалид, социальное обеспечение, трудоустройство, кассы взаимопомощи, Читинская область, Великая Отечественная война

Valentina Y. Zolotareva

*Transbaikal state University,
Chita, Russia*

The System of State and Regional Bodies of Social Protection in 1944 (on the Example of the Chita Region)

This article deals with the formation and functioning of the system of bodies of the USSR Social Security as an example of the Chita region. On the basis of archival documents identified the main problems encountered in the social security authorities in connection with wartime, such as lack of funding, poor training of staff and others. The study is based on archival documents.

Keywords: disabled, social security, employment, mutual fund, Chita region, the Great Patriotic War

Вопросы социальной защиты и обеспечения находились в ведении Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР (НКСО), которому подчинялись краевые (областные) и районные органы социального обеспечения. НКСО контролировал деятельность врачебно-трудовых экспертных комиссий, Всероссийского совета кооперации инвалидов (Всекоопинсоюз), а также Всероссийские общества слепых и глухих (ВОС и ВОГ). Структура органов социальной защиты носила централизованный характер и тесно взаимодействовала с административно-командной системой управления в целом.

НКСО возглавлял народный комиссар, имевший двух заместителей. В 1941–1943 гг. во главе НКСО находилась А. Г. Гришакова, а с 1943 г. эта должность принадлежала А. Н. Сухову [3]. Структура НКСО менялась в зависимости от выполняемых функций. Основными задачами НКСО являлись пенсионное обеспечение, материальное, бытовое, культурное, медицинское и санаторно-курортное обслуживание населения, руководство ВТЭК и протезными учреждениями, деятельностью системы социального обеспечения. Поэтому в НКСО выделялись следующие отделы: отдел пенсионного обеспечения, лечебно-курортный, отдел руководства домами инвалидов, финансовый, научно-исследовательский, планово-производственный. Согласно выдвинутому в 1930-е гг. тезису «о борьбе с тунеядством» трудоустройство и обучение инвалидов включались в перечень основных задач. В 1931 г. при НКСО РСФСР учредили Совет по трудовому устройству инвалидов, в годы Великой Отечественной войны – управление трудовым устройством и обучением, включавшее отдел врачебно-трудовой экспертизы, создавались комитеты трудового устройства инвалидов и комитеты помощи по обслуживанию раненых и больных бойцов и командиров Красной Армии [5, с. 169].

Материально-финансовая база государства весьма ограничивалась расходами, связанными с военным временем, поэтому для оказания помощи инвалидам войны привлекались общественные организации и население страны. Помимо НКСО решением социальных вопросов занимались также профсоюзы, общества слепых (ВОС) и глухих (ВОГ), общество красного креста, женотделы и партийные организации (комсомол, пионерская организация) и др.

Органы социального обеспечения и районные исполнительные комитеты уделяли мало внимания вопросам организации касс взаимопомощи инвалидов войны на предприятиях и в колхозах области. В Нерчинском районе кассы взаимопомощи работали только в 11 из имевшихся 31 колхозов. Не организовали эти кассы многие колхозы Оловянинского, Сретенского, Карымского и других районов [1, л. 106]. Профсоюзные организации на многих предприятиях г. Читы, Балея, Сретенска и Нерчинска не вели систематической работы с инвалидами войны, мало оказывали последним помощи в разрешении материально-бытовых вопросов.

В ряде районов партийные организации ослабили в 1944 г. массово-политическую работу с инвалидами Великой Отечественной войны. В области сняли часть пенсий за уклонение от работы 117 инвалидов 3-й группы, но мер по привлечению их к работе со стороны местных органов власти не принималось [2, л. 5]. Органы социального обеспечения, профсоюзные и комсомольские организации повседневной связи с инвалидами войны не имели. В большинстве районов Читинской области отсутствовали активные группы, способные взять на себя организационные вопросы. Поэтому в практической работе райсобесов преобладали канцелярские методы. О этом можно судить, исходя из большого количества постановлений и приказов, не учитывавших возможность их исполнения и

контроля за исполнением принятых нормативно-правовых документов.

Несмотря на значительные недостатки в работе с инвалидами войны, городские и районные комитеты ВКП(б) не принимали необходимых мер по улучшению работы отделов социального обеспечения. В ряде районов к подбору кадров в эти отделы подходили несерьёзно, вследствие чего возникла большая текучесть кадров. За 1944 г. в области сменилось 22 заведующих райсобесами. В некоторых районах отделам социального обеспечения не создали необходимые условия для работы. В Карымском районе райсобес располагался в маленькой, непригодной комнате, у заведующей райсобесом Нумчик не имелось даже стола. В Читинском сельском районе райсобес разместили в проходной комнате. В Борзинском районе в одной комнате располагались помимо отдела социального обеспечения поселковый совет и инспекция статистического учета. В г. Чите райсобес Центрального района разместили в холодном, неотреставрированном помещении.

Кроме того, заведующих райсобесами систематически посылали в длительные командировки, не связанные с их прямой работой. Так, заведующая Сретенским горсобесом Кулезнева находилась в командировке четыре месяца, в Петровск-Забайкальском районе Сигаев более трёх месяцев, на такой же срок командировали Коврижных в Черновском районе г. Читы. В длительные командировки посылались и заведующие райсобесами Шахтаминского, Газимуро-Заводского, Улётовского, Могойтуйского, Дульдургинского и других районов, в результате чего отделы социального обеспечения оставались без руководства [2, л. 5].

По причине отсутствия контроля со стороны облисполкома не работали комиссии по трудоустройству инвалидов войны, в обязанности которых входила постоянная работа с ними. Районные комитеты ВКП(б) и районные исполкомы недостаточно проверяли работу отделов социального обеспечения, редко ставили на обсуждение вопросы трудоустройства и материально-бытового обслуживания инвалидов войны, слабо контролировали исполнение принятых решений, в результате чего многие из них не исполнялись.

4 апреля 1944 г. бюро обкома ВКП(б) приняло постановление «О трудовом устройстве инвалидов Великой Отечественной войны». В соответствии с ним обком ВКП(б) и облисполком приняли решения по вопросам трудового устройства инвалидов войны и их бытового обслуживания, но не проконтролировали их исполнение на местах [2, л. 6]. Работники военного отдела обкома ВКП(б), как и заведующая отделом Малышева, практически не выезжали в районы области для работы с инвалидами войны и не оказывали райкомам необходимой организационной помощи в налаживании этой работы, в результате в большинстве районов указания обкома остались невыполненными.

В целом можно говорить о том, что к 1944 г. сложилась централизованная система органов социального обеспечения. Несмотря на то, что оказание социальной поддержки инвалидам войны декларировалось приоритетным в социальной политике в годы войны и преимущественное внимание уделялось трудовому устройству, пенсионному обеспечению и медицинской помощи инвалидам войны и семьям военнослужащих – имелись и значительные недостатки финансового, кадрового и организационного характера.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1935.
2. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1991.
3. Ланцев М. С. Социальное обеспечение в СССР. М.: Экономика, 1976. 143 с.
4. Смирнов С. Н. Региональные аспекты социальной политики. М.: Гелиос АРВ, 1999. 320 с.
5. Фирсов М. В. История социальной работы в России. М.: ВЛАДОС, 2001. 256 с.

УДК 94
ББК т3(2)

Сергей Владимирович Карасёв

*Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
г. Иркутск, Россия*

Санаторий для императора

В статье рассматриваются вопросы пребывания в санатории Молоковка последнего императора Китая Пу И в 1945 г. Автор статьи проанализировал аспекты повседневной жизни и охраны как императора, так и находящихся вместе с ним членов правительства Маньчжоу-Ди-Го, а также японских генералов, пленённых в ходе советско-японской войны 1945 г.

Ключевые слова: генерал, император, Молоковка, санаторий, Чита

Sergey V. Karasev

*Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russia*

Health resort (sanatorium) for an emperor

The article consider the questions of staying in a sanatorium Molokovka of the last emperor of China Pu Yi in 1945. Author of the article analyzed the aspects of daily life and the protection of the Emperor as well as members of the government of Manchukuo Di Guo (Manzhou Digu), and Japanese generals, captured during the Soviet-Japanese War in 1945.

Keywords: Chita, the Emperor, general, Molokovka, sanatorium

Из общего числа генералов, адмиралов и высокопоставленных представителей власти, пленённых в ходе советско-японской войны 1945 г., 91 человек в августе-октябре 1945 г. находился на территории Читинской области [1]. Здесь оказался командующий 3-м фронтом Дзюн Усироку, комендант Хайларского Укрепрайона генерал-майор Намура Такихэ, комендант морского гарнизона Порт-Артура вице-адмирал Кобаяси Кэнго, командующий 30-й армией генерал-лейтенант Иида Сэодзи-ро, а также командиры дивизий, начальники служб армий, денщики, студенты.

Всего на территории «Объекта 30» (Читинская область) находилось 15 интернированных министров. Среди них были премьер-министр Чан Чинхуа, 1871 г. рождения, уроженец города Мукден, по национальности китаец; высший советник Чжан Шин, 1884 г. рождения, уроженец города Мукден, по национальности китаец; министр труда Юй Цзинь-мао, 1897 г. рождения (самый молодой из этой группы), уроженец города Синьцзинь, по национальности китаец и другие. Здесь же находился и последний император Китая Генри Пу И со своей свитой. Все они, как и многие другие, провели различные сроки в местах лишения свободы в Советском Союзе. Из 81 [8] пле-

нённого войсками Забайкальского фронта генерала 38 [1] в августе-сентябре 1945 г. находились в заключении в этом санатории.

Штаб Главного командования советских войск на Дальнем Востоке летом 1945 г. находился в здании санатория РККА «Молоковка», в двадцати километрах от Читы. Лес, тишина, природа, радоновые источники – всё это привлекало сюда отдыхающих со всех уголков Советского Союза в довоенный период. В последние три месяца Второй мировой войны этот санаторий, которому было присвоено наименование «Объект 30», использовался как место заключения высшего японского командования и правительства Маньчжоу-Го.

30 августа 1945 г. командование «Объекта 30» принял подполковник И. И. Волков, который сменил на этом посту майора А. Е. Репина в соответствии с приказом НКВД за № 647 от 23 августа 1945 г. К этому времени охрану объекта обеспечивала рота из состава снайперской школы № 26, которая дислоцировалась в Кяхте, а к 30 августа 1945 г. была переведена на станцию Антипи́ха Забайкальской железной дороги. Ротой командовал лейтенант Ахмадуллин.

«Объект 30» интересен и ещё с одной стороны – как место для хранения трофейного

имущества. Начальник орготделения окружного Управления военного снабжения НКВД Забайкальского округа майор Брюханов 27 сентября 1945 г. предписанием № 38085 обязывает начальника лагеря НКВД № 30 для оформления прибывшего в лагерь округа трофейного имущества направить бланки актов, которые требуется заполнять при поступлении трофейного имущества с эшелонами военнопленных.

Первыми, кто появился на территории «Объекта 30» из пленных и интернированных, доставленных в СССР в ходе боевых действий в августе 1945 г., были император Маньчжурской империи Генри Пу И и 8 чел. его свиты.

В 12 ч дня 20 августа 1945 г. младший лейтенант А. К. Желваков получил приказ о сопровождении Пу И в Читу. После обеда вся группа села в самолёт С-47, и самолёт взлетел. В целях обеспечения безопасности Пу И было принято решение совершить ещё одну посадку на точке «Ленинград» в районе города Тамцак-Булак, где был заменён самолёт, и экипаж после взлёта получил приказ лететь на Москву, сделав предварительную посадку в Иркутске. Только после взлёта экипажу была дана команда изменить маршрут на Читу.

В Чите императора и его свиту встретили и в составе колонны вывезли в Молоковку. Пу И ехал в первой машине, личный состав, осуществлявший охрану от Мукдена, – в последней. В Молоковку на «Объект 30» прибыли поздно вечером [1].

Пу И и его свита были первыми пленными на территории Читинской области, доставленными туда в результате ведения боевых действий.

Всего их было 9 чел. [1, л. 26]:

1. Император Маньчжоу-Го – Пу И, 39 лет.
2. Брат императора – Пу Дэ, 39 лет.
3. Майор Маньчжоу-Го – Жунци, 34 года.
4. Майор Маньчжоу-Го – Ван Цзяси, 32 года.
5. Лакей императора – Ли Госюн, 34 года.
6. Студент – Юй Янь, 28 лет.
7. Студент – Юй Чжань, 23 года.
8. Студент – Юй Тан, 32 года.
9. Врач – Хуан Цзечжен, 46 лет.

По воспоминаниям медицинской сестры Е. Суриновой, работавшей в Молоковке, японские пленные жили на 2 и 3-м этажах второго спального корпуса, который сохранился и сейчас. Здание, в котором находились Пу И и его свита, в настоящее время не сохранилось, а жили они в 1, 2-местных номерах, хорошо относились к персоналу, обращались к ним по имени – «Катя-сан» и кланялись. Все они хорошо относились к минеральной воде, которую

пили с удовольствием. Это здание находилось в 600 м от здания, где находились пленные японцы.

При разговорах с представителями НКВД СССР Пу И высказывал просьбы, связанные с определением места нахождения родственников, так как опасался за их жизнь, считая, что гнев японцев может быть направлен и на них. «Мы беспокоимся о наших семьях: жёнах и детях. Живы ли они? Как они питаются, как у них одежда, здоровы ли они, не притесняют ли их японцы, которые там, по-видимому, скрываются? Мы уверены, что Красная Армия их не притесняет. Нельзя ли туда написать письма? Нам желательно слушать, если можно, радио, патефон, читать свежие газеты. Что нового? Желательно художественные книги, журналы» [1, л. 83]. Также он просил Советское командование «доставить наиболее близких ему людей, оставшихся в городке Далицзыгоу, вблизи Тунхуа на Корейской границе: Пу Ин – брата императора, Ю Мин – племянника императора, Ю Люй – племянника императора, слуг – Цзяо Бину, Цао Юйгуан, Хо Футай, Ци Юань, Шан Инюань, Дун Цзинбин [1, л. 159]. Однако подтвердить либо опровергнуть факт удовлетворения этой просьбы не удалось.

Реакция на эти просьбы была молниеносной. Уже 4 сентября 1945 г. просьба, высказанная Пу И 29 августа 1945 г., была передана начальнику УНКВД по Читинской области генерал-майору Портнову и этого же числа шифровкой была направлена в адрес заместителя народного комиссара внутренних дел Союза ССР генерал-полковника В. В. Чернышова [1, л. 159].

В середине октября 1945 г. Пу И был отправлен на аналогичный объект в Хабаровск.

В июле 1946 г. Пу И был доставлен в Токио в качестве свидетеля на Международном военном трибунале для Дальнего Востока. При следовании из Хабаровска Пу И ехал в вагоне с советскими офицерами. Как он вспоминал, чувство было одно – страх.

31 июля 1946 г., прибыв на станцию Пограничная, поезд пересёк советско-китайскую границу. В течение 8 дней бывший император в Токио давал показания.

Пу И был передан властям КНР 1 июля 1950 г. Рано утром 2 июля 1950 г. поезд с Пу И прибыл на китайскую станцию, где его уже встречал представитель премьер-министра Китая и вооружённое подразделение. Здесь Пу И был пересажен на другой поезд. Совершив остановку в Чанчуне, поезд двинулся на Шеньян и прибыл в Фушунь. После того, как Пу И был амнистирован в конце 1959 г., ему раз-

решили жить в Пекине. Он избирался депутатом Народного политического консультативного совета Китая, работал в ботаническом саду Академии наук Китая. Бывший император тя-

жело болел в последние годы жизни.

Умер Пу И в возрасте 65 лет. Так закончилась история жизни «трижды императора» Китая Пу И.

Список источников и литературы

1. Архив Регионального управления ФСБ по Забайкальскому краю. Д. № 222.
2. Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 68.
3. Гордеев Н. В. Забайкальцы в военных операциях Великой Отечественной войны (Маньчжурская наступательная операция). Чита, 1995.
4. Государственный архив Российской Федерации.
5. Забайкальские областные ведомости. 2001. 10–16 окт.
6. Известия. 1999. 29 мая.
7. Правда. 1945. 12 сент.
8. Центральный архив М-ва обороны РФ. Ф. 210. Оп. 3152. Д. 52. Л. 104.

УДК 94:271.2(571.55)
ББК ТЗ(2):Э372

Евгений Викторович Дроботушенко

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

**Тенденции развития православия
в Восточном Забайкалье после Великой Отечественной войны**

В статье анализируются различные аспекты существования и деятельности Русской Православной Церкви на территории Восточного Забайкалья после окончания Великой Отечественной войны. Отмечается, что данная проблематика не стала на сегодняшний день предметом серьезного научного анализа. В основу характеристики легли данные источников, главным образом, отчёты уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви (с 1965 г. – Совета по делам религии) при Совете министров СССР. Они представлены в фондах Государственного архива Российской Федерации. Автор делает попытку выделения основных тенденций развития православия в регионе с учетом общих тенденций развития православия в стране. Делается обобщающий вывод о том, что православие в Восточном Забайкалье в рассматриваемое время не получило серьезного развития.

Ключевые слова: религия, православие, Русская Православная Церковь, Восточное Забайкалье, Читинская область

Evgeny V. Drobotushenko

*Zabaikalsky State University
Chita, Russia*

**Trends in the Development of Orthodoxy
in Eastern Zabaikalye After the Great Patriotic War**

The article analyzes various aspects of the existence and activities of the Russian Orthodox Church on the territory of Eastern Zabaikalye in the period after the end of Great Patriotic war. It is noted that this problem did not become today the subject of serious scientific analysis. The basis of the characteristics of the provided data sources, mainly reports of the commissioners of the Council for Russian Orthodox Church in 1965 of the Council on religious Affairs) at the Council of Ministers of the USSR. They are represented in the collections of the State archive of the Russian Federation. The author makes an attempt to highlight the main trends in the development of Orthodoxy in the region, taking into account General trends in the development of Orthodoxy in the country. Is a General conclusion that Orthodoxy in Eastern Zabaikalye at the time, has not received serious development.

Keywords: religion, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, Eastern Zabaikalye, Chita region

Социально-политические и культурные процессы на территории Восточного Забайкалья в советское время, в целом, становились предметом научного анализа. Однако данный анализ не стал всесторонним, с одной стороны, и неравномерен по хронологии периода. Можно назвать таких авторов, как Г. В. Мясникова, М. В. Пряженникова, О. А. Яремчук и др. [2; 5; 8], говоривших о самых разных аспектах исторического развития региона. Однако за границами их научных интересов осталась религиозная составляющая, не нашедшая на сегодняшний день серьёзного отражения в научных публикациях. Это касается всех религий, и православие здесь не является исключением. Отметим, что по иным регионам СССР относительно рассматриваемого периода исследования имеются [1; 3; 4; 6; 7].

Отсутствие серьёзного научного задела по проблематике статьи позволяют говорить о её актуальности и новизне. Целью является попытка выявления основных черт развития православия в периферийном, приграничном регионе, с учётом общегосударственных тенденций существования православия.

Источником для анализа основных тенденций развития православия в Восточном Забайкалье в рассматриваемое время являются, главным образом, отчёты уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви (РПЦ) при Совете министров СССР, а с 1965 г. Совета по делам религий при Совете министров СССР. На уполномоченных в регионах был возложен основной функционал по контролю над деятельностью религиозных организаций, в том числе и Русской Православной Церкви, вопросы открытия и закрытия религиозных организаций, открытия и закрытия храмов и молитвенных домов и т. д. Помимо отчётов уполномоченных источником выступают документы переписки Совета с уполномоченными в регионах, инструктивные письма и др. Названные источники представлены в фондах Государственного архива Российской Федерации.

Хронологические границы статьи могут быть разными. При одном подходе, начальной границей может быть 1945 г. – год окончания Великой Отечественной войны, и с исторической точки зрения это, в общем-то, верно. С другой стороны, кардинальные изменения в существовании Русской Православной Церкви связаны с 1943 г., годом, когда прошла знаменитая встреча И. Сталина с церковными ие-

рархами и произошло «потепление» отношений между РПЦ и властью. По-разному можно рассматривать и вторую границу. Традиционно говоря о периоде после Великой Отечественной войны, берут незначительный отрезок, в десять – пятнадцать лет. И в принципе в рамках предметного поля статьи можно сделать так же. Однако тенденции развития православия в Восточном Забайкалье схожи на протяжении всего постсоветского периода, вплоть до изменений отношения к религии на рубеже 80–90-х гг. XX в. Отсюда хронологические рамки выходят за границы традиционного исторического восприятия постсоветского периода.

Территориально Восточное Забайкалье – это территория Читинской области. Несмотря на то, что в плане церковно-административного деления, вплоть до конца первого десятилетия XXI в. Западное и Восточное Забайкалье были неразделимы, современные реалии существования самостоятельных в церковном плане епархий на двух территориях заставляют проводить границу и говорить о данной территории отдельно.

Анализ архивных документов позволяет выделить ряд черт, свойственных развитию православия в Восточном Забайкалье. Некоторые из них на разных этапах делают регион схожим с соседними или же с иными регионами Сибири, некоторые отличают его.

Одна из важнейших характеристик – это наличие, а также динамика появления и исчезновения действующих храмов и молитвенных домов. В первые годы после «потепления» отношений между православной церковью и властью в СССР, в Читинской области было открыто три храма. Это даже больше, чем в некоторых иных регионах Сибири и Дальнего Востока. Так, в Якутской АССР не было ни одного, в Бурятской АССР и Хабаровском крае по одному. Таким образом, в этом плане Восточное Забайкалье шло в общесибирских тенденциях, за исключением Красноярского края и Иркутской области, в которых было, соответственно, 12 и 10 храмов. Однако уже к началу 50-х гг. XX в. остался один храм в областном центре. По этому показателю Читинская область оказалась близка с соседними Якутской и Бурятской АССР. В дальнейшем, вплоть до рубежа 80–90-х гг. XX в. храмы в Восточном Забайкалье не открывались. Не действовало на территории региона ни одного православного монастыря.

В архивных источниках нами не встречено сведений о благотворительной или образовательной деятельности Русской Православной Церкви в рассматриваемое время на территории Восточного Забайкалья.

Следующий аспект, на котором следует остановиться, это количество священнослужителей. Очевидно, что оно напрямую связано с количеством действующих храмов и молитвенных домов. Однако для Читинской области характерна нехватка священнослужителей в первые годы открытия храмов. Священнику читинской церкви приходилось вести службы в иных церквях. На протяжении всего советского послевоенного времени в регионе будет работать один-два священнослужителя.

Отметим, что священнослужители не всегда исполняли, как то требовалось, свои обязанности. Периодически возникали конфликты между священнослужителями и прихожанами. Деятельность отдельных из них являлась основой для конфликтов внутри общины верующих.

На наш взгляд, Восточное Забайкалье, как впрочем и Западное, оставалось в рассматриваемое время без серьёзного внимания со стороны правящих иркутских архиереев. На регион обращали внимание «по остаточному принципу». Редкими были визиты архиереев на территорию Читинской области.

Согласно имеющимся архивным данным, несмотря на единственный храм и единицы священнослужителей, в Читинской области существовала относительно крепкая православная община. Далеко не единичными были случаи крещения, венчания и отпевания.

Отдельно остановимся на деятельности уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви, а позже Совета по делам религий при Совете министров СССР. Проследить её можно по отчётам. Сравнивая их с отчётами из иных регионов, можно отме-

тить, что уполномоченные по Читинской области работали откровенно плохо и возникающие проблемы при анализе состояния православия в регионе во многом связаны с краткостью и неточностями в их отчётах.

Таким образом, анализ источников позволяет выделить основные тенденции развития православия в Восточном Забайкалье после Великой Отечественной войны. Обобщающим выводом будет являться замечание о том, что православие не получило развития на территории региона. Действовал один храм, службы велись одним-двумя священнослужителями, при этом в ряде случаев они заслужили себе негативную оценку со стороны прихожан и представителей власти. Были скандалы и конфликты в рамках православной общины. Не жаловали регион своим вниманием епархиальные архиереи, бывая на его территории редко.

Серьёзные вопросы вызывает работа в рассматриваемое время уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви, а позже Совета по делам религий при Совете министров СССР. Она касается всех религиозных учений. Их отчёты в центр оставляли желать лучшего.

Несмотря на отмеченные негативные черты, общее количество отпеваний, крещений и венчаний говорит о том, что православные верующие в регионе были. В процентном отношении к общему населению, возможно, немного, но всё же были.

Развитие православия в Восточном Забайкалье начнётся с изменением социально-политического устройства в государстве на рубеже 80–90-х гг. XX в.

Представляется, что проблематика статьи должна найти дальнейшее изучение. На наш взгляд, требуется продолжение работы с источниками, главным образом Государственного архива Российской Федерации.

Список источников и литературы

1. Алейников В. Н. Религиозная политика советского государства и её влияние на церковную жизнь Ставрополя в 1953–1964 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т им. Коста Левановича Хетагурова, 2013. 23 с.
2. Мясникова Г. В. Повседневная жизнь забайкальцев в первый год войны (по страницам газет) // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом. Чита, 11–12 сент. 2015. Чита: ЗабГУ, 2015. Ч. II. С. 17–21.
3. Обозный К. П. Православная Церковь на Северо-Западе России в условиях тоталитарных режимов: период немецкой оккупации (1941–1944) и послевоенного пятилетия советской власти (1945–1949) (опыт сравнительного исследования) [Электронный ресурс] // СФИ. Режим доступа: <http://www.sfi.ru/statija/nekotorye-aspekty-cerkovnoi-problemy-lzhesvjashchenstva-na-primere-situacii-vremennno-okkupirovannykh-territorii-severozapada-rossii-v-1941-1944-gg/> (дата обращения: 30.05.2016).
4. Потапова А. Н. Религиозная политика советского государства на Южном Урале в 1941–1958 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург: Оренбург. гос. аграрн. ун-т, 2004. 247 с.

5. Пряженникова М. В. Деятельность распределительной системы печатной продукции на территории Восточного Забайкалья в 1920–1930-е гг. // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурол. и искусствовед. Вопр. теор. и практ. 2015. № 2–3(53). С. 150–154.
6. Якунин В. Н. История Самарской епархии в 1851–2011 гг. // Наука и культура России: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славян. письм. и культуры памяти св. равноапост. Кирилла и Мефодия. Самара, 2011. Самара: Самар. гос. ун-т путей сообщения, 2011. С. 133–135.
7. Якунин В. Н. Хозяйственная культура Самарской епархии: формирование доходов духовенства в 1850–1950-е гг. // Вект. науки Тольят. гос. ун-та. Тольятти: Тольят. гос. ун-т, 2011. № 4. С. 127–129.
8. Яремчук О. А. Периодическая печать Забайкалья в первые месяцы Великой Отечественной войны (на примере газеты «Забайкальский рабочий») // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом. Чита, 11–12 сентября 2015. Чита: ЗабГУ, 2015. Ч. II. С. 13–17.

УДК 908(571.55)

ББК Д891(2Рос-4Чит)

Мария Андреевна Простакишина

*Институт развития образования Забайкальского края,
г. Чита, Россия*

Читинская область и Монгольская Народная Республика: из истории развития отношений (1970-е гг.)

В статье, основанной на ранее неопубликованном материале Государственного архива Забайкальского края, раскрываются вопросы сотрудничества Читинской области с приграничными аймаками Монголии в 1970-х гг., которые выражались в поддержке отношений между этими странами. В соответствии с совместными планами осуществлялся обмен делегациями, развивалось туристическое направление.

Ключевые слова: Советский Союз, Монгольская Народная Республика, поддержка отношений и сотрудничество, обмен делегациями, сфера туризма

Maria A. Prostakishina

*Institute of Education Development of Zabaykalsky krai
Chita, Russia*

Chita Oblast' and the Mongolian People's Republic: the History of Relations (1970s)

The article is based on previously unpublished material of the State Archive of the Zabaykalsky Krai and outlines the issues of the cooperation between Chita Oblast' and neighboring aimags of Mongolia in 1970s. In accordance with the joint plans, cooperation and support of relations was developed in the form of delegations exchange and tourism.

Keywords: The Soviet Union, the Mongolian People's Republic, the relation support and the cooperation, the delegation exchanges, the tourist sphere

Одной из ведущих форм политического, экономического и культурного взаимодействия Советского Союза и Монголии второй половины XX в. являлась интернациональная деятельность в направлении дружбы и сотрудничества. В 1970-х гг. связи Советского Союза и Монгольской Народной Республики (МНР) получили наибольшее развитие.

Забайкальский край имеет давние прочные двусторонние связи с двумя сопредельны-

ми регионами Монголии: Восточным и Хэнтейским аймаками. Приграничное сотрудничество с ними осуществляется в таких направлениях, как торговля, туризм, наука, образование, культура и др. Принятый в 1966 г. советско-монгольский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи дал новый импульс развитию отношений Читинской области с приграничными аймаками [5].

В 1970-е гг., в соответствии с совместными планами поддержки двусторонних связей, осуществлялись командировки делегаций, в состав которых входили комсомольские работники. Известно, что плановая встреча состоялась в апреле 1973 г. Делегация комсомольских работников Читинской области в составе 1-го секретаря Читинского горкома ВЛКСМ А. Г. Сенотрусова, являвшегося руководителем группы, секретаря комитета ВЛКСМ овчинно-меховой фабрики А. С. Худякова и секретаря комитета ВЛКСМ колхоза «XXII партсъезда» Агинского района Д. Н. Норбоевой прибыла в Восточный аймак МНР. Эта командировка продолжалась с 15 по 20 апреля [1, л. 4].

В рамках предложенной программы пребывания в ревсомольских организациях аймака члены группы посетили животноводческую ферму, мясокомбинат, пищевой комбинат, где встретились с молодыми работниками в цехах, советскими специалистами, которые оказывали помощь в освоении производства. Кроме этого, делегация побывала в восьмилетней школе № 3 г. Чойбалсана и начальной школе в сомоне Хулунбуир.

Пребывание в аймаке комсомольских работников Читинской области способствовало дальнейшему укреплению дружбы. Стороны обменялись мнениями о дальнейшем сотрудничестве комсомольских организаций области и ревсомольских организаций Восточного аймака [1, л. 5–7].

Подобного рода поездка комсомольских работников Читинской области в Восточный аймак МНР состоялась в 1975 г. Работа группы продолжалась с 21 по 28 июля. В состав делегации входили В. Е. Шантуров, 2-й секретарь Железнодорожного райкома комсомола г. Читы и Ж. Галыкова, секретарь комсомольской организации «Колхоз им. В. И. Ленина» Могойтуйского района. Возглавлял группу В. П. Кисель, заведующий сектором ударных комсомольских строек Читинского обкома ВЛКСМ [3, л. 1].

Основная цель командировки состояла в ознакомлении с ревсомольской работой в аймаке, жизнью рабочих и интеллигенции, а также с деятельностью передовых предприятий г. Чойбалсана. В рамках запланированного маршрута делегация комсомольских работников посетила угольный разрез по добыче бурого угля, мукомольный комбинат, Чойбалсанскую ТЭЦ.

При анализе материалов о пребывании делегации необходимо отметить такие немаловажные факты, как то, что достаточно весомый процент сотрудников – это молодёжь в

возрасте до 30 лет, что соответственно способствовало активизации работы. Большое количество функций на предприятиях выполнялось монгольскими специалистами. Некоторые из них окончили высшие учебные заведения СССР. Однако работали и советские граждане, которые способствовали повышению теоретического и практического уровня профессионального мастерства монгольских коллег, что отмечалось делегатами как результат совместной деятельности [3, л. 2–3].

Согласно совместным планам работы Читинского обкома ВЛКСМ по поддержанию двусторонних связей с аймачными комитетами МРСМ Монголии проводилась совместная работа по интернациональному воспитанию подрастающего поколения. С 26 сентября по 2 октября 1974 г. Читинскую область посетила делегация из Восточного аймака во главе с первым секретарём комитета ревсомола Аюрзана. Состоялись деловые встречи, обе стороны обменялись опытом работы. Гости познакомились с деятельностью комсомольских организаций г. Читы, машиностроительного завода, педагогического института, Дворца пионеров города. Результатом явилось подписание совместного плана сотрудничества между комитетом комсомола Читинской области СССР и комитетом ревсомола Восточного аймака Монголии на 1975–1976 гг. [2, л. 5].

Важно отметить, что с 10 октября по 10 ноября 1973 г. комсомольской организацией проводился комплекс мероприятий, посвящённых 56-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и 52-й годовщине Монгольской Народной революции. В рамках совместного плана работы в областной газете «Комсомолец Забайкалья» публиковался материал под рубрикой «Странички интернациональной дружбы», статьи об успехах социалистического строительства в МНР, о работе комитета ревсомола. В клубах и библиотеках Читинской области организовывали выставки литературы о Монголии. Для молодёжи проводили беседы, вечера встреч [2, л. 3–4].

В дни подготовки к V Фестивалю советско-монгольской дружбы обкомом ВЛКСМ, Читинским комитетом по телевидению и радиовещанию и областной молодёжной газетой «Комсомолец Забайкалья» проводились конкурс «Знаешь ли ты Монголию?» и викторина о Монголии, в которых приняло участие большое число комсомольцев и молодёжи области.

Анализируя информацию об интернациональных связях, можно увидеть, что главная задача сотрудничества между комитетами

ревсомола Восточного и Хэнтейского аймаков МНР и обкомом ВЛКСМ заключалась в дальнейшем усовершенствовании работы по воспитанию молодого поколения в направлении преданности традиционной дружбе монгольского и советского народов [2, л. 4–5].

В 1970-х гг. советско-монгольское сотрудничество расширилось и в других направлениях, одним из которых являлось развитие туризма. Кроме командировок делегаций, в МНР выезжали группы туристов. Так, с 28 мая по 11 июня 1978 г. 30 чел. отправилось за границу. Группа состояла из педагогов, комсомольских работников, рабочих промышленных предприятий, представителей сельского хозяйства. Возраст туристов – до 30 лет. Руководителем группы был назначен 1-й секретарь Агинского РК ВЛКСМ Т. Д. Цыренов [4, л. 20].

Следует также отметить, что с 20 по 30 сентября 1978 г. в туристическую поездку в Монголию выезжала группа, состоящая из студентов высших и среднеспециальных учебных заведений г. Читы, членов студенческих строительных отрядов. Возраст туристов составлял 17–30 лет. Руководство поездкой было доверено И. Н. Сухановой [4, л. 27].

Таким образом, принятый договор 1966 г. способствовал поддержанию сотрудничества между Читинской областью и приграничными аймаками Монгольской Народной Республики. В 1970-х гг. прямые региональные контакты получили наибольшее развитие. Существовавшие связи способствовали укреплению дружеских взаимоотношений сторон.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. П-37. Оп. 31. Д. 32.
2. ГАЗК. Ф. П-37. Оп. 32. Д. 5.
3. ГАЗК. Ф. П-37. Оп. 33. Д. 47.
4. ГАЗК. Ф. П-37. Оп. 36. Д. 70.
5. Лыцусь А. И. Советско-Монгольский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1966 г. // Малая энциклопедия Забайкалья. Международные связи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=8554> (дата обращения: 21.04. 2016).

УДК 37 (571.5)

ББК Ч402.4 (2Рос-4Чит)

Виктория Сергеевна Ряженова

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Воспитательные мероприятия по предупреждению правонарушений среди учащихся ПТУ г. Читы в первой половине 1980-х гг.¹

Статья посвящена профилактике преступности среди учащихся ПТУ в городе Чите в 1980–1985 гг. Автором на основании архивных данных, впервые введенных в научный оборот, подробно рассмотрены мероприятия по улучшению состояния дисциплины среди учащихся.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, политехническое училище, Читинское управление профессионального технического образования

¹ Исследование выполнено в рамках реализации научного гранта Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет» 2016 г.

Victoria S. Ryazhenova
Zabaykalsky State University,
Chita, Russia

Educational Activities for the Prevention of Delinquency Among Students in Vocational Schools in the City of Chita in the First Half of the 1980`s¹

Article focuses on crime prevention among the student contingent professional and technical educational institutions in Chita in 1980–1985 years. The author based archival data, first injected in scientific turnover, detail looks activity by improvement condition discipline among the student contingent.

Keywords: Crime underage, technical training college, control professional and technical educational institutions in Chita

Проблема подростков-правонарушителей в советском обществе представляла собой одну из самых сложных и противоречивых. Так, в первой половине 1980-х гг. стали проявляться явные признаки беспомощности государственной системы в борьбе с преступностью, в том числе с преступностью несовершеннолетних, являющихся в большинстве своём учащимися профессионально-технических учебных заведений.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 года «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» наказание несовершеннолетних в особой степени требовалось подчинить цели исправления и перевоспитания виновных и предупреждения совершения новых преступлений. Поэтому мероприятия по улучшению воспитательной работы и предупреждению правонарушений среди трудных подростков отличались особой важностью и значимостью в этом процессе [3].

Анализ правонарушений в городе Чите показывал, что в профессионально-технических училищах из года в год росло количество учащихся, проживающих в неблагополучных семьях, сирот, а также лиц, имевших одного родителя. В 1984 г. их в училищах города насчитывалось 1455 чел., что составляло 29,7 % обучающихся на дневном обучении. Так, в 1983 году 72,6 % преступлений совершили учащиеся, не стоящие на учёте. Более того, к 1984 г. на их долю пришлось 80,8 % совершённых преступлений [1, л. 38]. Поэтому профилактические мероприятия велись по двум направлениям: во-первых, организовывалась воспитательная работа со всем контингентом

обучающихся; во-вторых – индивидуальная работа с трудными учащимися.

На каждый учебный год в училищах составлялся план мероприятий по правовому и нравственному воспитанию, антиалкогольной пропаганде. Стали постоянно обновляться списки трудных учащихся.

Абсолютное большинство трудных подростков охватывалось постоянными или временными общественными поручениями, а также кружковой работой. Так, на 1 января 1985 г. в училищах Читы в списки трудных вошло 453 учащихся, в том числе 303 чел., стоящих на учёте в Инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН). Из них 320 трудных учащихся (или 70,6 %) имели постоянные, 129 (или 28,5 %) – временные поручения, 107 (или 23,6 %) занимались в предметных кружках, 84 (или 18,6 %) – в кружках технического творчества, 90 (или 19,7 %) – в кружках художественной самодеятельности, 172 (или 38,5 %) – в оборонно-спортивных секциях [1, л. 38].

За всеми стоящими на учёте в ИДН закреплялись общественные воспитатели или шефы, в основном из числа инженерно-педагогических работников, которые вели дневники педагогических наблюдений, отражавшие всю работу с воспитанником, в частности, беседы, посещение семьи, выполнение общественных поручений, а главное, имели выводы по результатам работы. В профессионально-технических училищах № 1, 2, 13, 14 часть общественных воспитателей и шефов выделили базовые предприятия.

Кроме того, всех учащихся охватили лекториями различной направленности. Так, при училищах регулярно действовали отделения лекториев «Право», «Здоровье», на которых выступали работники административных орга-

¹ The study was performed in the framework of the research grant Council for research and innovation activities of Transbaikalian State University, 2016

нов, областного Дома санитарного просвещения и других медицинских учреждений.

Во всех училищах города создавались советы по профилактике (за сентябрь-декабрь 1984 г. ими проведено от 2 до 8 заседаний), добровольные народные дружины, оперативные комсомольские отряды и отряды «Юные дзержинцы». За всеми училищами города, за исключением ПТУ № 17, приказами начальников РО МВД закреплялись офицеры милиции [1, л. 39].

В рамках мероприятий по правовому воспитанию учащихся и проведению в марте 1984 г. месячника правовых знаний в училищах состоялись олимпиады юных правоведов. В мае состоялся первый областной слёт оперативно-комсомольских и отрядов «Юный дзержинец», на котором была проведена правовая олимпиада и конкурсы по биографии Ф. Э. Дзержинского и истории милиции [2, л. 62].

Теперь в училищах стало больше внимания уделяться вопросам идейно-политического и нравственного воспитания учащихся, сложились формы политико-массовой работы, в частности, организация единых политдней и тематических политинформаций по международным событиям и событиям внутренней жизни страны, вопросам экономики, культуры, профессионально-технического образования. Такие занятия проводили классные руководители и мастера производственного обучения.

Кроме всего прочего, при училищах действовали клубы выходного дня. Особенно хорошо зарекомендовали себя такие клубы в Читинском среднем ПТУ № 14 и дискоклубе «Ориентир» Читинского среднего ПТУ № 13 [2, л. 66].

Читинское областное управление профтехобразования приняло меры по наведению порядка и дисциплины в общежитиях и улучшению работы с учащимися, проживающими в них. В некоторых общежитиях развернулась система самоуправления, которая включала в себя активное функционирование совета этажей, сантройки, и совета общежития.

В соответствии со специальным графиком работники Управления профтехобразования 2–3 раза в месяц проверяли состояние бытовых условий и культурного досуга учащихся, проживающих в общежитиях, итоги которых обсуждались на оперативной группе. Более того, устанавливалось обязательное вечернее дежурство мастеров производственного обучения и преподавателей в общежитии. Дополнительно в случае необходимости мастера обязывались дежурить и в ночное время [2, л. 62].

В отношении трудных учащихся, проживающих на частных квартирах, во всех учебных

заведениях не реже двух раз в квартал проводились рейды педагогов и активистов ученических, комсомольских и профсоюзных организаций, которые тоже следили за бытовыми условиями.

Особое внимание уделялось и строгому посещению обучающихся учебных занятий. Так, за 1984 год по плану оперативной группы Управления профтехобразования состоялось 8 общегородских проверок посещаемости занятий учащимися городских училищ [1, л. 39].

Вопрос состояния и мер по улучшению профилактической работы систематически рассматривался на заседаниях коллегии Управления профтехобразования, семинарах и секционных занятиях директоров училищ, заместителей по учебно-воспитательной работе, преподавателей основ правоведения, воспитателей и библиотекарей.

Интересен пример ГПТУ № 16, опыт которого в области воспитательной работы с трудными подростками и мерах предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних стал наиболее успешным и передовым. Так, в этом училище вся работа по предупреждению правонарушений осуществлялась по плану, который включал в себя занятия факультета правовых знаний «Молодёжь и закон», организацию операции «Забота-83», месячник пропаганды правовых знаний, тематические вечера членов отряда «Дзержинец» и др. [1, л. 26].

Руководство училища стремилось к тому, чтобы все учащиеся, в том числе и трудные, имели общественные поручения. Для привития навыков правильного выполнения общественных поручений в училище проводились дни самоуправления (февраль, апрель). К примеру, хорошо справлялись со своими поручениями трудные учащиеся А. Журихин, который отвечал за аппаратуру, и А. Тарасов, имеющий поручение в помощи при проведении дискотек.

В училище работал совет профилактики, возглавляемый директором Ю. Н. Усановой. Протоколы заседаний совета отражали беседы с трудными подростками, обсуждение поведения учащихся, отчёты о рейдах к городским ребятам. Решения, выносимые на заседания, направлялись на то, чтобы подействовать на поведение подростка – вызов родителей, лишение общежития.

Много уделяли внимания трудным подросткам классные руководители. Так, в группе № 5, считавшейся одной из трудных, велась большая воспитательная работа: проводились вечера хорошего тона, дни именинника, составлялись альбомы фотографий по архитектуре г. Читы, организовывались дискотеки.

Учащиеся группы принимали участие в защите политического плаката, конкурсе на лучшую политическую песню, защиты профессии. Классные руководители посещали семьи самых трудных подростков, постоянно держали связь с родителями.

Районное общество «Знание» организовало в училище факультет правовых знаний «Молодёжь и закон», на занятиях которого проводились беседы, читались лекции, выпускались устные журналы. Так, в ноябре 1983 г. член областного суда В. А. Гурулёва провела беседу «Пьянство порождает преступление», в декабре преподаватель Филатов прочитал лекцию «Трудовые права молодёжи», состоялся устный журнал сотрудников дома санитарного просвещения на тему «Вредные привычки», на котором выступили нарколог, венеролог и терапевт [1, л. 27].

Работа по профилактике правонарушений в ГПТУ № 16 дала свои положительные результаты. Если в 1981 г. здесь было пять правонарушений, то в 1982 – два, из них одно – постановление на учёт; в 1983 г. – одно правонарушение, два поставлены на учёт. Более того, в 1982 г. двух учащихся сняли с учёта [1, л. 29].

Следовательно, планы работ училища, имеющие целенаправленный характер и охватывающие различные стороны воспитания, выполнялись в полном объёме на практике. Именно поэтому система воспитательной работы училища являлась отчасти действенной, хотя и не приобрела широкого распространения среди других учебных заведений.

Вместе с тем проводимая воспитательная работа коллективами остальных учебных за-

ведений в 1980-е гг. дала некоторые положительные результаты. Так, в 1984 г. удалось всё же приостановить рост правонарушений.

Однако в целом состояние дел по этому вопросу оставалось сложным. Так, в 1984 г. в совершении преступлений участвовали 203 учащихся профтехучилищ города против 219 в 1983 г. На долю профтехучилищ города приходилось 46,6 % всех участников преступлений. По-прежнему наибольшее количество преступлений совершали учащиеся ПТУ № 1, 2, 6, 7, а также высок был уровень преступности в ПТУ № 13, 24, 33 [1, л. 39].

Основная причина заключалась, прежде всего, в том, что училища не в полном объёме использовали все свои возможности в успешном построении воспитательного процесса, направленного на усиление массово-политической и идеологической работы в отношении обучающихся.

Таким образом, можно заключить, что Читинским областным управлением профтехобразования и педагогическими коллективами городских училищ принимались меры по улучшению нравственного, эстетического воспитания учащихся и, самое главное, для предотвращения правонарушений среди учащейся молодёжи. Они позволили лишь на короткое время снизить процент преступности, но не до конца способствовать её устранению. Следовательно, в будущем этот момент напрямую способствовал снижению количества поступающих в учебные заведения и, самое главное, вёл к падению популярности этого вида образования для подготовки квалифицированных рабочих кадров.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). Ф. П-1. Оп.57. Д. 21.
2. ГАЗК. Ф. П-3. Оп.57. Д. 48.
3. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1976 № 16 «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» (в редакции постановления Пленума № 17 от 05.12.1986г.) [Электронный ресурс] // Consultant.. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=30895> (дата обращения: 03.02.2016).

УДК 327:94(470+571:517.3)
ББК Ф4:ТЗ(0)6(2Рос-4Чит:5Мон)

Геннадий Георгиевич Васильев

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

**СССР и МНР, Россия и Монголия:
вечная дружба или постоянный нейтралитет?
(к 95-летию установления дипломатических отношений)**

В статье представлены исторические аспекты установления дипломатических отношений между РСФСР и МНР в 1921 г., закреплённых в советско-монгольском соглашении. Автор также сделал выводы о возможном влиянии инициативы президента Монголии Ц. Элбэгдоржа и статуса «постоянного нейтралитета» на будущее российско-монгольских отношений.

Ключевые слова: национальные задачи, дипломатические отношения, договор, постоянный нейтралитет, буферное государство, внешняя политика, безопасность, стратегическое партнёрство

Gennady G. Vasilyev

*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

**The USSR and the MPR, Russia and Mongolia:
Everlasting Friendship or Permanent Neutrality?
(Devoted to the 95th Anniversary of Diplomatic Relations)**

The article aims to illuminate the historical aspects of the establishment of diplomatic relations between the RSFSR and the MPR in 1921 after signing the Soviet-Mongolian Agreement. The author draws conclusions about the possible impact of the President of Mongolia Ts. Elbegdorj's initiative and "permanent neutrality" status on the future of Russian-Mongolian relations.

Keywords: national targets, diplomatic relations, contract, permanent neutrality, a buffer state, foreign policy, security, strategic partnership

Монголия является первой страной на Дальнем востоке, с которой Россия установила дипломатические отношения. Ещё в июле 1919 г. Советское правительство предлагало «немедленно вступить в дипломатические отношения и выслать навстречу Красной армии посланцев свободного монгольского народа».

В свою очередь революционные деятели, возглавившие борьбу монгольского народа за независимость, стали искать поддержки Советской России. 10 апреля 1921 г. созданное в Алтан Булаке временное народное правительство обратилось к правительству РСФСР с просьбой оказать военную помощь для борьбы с китайцами и белогвардейскими бандами барона Унгерна. В результате совместной борьбы частей Красной и Народной монгольской армий 6 июля 1921 г. столица Монголии Урга была освобождена, 11 июля было провозглашено о победе монгольской народной революции.

6 октября 1921 г. в Москву прибыла монгольская делегация во главе с заместителем премьер-министра С. Данзаном, которую при-

нял В. И. Ленин. Независимость Монголии и её признание Советской Россией были основной темой на переговорах, в результате которых 5 ноября 1921 г., или 5 октября по лунному календарю «Многими возведённого» 11-го года подписан советско-монгольский договор об установлении дипломатических отношений. Его подписали глава советской делегации, начальник восточного отдела НКВД С. Духовский и сотрудник секции по вопросам экономики и права Б. Герц, с монгольской стороны – заместитель премьер-министра С. Данзан, военный министр Д. Сух-Батор, заместитель министра иностранных дел Б. Цэрэндорж, а также личный представитель Богдо-хана Э. Ширэндамдин.

И. Я. Коростовец, известный дипломат, востоковед в своей книге, изданной в Берлине в 1926 г., приводит основное содержание договора:

«– Советское и Монгольское правительства взаимно признаются как единственно законные правительства России и Монголии.

– Оба правительства обязуются не содержать на своей территории никаких войск или организаций, враждебных одной из договаривающихся сторон.

– Каждое правительство имеет право набирать солдат на своей территории.

– Транспортирование оружия или обмундирования для враждебных сообществ запрещается.

– Оба правительства назначают дипломатических и консульских представителей.

– Пограничный вопрос регулируется совместной русско-монгольской комиссией.

– Подданные одной страны пользуются в другой стране правами и привилегиями наиболее благоприятствуемой нации.

– Каждое правительство имеет юрисдикцию над подданными другой страны, которые находятся на её территории, при этом телесные наказания и пытки запрещаются.

– В случае, если третье государство предоставляет одной из договаривающихся сторон право экстерриториальности, то оно должно так же предоставить это право другой договаривающейся стране.

– В целях способствования взаимного сближения и устранения в зависимости от третьей стороны советское правительство создаёт в Монголии почтовую и телеграфную службу;

– Монгольское правительство признаёт за Советской Россией право покупать землю, приобретать или арендовать собственность, возводить здания или сдавать внаём, облагать и взимать налоги, т. е. предоставляет все права, наиболее благоприятствуемые нации.

Кроме этого аннулируется долг Монголии России в сумме 5 миллионов рублей золотом и отменяются все договоры с Россией, существовавшие до Октябрьской революции».

Советско-монгольский договор от 1921 г. значительно укрепил внутреннее и международное положение МНР и явился фундаментальной основой развития дружественных отношений с Советской Россией.

Жёсткое давление китайского правительства, а также внутренняя оппозиция в лице духовенства и монгольских князей явились причиной заключения в 1923 г. нового договора. В этот период было крайне важно укрепить монгольскую независимость в целях противостояния, прежде всего экспансии Китая. Основу нового договора составляли следующие положения:

«– Вся территория Монголии с её минеральными ресурсами, лесами, реками и озёрами является собственностью нации и не может находиться в частной собственности.

– Все права князей на землевладения упраздняются, вместо них устанавливается советская система землепользования.

– Пастбищные угодия кочевников передаются для использования неимущим монголам и русским.

– Горные рудники и шахты передаются русским товариществам для совместной эксплуатации с монгольскими рабочими.

– Русские эксперты и советники решают задачи по оценке природных богатств, развитию торговли и промышленности.

– С согласия монгольского правительства русские войска остаются в Монголии, чтобы сохранить правопорядок и внешнюю безопасность.

– Экстерриториальность иностранцев аннулируется, но подданные стран, признавших независимость Монголии, могут получить привилегии.

– Русские представители допускаются как члены монгольского суда с правом «вето» в делах, касающихся русских;

– Хутухту сохраняет свой титул духовного главы, но в управлении светскими делами не участвует.

– Высшей инстанцией страны является национальное собрание, высшим исполнительным органом – Совет министров».

В этот же период монгольский вопрос являлся предметом российско-китайских переговоров. В связи с жесткой реализацией договора от 1923 г. МИД Китая направил советскому правительству ноту протеста, указав на недопустимость вмешательства в монгольские дела. В целях подтверждения своего права на Внешнюю Монголию китайские власти в декабре 1923 г. приняли декрет, по которому вновь вводилось китайское управление в Урге, Кобдо и Улясутае. Одновременно китайский князь Наянту получил приказ с войсками вступить в Ургу с целью провозглашения в Монголии суверенитета Китая, однако он благоразумно его не выполнил.

Как утверждает И. Я. Коростовец, российско-китайский договор от 1924 г. своим признанием китайского суверенитета в Монголии успокоил Пекин, тем не менее китайские власти с недоверием следили за деятельностью советских представителей в Урге. Это недоверие ещё более возросло, когда в советской прессе появилось сообщение о возможном принятии МНР в состав СССР в 1925 г. Вскоре оно было опровергнуто, при этом заявлено, что «Монголия, как независимое государство, не может войти в состав СССР». Советский консул Васильев в приветственной речи в на-

родном хурале в январе 1925 г. заявил, что «Россия никаких имперских и корыстных планов в отношении Монголии не преследует и заинтересована только в её свободе и независимости».

В середине 1925 г. в связи со стабилизацией внутренней и внешней ситуации в стране было принято решение о выводе советских войск из МНР. По этому поводу монгольское правительство обратилось к НКВД СССР с письмом благодарности: «Монгольский народ и его правительство считают, что отныне народы Союза и нашей республики связаны неразрывной общностью судьбы, интересов и великих идей подлинного народовластия и в дальнейшем жизнь обеих республик будет протекать в истинной дружбе и взаимной поддержке в трудный момент».

Для ретроспективного анализа истории взаимоотношений СССР и МНР следует применить известную философскую истину: «Чтобы предвидеть будущее, необходимо помнить о прошлом и знать настоящее». По мнению автора, инициатива президента Монголии Ц. Элбэгдоржа о необходимости придания стране статуса постоянного нейтралитета, прозвучавшая с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, противоречит 95-летней истории и будущему российско-монгольских отношений.

Следует согласиться с депутатом ВГХ Г. Уянгой, что: «... всего 20 лет назад мы воспевали братскую дружбу с Россией. Но едва социалистическая система рухнула, её место заняли западные страны во главе с США – мы стали воспевать запад и хулить своих соседей. Сегодня, когда рухнет западная система, откуда ни возьмись, появились её хулители. Где они скрывались? Или монголы так похожи на крыс своим инстинктом выживания? На самом деле, не стоит пытаться свалить все на крысиные инстинкты и оправдать себя “монгольским менталитетом”. Просто у нас нет единой государственной политики, стабильного механизма для её реализации, национальной дальновидности. Короче говоря, нет государственности...».

Далее цитируем Г. Уянгу: «Когда я была с визитом в России, председатель СФ ФС РФ В. И. Матвиенко спросила у нас, согласовали ли мы вопрос постоянного нейтралитета между собой? И понимаем ли мы, что это значит? Постоянный нейтралитет означает отсутствие стратегического партнёрства, – напрямую сказала она, – ... нужно учесть, что Россия жёстко придерживается единой не только внешней, но и внутренней политики, поэтому следует воспринимать слова В. И. Матвиенко, как слова В. В. Путиной. Члены ВГХ, побывавшие в Ки-

тае, так же подчёркивают, что китайские политики с особым интересом уточняли именно этот вопрос. Новая “Идеология нейтралитета”, о которой объявил наш Президент, затронула основы всех стратегических отношений, которые подписала наша страна. В дальнейшем этот вопрос может затронуть основы существования монгольской нации».

Достаточно убедительно выражает своё мнение о «постоянном нейтралитете» на сайте «Зууны мэдээ.polit.mn» посол МИД Ч. Баатор: «... До конца 1980-х гг. наша страна в целом доверяла вопросы своей безопасности соглашению о взаимной помощи, подписанному с СССР. Но советская перестройка и демократические перемены в странах Восточной Европы оказали влияние на внутренние политические процессы в нашей стране, сформировали новые условия для развития международных отношений и нам пришлось выбрать новый путь обеспечения своей безопасности.

... каждый монгол знает и с благодарностью принимает тот факт, что Монголия была союзником СССР, который стал решающим для признания нашего суверенитета в 1945 г.

... благодаря историческим переменам Монголия стала самостоятельно и успешно решать задачи своей внешней политики и безопасности. Вместо того, чтобы дружить с одним и враждовать с другим соседом, мы стали поддерживать с ними сбалансированные, добрососедские отношения; называть страны Запада и Востока своим “Третьим соседом”...

... Монголия заявила, что обеспечит свою безопасность и суверенитет “Политическими и дипломатическими методами” и до некоторого времени эта политика оправдывала себя, успешно развиваясь. В международных отношениях подобный метод называется “буферным”...

... в случае, если ситуация вокруг нашей страны обострится, возникнет реальная угроза нашей безопасности, мы можем обратиться к другим сверхдержавам и коалициям, войдя под их покровительство. Более того, мы можем искать таких покровителей и в мирное время. Всё это отражено в нашей концепции от 1994 года...

... наша история доказывает, что суверенитет и безопасность Монголии, по большей части зависит не от нас самих, а от России и Китая...

... сегодняшние хорошие отношения наших соседей между собой формируют для нас самые благоприятные условия развития. Но не бывает вечных друзей, бывают только вечные интересы. Если когда-нибудь отношения меж-

ду Россией и Китаем станут неблагоприятными (как в 60-х гг. прошлого века), возникнет вопрос, сможет ли Монголия сохранить постоянный нейтралитет? Только ответив на этот вопрос сегодня, можно окончательно решить задачу изменения статуса страны...

... при таких условиях, две сверхдержавы не позволят, чтобы Монголия оставалась нейтральной. Очевидно, что тому, кому удастся перетянуть нашу страну на свою сторону, тот и получит явное военно-стратегическое преимущество...

... так что, хотим того или нет, но нам придётся выбирать, между Россией и Китаем...

... возникает вопрос – насколько мудрыми мы будем, решив отказаться от внешней политики буферного государства и объявить о постоянном нейтралитете, который мы не сможем защитить? Будет ли правильным лишиться всех друзей и защитников в минуту опасно-

сти, добровольно заперев перед ними дверь в нашу юрту?

... до настоящего времени парламент не обсудил и не одобрил эту инициативу, но кое-кто уже разрезвонил об этом на весь мир с почётной трибуны Генеральной ассамблеи ООН. Это ярчайший пример того, что сегодняшние политики не понимают, что между геополитическими процессами есть взаимосвязь, последовательность».

Автор уверен, что будущее покажет, какое решение примут всенародно избранные депутаты ВГХ – сохранить историческую «вечную дружбу» или принять на законодательном уровне эфемерный, так называемый постоянный нейтралитет, любезно предложенный Улан-Батору «третьим соседом» в трудные не только для России времена.

Нудэн балай, чихэн дулий – моя хата с краю...

Список источников и литературы

1. Амгалан Ж. Современная Монголия. Чита: ЗабГГПУ, 2006. 120 с.
2. Баабар Б. История Монголии. От мирового господства до советского сателлита. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. 544 с.
3. Дипломатический словарь / гл. ред. А. Я. Вышинский. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 2. 996 с.
4. Коростовец И. Я. От Чингисхана до Советской республики, краткая история Монголии с особым учётом новейшего времени. Улан-Батор: Эмгэнт, 2004. 560 с.
5. Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1990. Т. 9: Материалы разных лет: курс лекций. 525 с.
6. Тумуурчулуун, Г. Монголын дэ факто товийг сахисан бодлого, тууний прагматик шинж // Ин-т стратег. иссл. Улан-Батор, 2009. № 46.
7. Монголия сегодня / гл. ред. Д. Солонго [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.mongolnow.com/> (дата обращения: 30.11.2015).

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2):ТЗ(2)632

Виктор Иванович Мерцалов

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Исторические этапы внутрирегионального взаимодействия Севера и Юга Забайкальского края и современность

Рассматривается историческое взаимодействие Севера и Юга Забайкальского края, начиная с XVII в. Всего выделено вплоть до современности шесть этапов, которые раскрываются с учётом геополитического фактора и стадий экономического развития региона. В настоящее время взаимодействие Севера и Юга Забайкальского края находится в состоянии отложенного развития.

Ключевые слова: Нерчинский договор, горнозаводское производство, Забайкальская область, Читинская область, индустрия, Удокан, Каларский район, Байкало-Амурская магистраль

Viktor I. Mertsalov

*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Historical Stages of Intra-Regional Cooperation of Zabaykalsky Krai North and South and the Present

Historical interaction of the South and North of the Transbaikal Territory beginning with the 17th century is studied in the paper. Six stages of the interaction are differentiated up to the present time with regard to the geopolitical factor and the stages in the economic development of the region. At present, the interaction between the North and the South of the Transbaikal Territory appears to be in the state of deferred development.

Keywords: Treaty of Nerchinsk, metallurgic industry, Transbaikal region, Chita region, industry, Udokan, Kalarsky district, Baikal-Amur Mainline

Первоначально в истории российского Забайкалья доминировали северные территории. Возникновение Енисейска (1619) и Якутска (1632) формировало опорную линию распространения русских в южном направлении. Основной поток русской колонизации пошёл на юг первоначально из Якутска вверх по реке Олёкма. Первым этим маршрутом прошёл Ерофей Хабаров. Второй маршрут, проложенный Петром Бекетовым в 1653 г., проходил из Енисейска вверх по Енисею и Ангаре через южную часть Байкала. В результате центр хозяйственного освоения новых земель с пятидесятых годов XVII в. стал перемещаться в южную часть Забайкалья – в Нерчинскую Даурию. В 1655 г. было учреждено Нерчинское воеводство, а по мере распространения русских по Амуру – Албазинское. Овладение русскими Нерчинской Даурией закладывало начальные условия исторического развития Юга российского Забайкалья. Как любое начало оно было неустойчивым и с большой долей неопределённости. Но царская власть действовала целеустремлённо. Среди мотивов её деятельности было не только стремление увеличить поступление пушнины в казну, но и поиск месторождения серебра. В закреплении Забайкалья за Россией значительную роль тоже сыграл Север участием Енисейского разряда в обеспечении длительной обороны Албазинского острога, дважды осаждённого китайским войском.

Доминирование Севера продлилось вплоть до подписания в 1689 г. Нерчинского договора. Его заключение благоприятствовало внутреннему развитию Забайкалья. Во-первых, создавались мирные условия существования, а во-вторых, остановилась миграция русских на Амур. В результате Нерчинская Даурия превращалась в своеобразный накопи-

тельный резервуар развития [9, с. 8]. Ещё до Нерчинского договора под угрозой утраты Албазина Нерчинское воеводство предпринимало меры к расширению крестьянской пашни, а в конце этого периода на юго-востоке Забайкалья были открыты серебряные руды.

С подписанием Нерчинского договора и организацией с 1704 г. сереброплавильного производства начался второй этап взаимодействия Севера и Юга. На этом этапе влияние северных территорий падало. Постепенно угасли Чаринское и Тунгирское зимовья, а Юг становился горнозаводским. В связи с проведением Московско-Сибирского тракта возрастала роль Иркутска по сравнению с Енисейском и Илимском в снабжении товарами Якутска и Забайкалья [3, с. 273]. Одним словом, в XVIII в. начинается период доминирования Юга, продолжающийся по настоящее время.

Сереброплавильное производство в Восточном Забайкалье как отрасль играло в XVIII в. ведущую роль. В его сфере влияния находилось крестьянское хозяйство, выполнявшее функцию обеспечения не только продовольствием горнозаводского населения, но и заводов необходимыми условиями их производственной деятельности. В результате на юге Забайкалья формировался хозяйственный комплекс феодального типа. Расцвет он получил во второй половине XVIII в. В середине XIX в. итог его функционирования оказался поразительным. По данным 10-й переписи (1856–1858) численность населения в Забайкалье составила 362 тыс. чел. и была самой высокой в Восточной Сибири [10, с. 503]. В Забайкалье возникла светская культура с нарождавшимися образовательными и культурными учреждениями и завязью интеллигенции. Наибольшей концентрации культура достигала в Нерчинске и Нерчинском заводе. Но на

данном этапе ещё не было видно заметного влияния Юга на Север Забайкалья.

С середины XIX в. – на третьем этапе их взаимодействия российским государством, по существу, был осуществлён геополитический проект [7, с. 50]. В 1851 г. была образована Забайкальская область, сыгравшая с центром в Чите роль исторической площадки в присоединении Приамурья, создано Забайкальское казачье войско как средство такого присоединения. С 1854 г. осуществление этого проекта успешно завершилось подписанием Айгунского договора в 1858 г. Присоединение Приамурья вызвало отток населения на Амур. В то же время начались экспедиционные исследования не только новых территорий, но и севера Забайкалья. Отряд А. Ф. Усольцева Сибирской экспедиции начал составление первых точных карт северных районов.

Политика, направленная на присоединение Приамурья, вызвала и социальные изменения. Перевод приписных крестьян в казачье сословие, отмена принудительного труда горнозаводских рабочих способствовали развитию предпринимательства, которое заметно проявило себя в золотодобыче. Появились прииски в Западном и Восточном Забайкалье, включая северные прииски по реке Витимкан и в окрестностях оз. Баунт. Читинский скотопромышленник П. С. Чистохин закупал скот в Агинских степях и отправлял их на прииски по маршруту Чита – с. Телембинское – р. Багдарин. П. А. Кропоткин возглавил две экспедиции для изыскания скотоперевозного пути в Олёкминский округ Якутии [5, с. 197]. В 1864 г. было основано Бодайбо – центр золотодобычи на Витиме, влиявший на развитие территории будущего Каларского района. Она в то время входила в состав Якутской области, что свидетельствовало о сохранявшемся давнем влиянии Якутска на эту территорию.

Четвёртый этап взаимодействия Юга и Севера начался с появления в Забайкалье железной дороги. В рамках аграрной политики Столыпина для переселения крестьян был выделен Витимский подрайон [1, с. 149–150]. До 1910 г. появились Романовка, ниже по Витиму – Неляты, в 1912 г. – Романовский тракт. С превращением района Бодайбо в крупный промышленный очаг с местной железной дорогой Каларская земля оказалась в составе Иркутской губернии. Общая численность населения Забайкалья в 1917 г. составила 816 100 чел. [4, с. 301]. Несмотря на установление Советской власти, хозяйственное влияние Юга в 20-е гг. оставалось на прежнем уровне, существенных изменений не происходило,

кроме проведённой административно-территориальной перестройки, когда в 1929 г. появился Каларский район, вошедший в 1931 г. в Витимо-Олёкминский национальный округ Восточно-Сибирского края.

Пятый этап взаимодействия Юга и Севера связан с ранним этапом советской индустриализации в 30-е гг. [8, с. 303]. В 1932 г. было принято постановление о строительстве БАМа. В 1938 г. для проведения изыскательских работ на территории Каларского района была создана Витимская экспедиция (1938–1941) – структурное подразделение организации «БАМ-транспроект» («БАМпроект» с 1939). В 30-е гг. складывались предпосылки включения Каларского района в состав Читинской области, образованной в 1937 г. Базовой предпосылкой являлось наращивание индустриальной составляющей экономического развития страны и забайкальского региона. В 1934 г. был восстановлен проезд по романовскому тракту до Витима. Это сопровождалось созданием и развитием автотранспорта. По романовскому тракту и далее по Витиму с 1938 г. стал действовать автозимник, который позволил увеличить завоз грузов в Каларский район. Для съёмки будущей трассы в 1939–1940 гг. использовались самолёты, в том числе гидросамолёты Ж-1 и Ж-2 [6, с. 169]. Характерной чертой ранней индустриализации, проявившейся при строительстве БАМа, стало использование труда заключённых Гулага. После Великой Отечественной войны это проявилось в разработке месторождения урановой руды, найденной на территории Каларского района Лесной экспедицией. Добыча урана велась Ермаковским рудоуправлением в нескольких штольнях с использованием труда заключённых Борского исправительно-трудового лагеря в Мраморном ущелье [6, с. 166–167]. Лесная экспедиция открыла также Алсатское угольное (1949) и Сулуматское железных руд (1950) месторождения. Но непосредственное влияние на развитие экономики Каларского района имело открытие главным геологом этой экспедиции Е. Буровой месторождения меди (1949). В конце пятого этапа были созданы предпосылки для развёртывания работ по обоснованию промышленного освоения Удоканского месторождения меди. В 1949 г. создали Читинское геологическое управление с Удоканской геологоразведочной партией в его структуре (1952). В 1949 г. открыли новый автозимник Могоча – Чара, превышавший период функционирования автозимника Чита – Романовка – Неляты на два месяца [11, с. 86]. В 1951 г. в районе Удоканского месторождения появилось с. На-

минга, где базировалась Удоканская партия (с 1956 – экспедиция).

Её целенаправленная деятельность развёртывалась с 1953 г. в условиях перехода к развитой ступени индустриального развития страны, наступившей в 60-е гг. Немаловажную роль в работе Удоканской партии сыграл М. И. Корольков. Он обосновал перспективы месторождения и разработал основу методики его разведки [13, с. 181]. С 1957 г. его дело продолжил Э. Ф. Гринталь. С 1953 по 1964 гг. изучение месторождения приобрело характер крупной производственной деятельности. Производственными структурными подразделениями были участки и штольни. Первым производственным участком стал участок в районе р. Наминга. В 1952–1955 гг. здесь действовали три штольни [12, с. 38, 42]. Затем появился участок Западный. Среднесписочная численность персонала экспедиции в 1960 г. достигла 2500 чел. [13, с. 181]. Максимальный разворот её деятельности пришёлся на 1960–1964 гг. Под руководством Э. Ф. Гринталя была проведена первая очередь детальной разведки Удоканского месторождения, в том числе разведано оруденение на глубоких горизонтах [2, с. 265]. Уже в период развернувшегося строительства БАМа значительно продвинулось проектирование Удоканского ГОКа и его соци-

альной инфраструктуры. Начало освоения Удоканского месторождения казалось близким. Но произошёл распад советской государственности и общества.

В настоящее время выйти на новый этап взаимодействия Севера и Юга непросто, сложным было превращение территории Восточного Забайкалья в фактор непосредственного влияния на его Север. Только с образованием Читинской области Юг Забайкалья стал влиять заметным образом на развитие территории Каларского района. Его максимум пришёлся на период строительства читинского участка БАМа.

Хотя проект Удоканского ГОКа не осуществился, его реализация могла бы вывести взаимодействие Юга и Севера на новый уровень развития. Север мог превратиться во влиятельный фактор экономической интеграции территории Восточного Забайкалья. В настоящее время после неудачи реанимировать Удоканский проект и отказа из-за кризиса от проекта индустриального развития юго-востока Забайкальского края его экономика находится в состоянии отложенного развития. Сохранение этого состояния будет вести к усилению влияния Иркутской области и Якутии на Север Забайкалья с нарастающей опасностью для края потери Каларского района.

Список источников и литературы

1. Васильева Т. Г., Куриленко И. В. Переселенческое дело // Малая энциклопедия Забайкалья: Власть и общество: в 2 ч. Ч. II: М – Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2013. С. 149–150.
2. Заворотных И. Р. Гринталь Эдуард Францевич // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. II: А–З / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2003. С. 265–266.
3. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 538 с.
4. Константинова Т. А. Забайкальская область (11 июля 1851 – февраль 1917) // Малая энциклопедия Забайкалья: Власть и общество: в 2 ч. Ч. 1: А–Л / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2012. С. 300–306.
5. Кропоткин П. А. Записки революционера. М: Мысль, 1990. 526 с.
6. Кулаков В. С., Рыжий В. С., Снегур А. Е. География Каларского района. Чита: Поиск, 2002. 252 с.
7. Мерцалов В. И. Забайкалье в геополитическом пространстве Дальнего Востока (1851–1991 гг.) // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: История и современность: материалы междунар. науч. конф. Чита – Маньчжурия, 11–15 окт. 2011 г. / отв. ред. М. В. Константинов. Чита: ЗабГУ, 2011. С. 48–57.
8. Мерцалов В. И. Советское общество // Малая энциклопедия Забайкалья: Власть и общество: в 2 ч. Ч. 2: М–Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2013. С. 302–307.
9. Мерцалов В. И. На исторических подступах к богатствам Удокана и Кодара // БАМ. Каларский район / гл. ред. К. К. Ильковский. Чита: ЗабГУ, 2014. С. 7–19.
10. Милюков П. Н. Очерки истории русской культуры: в 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
11. Недешев А. А., Быбин Ф. Ф., Котельников А. М. БАМ и освоение Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1979. 158 с.
12. Снегур А. Е. Удоканские горизонты: рукопись. 2012. 382 с.
13. Четкетин В. С. Удоканская геологическая экспедиция // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. 4: С–Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 181.

УДК 811.161.1:94(571.55:510)
ББК Ш141.2–006:Т3–27(2Рос-4Чит:5Кит)

Елена Александровна Оглезнева

*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,
г. Томск, Россия*

**Языковая история семьи: Забайкалье – Трёхречье – Харбин
(на материале записей речи потомков
забайкальских переселенцев в Китай)**

В статье рассматривается история языковой личности, представляющей русское восточное зарубежье. Данная личность репрезентирует особый лингво-персонологический тип, который сложился в результате взаимодействия собственно лингвистических и социальных факторов. Этот тип отражает уникальную языковую ситуацию с участием русского языка на территории Китая в XX в., в частности в Трёхречье, неисследованную прежде в социолингвистическом аспекте. Исследование выполнено на материале записей речи, сделанных автором в Китае в 2000–2002 гг.

Ключевые слова: русский язык в восточном зарубежье, Трёхречье, этническая функция языка, рассказ-воспоминание

Elena A. Oglezneva

*National Research
Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, Russia*

**Language History of the Family: Transbaikalia – Three rivers – Harbin
(as Exemplified in the Speech Records
of Descendants of Transbaikal Immigrants in China)**

The article deals with the history of language personality, which represent Russian Eastern countries. This identity represents a special linguophilosophical type, which was formed as a result of the interaction of linguistic and social factors. This type of language reflects a unique situation involving Russian language in China in the twentieth century, in particular in Three Rivers have not been studied before in sociolinguistic aspect. The study is based on recordings of speech made by the author in China in 2000–2002.

Keywords: Russian language in the Eastern countries, Three Rivers, ethnic language function, the story-memories

Русское восточное зарубежье представляет особую страницу как в истории русского зарубежья, так и в истории Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока и России в целом. Начиная с конца XX в. оно начало активно исследоваться вслед за исследованиями русской эмиграции на запад и в сравнении с ним [9; 10].

Языковой аспект этой истории так же оказался предметом научных поисков, в результате которых была показана специфичность и уникальность этого фрагмента русской истории XX в. и на лингвистическом уровне. Так, была проанализирована языковая ситуация в центре русской восточной эмиграции – китайском городе Харбине, и эта ситуация продемонстрировала высокую коммуникативную мощь русского языка там в первой половине

XX в. При коммуникативной мощи исконного для данной территории китайского языка [7, с. 51, 55] показан и объяснён высокий уровень сохранности русского языка на фоне исторических факторов, обусловивших его [7, с. 163]. Кроме того, в поле зрения учёных оказались и другие языковые фрагменты истории русского языка в восточном зарубежье, с иной судьбой, а именно – была исследована языковая ситуация на приграничных с Россией территориях Китая – в китайском Приамурье, куда также устремлялись потоки русских беженцев уже в середине XX в. [8, с. 20–22; 4, с. 98–124].

К числу неописанных языковых ситуаций с участием русского языка в Китае относится языковая ситуация в районе так называемого Трёхречья, расположенного на китайской тер-

ритории в долине рек Ган, Дербул, Хаул, куда с начала 20-х гг. отмечается большой приток русских и где к середине 20-х гг. было уже 19 [1, с. 187], а по другим данным – 25 русских поселений [2, с. 134]. Беженцами в Трёхречье в основном были забайкальские казаки, покинувшие свои родные станицы. «Благодаря казачьему укладу жизни, основанному на принципах демократии, общинного землепользования, взаимовыручки, не обремененный тяжестью налогов, край богател и обеспечил людям высокий достаток, где понятие «бедность» стало весьма относительным: бедным считался тот, у кого во дворе было менее 30 голов скота и он освобождался от поселковых налогов» [1, с. 187].

Вот как описывается Трёхречье в одном из популярных эмигрантских изданий, вышедших в Харбине в начале и середине XX в. – журнале «Рубеж»: *«На западе Маньчжурии, к северу от линии ж. д., между реками Ган, Дербул и красавицей Аргунью, плавно несущей свои прозрачные волны в зарослях тополя и ивника, разметался привольный край, называемый русскими Трёхречьем... Это всхолмленная степь, кое-где прорезанная лесными массивами, сбегаящими с предгорьев Хингана, географически тяготеющая к Барге, была ещё три-четыре десятка лет тому назад настоящей пустыней, почти не имевшей постоянного оседлого населения. Жители соседнего **Забайкалья**, однако, хорошо знали этот привольный девственный край. В ту пору, когда государственные границы ещё почти совсем не охранялись в этом глухом углу, они нередко посещали его как охотники, а летом выгоняли сюда на пастбища свой скот, уплачивая за это небольшие деньги охранявшим его монголам. Нужно сказать, что жители русского берега Аргуни всегда тяготели к “китайской стороне” и, когда грянула революция и после отчаянной борьбы всеудушающий большевистский строй утвердился в Забайкалье, Трёхречье увидело у себя русских беженцев. Это были бежавшие от преследований новой власти забайкальские казаки, перешедшие границу со своим скотом и осевшие на привольных трёхреченских землях. Так создавался в Маньчжурии, за рубежом, **этот живой осколок кондовой, казачьей Руси, чудесно сохранившей свой красочный быт и славные традиции казачества**» [11].*

В этом же источнике мы находим упоминание о живой диалектной богатой русской речи жителей Трёхречья: *«... звенит и поёт сочная*

яркая русская речь на трёхреченских просторах. Язык трёхреченцев пестрит не только местными забайкальскими выражениями и словечками, но и чудесными архаизмами. Здесь говорят не “красивый”, а “баской”, не “пальцы”, а “перстья”».... И ещё одно попутное замечание, демонстрирующее, наряду с указанием на особый быт трёхреченцев, и языковую специфику данной территории: «Дома трёхреченцев – полная чаша: со старинным хлебосольством угощают здесь пришельца шаньгами и традиционным сливаном» [11]. Столь пространное цитирование обусловлено как желанием продемонстрировать любопытный первоисточник, характеризующий русское Трёхречье начала 40-х гг. XX в., так и его научной информативностью. Во-первых, он иллюстрирует факт полноценного функционирования языка в его диалектной форме на неисконной территории, что является признаком неординарной языковой ситуации там, требующей своего объяснения. Во-вторых, по тем немногочисленным языковым примерам, которые присутствуют в нём, мы можем строить гипотезу о типе русского говора, бытовавшего там, и его материнской основе (и это стало предметом нашего исследования в одной из работ [6, с. 168]). В-третьих, неизбежно возникает вопрос о судьбе этого прекрасного, судя по источнику, русского языка: что произошло с ним за почти восемь минувших десятилетий?

Трёхречье активно исследовалось в последние годы историками, фольклористами, есть опыт и лингвистического описания состояния русского языка в современном Трёхречье [13, с. 105–115; 3, с. 132–134].

Наши материалы позволяют показать одну из личных и языковых судеб Трёхречья, которая может быть рассмотрена как лингвоперсоналогический тип, возникновение которого объективно обусловлено обстоятельствами жизни в иноязыковой среде.

С Параскевой Валентиновны Свининниковой, 1931 г. р., мы познакомились во время первой научной экспедиции в Харбин к последним представителям русской диаспоры в январе 2000 г. П. В. Свининникова называла себя русской. Она из забайкальских казаков-гуранов. Гуранами на Дальнем Востоке и в Забайкалье, как известно, называют потомков от смешанных браков русских с представителями коренного населения: тунгусами, якутами, бурятами... Мать русская, по фамилии Писарева, была учительницей русского языка. Фамилия Свининникова у П. В. – по отцу, кото-

рый был полурусский-полукитаец (его мать – русская, отец – российский китаец). П. В. родилась в России, в Китае оказалась в 1933 г.: семья её родителей не смогла вернуться с летних пастбищ, находившихся на территории Китая, в Трёхречье, в Россию – в Забайкалье, потому что граница оказалась перекрытой. Вспоминает о родине: *Как вам рассказать?... Где Забайкал, аҫа, вот там вот мы и жили, и люди жили боуато, так же и отец тоже был боуатый. А потом када красные заехали, да и раскулачили всех, и как стояли так и остались* [14].

После жизни в Трёхречье П. В. оказалась в Харбине. Была замужем за китайцем. Домашним языком являлся китайский, материнским же языком для её пятерых детей был русский. Все дети говорят по-русски и по-китайски. Четверо из них в настоящее время живут в России, старший сын – в Китае, в Россию он уезжал, но вернулся, жить там не захотел, женат на русской. Китайское подданство П. В. так и не приняла. Умерла П. В. Свининкова в Харбине в 2002 г. Похоронена на русском кладбище Хуань Шань.

Русский язык П. В. сохранился в диалектно-просторечной форме, свидетельствующей о её происхождении. Рассказы-воспоминания, записанные от П. В., являются яркой иллюстрацией этого: в них много диалектных особенностей, например: *Пошла к боуатому стирать, я говорю: «Вот ваша пимка» (диал. булавка [12]), он говорит: «что? ещё скажите “пимка”»; долго смеялся: «Паша, пимка». Пимка – булавка; Много их было, до этого я ходила когда ишо как её / телятничиха жила, София Ивановна, так я ходила, так там ишо все комнаты были заняты; Одновременно приезжайте, нитцево, тсе есть, то и поедим, голодны не будем, хлебушка есть всегда, рис есть, мука есть, блины будем стряпать, колоба стряпать. По деревне говорили: колоба; когда масленка, сперва блины, а потом колоба. Колоба такие толстые. Ну тоже жаворонки пекла на сковородке. Колоба – это на дрожжах стряпать, а потом в масло. Сметану макают, это называются колоба, или в мед, или варенье всякое... и др. Другие примеры, демонстрирующие диалектно-просторечную специфику анализируемого дискурса: мнук, ишо, обкитаился, пашпорт, вастобус, мамка, хотишь, командоваает, ейна дочь, нихто, хто, ёная сестра, церква ихняя, с ём, деньги до меня посылаает, куда это ложит, хочет убийство сделать, получка, стары праздники, культурна революция, синеньки*

которы, учёны-то все уехали и др. Владение нелитературной формой языка, отсутствие или недостаточность её использования в письменном виде являются другой причиной (наряду со смешанным браком), ускоряющей процесс утраты родного языка.

П. В. была способна переходить с русского языка на китайский, но русским в последние годы владела хуже, чем китайским (забывала слова, допускала грамматические ошибки, нарушала произносительные нормы). Китайский язык стал основным в конце её жизни. Однако статус русского языка и русской культуры для неё был очень высок, и она всячески стремилась подчеркнуть и сохранить свою принадлежность к русскому этносу. Русский язык сознательно сохранялся П. В. как язык православия и русской культуры, владение им было для неё престижным. Однако очевидно, что пассивное использование одного языка (пусть и престижного в представлении его носителей) при активном говорении на другом ведёт к нарушению норм первого языка под влиянием языка-доминанты.

Билингвизму способствовал смешанный брак с представителем китайской национальности. Несмотря на немалочисленность русской диаспоры в Харбине и сильную тенденцию внутри неё к самосохранению себя как этнической общности, смешанные браки русских и китайцев имели место. Этногенетическая миксация, или смешанные браки, по мнению исследователей, являются особенно мощным фактором самоуничтожения диаспоры [5, с. 62]. Анализ языковой компетенции потомков от смешанных браков русских и китайцев подтверждает эту мысль, поскольку уже третье, а часто и второе поколение метисов говорит на языке страны проживания, не зная языка этнических предков, т. е. утрачивается очень важный признак этнической самоидентификации – язык. Фактором, способствовавшим утрате русского языка у потомков от смешанных браков уже во втором поколении, было и отсутствие лояльности государства по отношению к русским и их языку во время культурной революции в Китае.

Такое развитие ситуации вполне естественно по причинам экстралингвистического плана: Харбин как русский город постепенно переставал существовать; появились кровные связи с людьми китайской национальности; родиной детей, рожденных в смешанных браках, стал Китай, а их родным языком – китайский. Но, несмотря на объективно обусловленное забывание языка этнической родины, в

сознании наших информантов русский язык – это язык старого русского Харбина, язык культуры и православия, сохранить который, в их представлении, престижно.

Иные варианты развития языковой ситуации с участием русского языка могут быть в несколько отличных от описанных здесь исторических обстоятельствах. Ответить на вопрос

о возможных векторах развития языковых ситуаций с участием русского языка позволит, в частности, анализ языковой компетентности русских переселенцев в Трёхречье и их потомков, до сих пор проживающих на этой территории, что и является одной из перспектив нашего исследования.

Список источников и литературы

1. Абеленцев В. Н. Амурское казачество XIX–XX вв. 2-е изд., доп. и испр. Благовещенск: Амурский обл. краев. музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 2005. 304 с.
2. Аблажей Н. Н. Хозяйственно-экономическая деятельность российских эмигрантов в Северной Маньчжурии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 130–136.
3. Абросимова О. Л. К вопросу о существовании русского языка и русских культурных традиций в китайском Трёхречье // Язык в различных сферах коммуникации: материалы междунар. науч. конф. / под ред. Т. Ю. Игнатович; Забайкал. гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2014. С. 132–134.
4. Гордеева С. В. Русский язык в приграничном Китае, его роль в формировании языковой ситуации // Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) / под ред. Е. А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. С. 98–124.
5. Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М.: Ин-т востоковед. РАН; Крафт+, 2001. 176 с.
6. Оглезнева Е. А. Русские говоры в Китае в начале и середине XX в. // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: тез. докл. междунар. конф. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2009. С. 167–169.
7. Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: АмГУ, 2009. 352 с.
8. Оглезнева Е. А. Русско-китайское взаимодействие на дальневосточных территориях России: ист.-лингв. очерк // Слово: фолькл.-диалектол. альманах. Материалы науч. экспедиций. Вып. 8, спец. Русско-китайское взаимодействие в дальневосточном регионе / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 6–25.
9. Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 2. Благовещенск: АмГУ, 2001. 625 с.
10. Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск: АмГУ, 2002. 662 с.
11. Рубеж. 1941. № 4.
12. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
13. Сундуева Д. Б. Забайкальское трансграничье как социолингвистический феномен // Языковая культура Восточного Забайкалья: монография / Л. М. Любимова, Н. А. Лиханова, Д. Б. Сундуева. Забайкал. гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 85–139.
14. Фоноархив «Русский Харбин». Хранение: Лаборатория региональной лингвистики Амурского гос. ун-та. Дневник 17а. С. 7.

УДК 39(571.55)
ББК Т3.5(2Рос-4Чит)

Алексей Геннадьевич Янков

Читинский институт

*Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия*

Малые этнические группы Забайкалья: классификация и характеристика

В статье предпринята попытка классификации малочисленных этнических групп Забайкальского края. Дана статистика в динамике существующих этнических групп. Определена проблематика, связанная с употреблением понятий «малочисленные группы» и «меньшинства». Дана характеристика некоторых малочисленных этнических групп края.

Ключевые слова: этнические группы, малочисленные группы, классификация, характеристика этнических групп

Alexey G. Yankov

*Chita Institute of Baikal State University,
Chita, Russia*

Small Ethnic Groups in Zabaykalsky Krai: Classification and Characterization

The article attempts a classification of small ethnic groups in Zabaykalsky Krai. Given the statistics in the dynamics of the existing ethnic groups. Identified issues with knit with the use of the terms “small groups” and “minorities”. The characteristic of some small ethnic groups in the region.

Keywords: Ethnic group, small group, classification, characteristics of ethnic groups

В наши дни проблема налаживания межэтнического и межконфессионального диалога чётко обозначилась в российском обществе. Изначально являясь полиэтничным и поликонфессиональным государством, Россия накопила богатый опыт взаимодействия её народов, государственного регулирования национальных процессов. При этом опыт имел разную специфику в различных регионах. В современных условиях происходит всплеск этнической идентификации. Нерешённость важнейших социально-экономических проблем, низкий уровень жизни, коррумпированность общества и властного аппарата создают хроническую социальную депривацию, что приводит к росту протестного поведения, выражающегося в различных формах, в том числе крайних националистических идеологиях и движениях. Этноконфессиональные группы всё активнее включаются в политический процесс. Для сохранения целостности государства, единства государственной идентичности необходимо государственное регулирование процесса межэтнических отношений.

Забайкальский край является, как и большинство регионов России, поликонфессиональным. Особенность края заключается в том, что здесь взаимодействуют несколько эт-

нических групп, разнородных по своей структуре и истории. В многонациональном государстве вопрос межэтнических отношений динамический, он всегда будет стоять на повестке дня. Для адекватной национальной политики необходимо знать, с каким объектом мы имеем дело. Какие этнические группы являются факторами этносоциального поля региона. С этой целью мы предприняли попытку классификации данных групп. И прежде всего малочисленных этнических групп. Дадим статистику численности этносов по последней переписи (см. табл. 1 по данным краевого комитета Государственной статистики).

Понятно, что перепись даёт нам данные тех, кто указал свою национальность (не указали свою национальность по переписи 2010 г. 19981 чел.) и не учитывает неграждан РФ и нелегалов. По динамике видно, что неуклонно снижается доля славянского населения и увеличиваются, хотя в численном отношении незначительно, доли бурят, армян, киргизов.

Классификация этнических групп может проводиться по различным основаниям. Возьмём две составляющие классификации: численность и укоренённость (или время существования на данной территории)(см. табл. 2).

Таблица 1

Сравнение численности постоянного населения основных этносов на территории Читинской области (в тыс. чел.) по годам переписи

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Русские	940,2	1026,1	1103,6	1216,3	1037,5	977,4
Буряты	40	51,6	56,5	66,6	70,4	73,9
Украинцы	23,1	24,8	27,3	38,2	11,8	6,7
Татары	12,1	14,3	13,4	12,3	8,1	5,8
Белорусы	3,9	6	7,5	9,2	2,9	1,5
Эвенки	1,5	1,4	1,3	1,3	1,4	1,387
Азербайджанцы	-	-	-	1,9	2,1	2045
Армяне	-	576 чел.	975 чел.	1,8	3,6	3943
Китайцы	-	-	-	168 чел.	295 чел.	632 чел.
Евреи	-	-	-	807 чел.	334 чел.	199 чел.
Чеченцы	-	-	-	360 чел.	226 чел.	177 чел.
Киргизы	-	-	-	-	532 чел.	1,6
Немцы	-	-	-	2,0	1,3	750 чел.

Классификация этнических групп по двум основаниям

		Укоренённость	
		Да	Нет
Численность	Большие	Русские Буряты	Малочисленные группы, традиционно проживающие в Забайкалье. Современные миграционные группы
	Малочисленные	Эвенки Хамнигане	

Укоренённые большие этнические группы русских и бурят составляют этническое ядро в этносоциальном пространстве региона. Их взаимоотношение и социальное самочувствие является структурообразующим и оказывает воздействие на все стороны социальной жизни региона. При этом русские не являются однородными по своему составу. Можно выделить следующие этнокультурные субгруппы русских: семейские, казаки, карымы (сибиряки). Агинские буряты, в основном, более монолитная субгруппа бурят, проживающих в России. Но и внутри этой группы в настоящее время можно выделить отдельную группу шэнэхэйских бурят. Понятно, что данная группа возникла в результате политических потрясений, но сейчас возвращаясь на свою исконную землю, они, очевидно, отличаются от остальной части агинских бурят.

Остальные группы, представленные в классификации, относительно немногочисленны. Здесь необходимо разобраться с понятиями: можно ли к таким группам применять определение «меньшинства» или же адекватно использовать понятие «малочисленные народы».

Понятие «меньшинства» начало использоваться в международном праве в XVII в. применительно к региональным меньшинствам.

В СССР сначала национальные меньшинства получили чрезвычайно широкие права: так, в «Декларации прав народов России» от 2 ноября 1917 г. были прописаны большие права и свободы национальных меньшинств.

В законодательных актах Российской Федерации понятие национального меньшинства используется. В частности, оно употребляется в Конституции 1993 г. и, следовательно, имеет статус конституционно установленного: в ст. 71 говорится, что регулирование и защита прав национальных меньшинств находится в ведении Российской Федерации, а в ст. 72 – что защита их прав относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Федерации.

В настоящее время в международном и российском праве нет определения понятия «национальные меньшинства». Считается, что меньшинства должны удовлетворять следующим требованиям:

- быть гражданами данного государства, что отличает меньшинства, их представителей от иностранцев и апатридов;
- достаточно долго проживать в данном государстве, быть укоренившимися (по названному критерию к меньшинствам не могут быть отнесены беженцы, имеющие специальный правовой статус);
- быть численно меньшим, чем основная группа населения (этот показатель относительный);
- не занимать господствующее положение (например, в органах власти, экономике), ибо иное снимает вопрос о специальных мерах защиты соответствующей группы;
- иметь отличия в этническом или национальном характере, культуре, языке, религии, обычаях;
- стремиться к сохранению своей самобытности.

Поэтому в практике и отечественной и зарубежной этнографии/этнологии употребляются два понятия – «малочисленные народы» и «меньшинства». В любом случае в РФ считается, что этнические группы менее 50 тыс. чел. малочисленны.

Из табл. 1 видно, что малочисленными группами, исходя из государственного критерия, можно считать всех, кроме русских и бурят. Конечно, любая этническая группа, и малая и большая, достойна сохранения своей культуры и в конечном итоге идентичности. Для того, чтобы понять своеобразие малочисленных этнических групп, классифицируем их (см. рис.1).

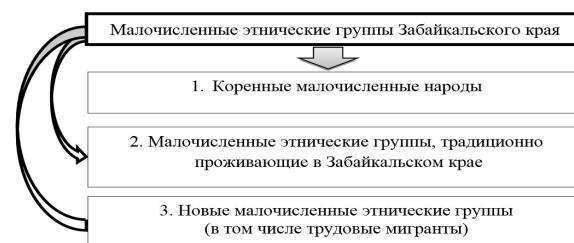

Рис. 1. Классификация малочисленных этнических групп Забайкальского края

Этнические группы, входящие в тот или иной кластер, имеют культурные, ментальные,

поведенческие, хозяйственные особенности, и соответственно, к ним должны быть применены различные по форме и содержанию меры государственной поддержки и регулирования как в сфере культуры, так и в социально-экономической жизни.

Среди коренных малочисленных народов для Забайкалья наиболее типичны эвенки. Для решения проблем коренных малочисленных народов (кмсн) государство принимает законы и программы, например в соседних территориях. В Бурятии в 2013 г. был принят закон «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Севера». Такой же закон принят в Якутии годом ранее. В Амурской области подобный закон существует с 2003 г. с постоянными поправками.

В Забайкальском крае подобного закона нет, но есть ряд иных законов: ноябрь 2011 г. – принят закон «О территориях традиционного природопользования кор. мал. нар. в Заб. крае», в сентябре 2012 г. принят закон «О северном домашнем оленеводстве». Нужно отметить, что эти законы по содержанию хорошие, отражают реалии, и если их воплотить в жизнь, то они решат определённые проблемы эвенков. Также приняты программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов» 2010 – 2012 г. с бюджетом 136 млн р. – хорошая программа, правда, её финансирование составило 14 %. Затем была принята такая же программа на 2013–2015 гг. с бюджетом поменьше (97 млн), и непонятно, как она исполняется.

Другим малочисленным народом в Забайкальском крае являются хамнигане. Основная проблема данной группы является непризнание за ними статуса коренного народа, при очевидном наличии собственной идентичности, особенностей языка. Проживают хамнигане в некоторых приононских деревнях АБО и южных районах края. Существуют некоторые различия в религиозной и материальной культуре от бурятской. Самое главное, что у этой этнической группы имеется собственная идентичность. В 1994 г. прошла конференция хамниган в Кыре и Мангуте (примерно 10 тыс.).

Другие малочисленные этнические группы, традиционно проживающие в Забайкальском крае, это представители тех народов, которых связывают общие судьбы и жизненный путь в СССР, среди них много смешанных бра-

ков. Для этой группы характерно то, что культурно, а иногда внешне они неразличимы с большинством. Культурные различия в основном носят празднично-фольклорный характер. Часть из них желает реализовать свою этническую идентичность, часть нет. Как правило, первые объединяются на основе общей церкви: поляки – костёл, евреи – синагога, татары – мечеть и т. д. Также они активно участвуют в жизни своих диаспор. Вторые или ассимилируются или уезжают, как видно из таблицы статистики. Поэтому для тех представителей этнических групп этой категории, которые хотят сохранить свою идентичность, важна культурная поддержка идентичности и поддержка со стороны государства.

Другими малочисленными этническими группами являются новые этнические группы (в том числе трудовые мигранты). Это как «новые» граждане России – россияне, так и те, кто трудится временно. Диаспора для них – средство культурной и финансовой поддержки, помощь в получении гражданства или юридическая помощь. Во многом такие диаспоры (киргизская, азербайджанская, армянская и т. д.) структурированы, иногда имеют публичного и реального лидера, свои нормы и правила поведения. Нередко возникают конфликты «старых» и «новых» представителей одной и той же этнической группы. Для них нет проблемы культурной идентичности, они ведут привычный для них образ жизни. Приведём некоторую статистику. За 8 месяцев 2013 г. мигрантов из стран СНГ – 56 %, КНР – 38 % (УФМС по Заб. краю; «Экстра». № 38. 18.09.2013 г.). 170 граждан КНР желают оформить ПМЖ в России, из них 60 % – это «шэнэженские» буряты.

Таким образом, этнические группы разнообразны по количеству, структуре, степени идентичности, культурным образцам. Это в свою очередь требует адекватной национальной политики. Между тем государственная и соответственно региональная национальные политики периодически возвращаются к унификационной политике, которая не учитывает этнического разнообразия. Думается, что в настоящее время мы находимся на перепутье между провозглашением унификационной модели и плюралистической. Вариантом первой является модель создания российской гражданской нации. Вторая модель реализуется в регионах, особенно в республиках.

УДК 902(571.55)
ББК 63.4 (2Рос-4Чит)

**Сергей Александрович Афанасьев,
Виталий Евгеньевич Белоусов,
Алексей Юрьевич Гаврилов**

*Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия
Забайкальского края,
г. Чита, Россия*

Спасательные археологические полевые работы на стоянке «Хоктонга» раннего железного века в горно-таёжной части Восточного Забайкалья

В статье представлены материалы спасательных археологических полевых работ, проводимых в 2004 г на стоянке «Хоктонга», расположенной на участке км 333 – км 334 федеральной автодороги «Амур» в Чернышевском районе Забайкальского края. Стоянка открыта в 2003 г. в зоне строительства автодороги «Амур». Спасательные археологические полевые работы проводились строго в полосе земельного отвода, где было заложено 4 раскопа и 6 поисковых траншей общей площадью 1501 м². Поисковые траншеи закладывались в полосе земельного отвода с целью определения границ территории объекта. Археологический материал стоянки Хоктонга размещён в 2 культурных горизонтах, где зафиксировано 734 артефакта.

Ключевые слова: Забайкалье, Чернышевский район, стоянка «Хоктонга», спасательные археологические полевые работы, ранний железный век

**Sergey A. Afanasyev,
Vitaly E. Belousov,
Alexey Y. Gavrillov**

*State Institution of Culture SIC "Cultural Heritage
Site Protection and Preservation Centre" of Zabaykalsky Krai,
Chita, Russia*

Archaeological Rescue Excavations on the Hoktonga Early Iron Age Site in Mountain and Taiga Zone of East Transbaikal Region

The article presents the materials of archaeological rescue excavations which had been carried out in 2004 on the Hoktonga site located on the 333–334 km land plot of the federal highway "Amur" in Chernyshevsky area of Zabaykalsky Krai. The site was found in the "Amur" highway construction area in 2003. Archaeological rescue excavations were carried out strictly in a specially allotted land where 4 archaeological digs and 6 search trenches with a total area of 1501 sq.m had been carried down. Trenching work in a specially allotted land was necessary to fix the site territory border. Archaeological material of the Hoktonga site has been placed in 2 cultural horizons where 734 artifacts have been found.

Keywords: Zabaikalye, Chernyshevsky area, Hoktonga site, archaeological rescue excavations, Early Iron Age

Статья подготовлена по материалам спасательных археологических полевых работ, проводимых в 2004 г. на стоянке «Хоктонга», расположенной на участке км 333 – км 334 федеральной автодороги «Амур» в Чернышевском районе Забайкальского края [1, с. 403–404]. Ранее материалы по стоянке «Хоктонга» не публиковывались в печатных изданиях научных конференций и симпозиумов для обсуждения широкой научной аудиторией.

Стоянка открыта в 2003 г в зоне строительства автодороги «Амур» и находится в 8,5 км к северу от станции Улей, на левом борту среднего течения р. Хоктонга, являющейся правым притоком р. Улей на делювиальном пологом шлейфе высотой 8–10 м. Работы проводились на западной периферии стоянки, представленной шлейфом, примыкающим к склону горной возвышенности, имеющим юго-восточную экспозицию.

Археологический материал стоянки «Хоктонга» представлен культурными горизонтами:

- культурный горизонт 1 размещён в литологическом слое 1А, представленном дерном из полуистлевших листьев и других органических остатков перегноя, хвои;

- культурный горизонт 2 размещён на контакте литологических слоёв: 1Б – представленного бурой супесью с включением дресвы и 1В – представленного коричневой супесью насыщенной суглинком с включением дресвы и щебня.

В культурном горизонте 1 зафиксировано только 2 фрагмента абразива из песчаника и выявлена антропоморфная личина, выполненная на бронзовой тонкой пластинке, подпрямоугольной ассиметричной формы с закруглёнными краями, со стилизованными отверстиями глаз, рта и носа. Вероятно, данное изделие является элементом ритуальной шаманской одежды. Данные находки можно отнести к случайным.

В культурном горизонте 2, представленном культуросодержащим слоем 1В, имеющем сильные повреждения в виде полигональных клиньев и ям, образованных вследствие падений деревьев, то и другое, является распространённым явлением в мерзлотных грунтах в северных районах Забайкальского края. Артефакты залегают в раскопах неравномерно, в основном скоплениями. Всего зафиксировано 731 артефакт. Основная часть артефактов размещена в верхней контактной части литологического слоя 1В. Выявлено 2 культурно-хозяйственные зоны с двумя зольными пятнами без каменной обкладки. Мощность зольных пятен небольшая 0,04–0,06 м. Малая мощность пятен говорит о кратковременном пребывании людей на стоянке, возможно, в летний период времени. Особенно выделяется зольное пятно в раскопе № 1, вокруг пятна зафиксированы камни, которые имеют непосредственное отношение к данной зоне и, вероятно, были элементами временного жилища. Вокруг зольного пятна находились десятки артефактов, в основном фаунистические остатки, часть из них имели следы расщепления. На вскрытой площади обнаружено 7 хозяйственных зон, где производилось расщепление камня и кости с целью изготовления орудий, их подправки и дальнейшего хозяйственного использования.

На границе раскопов № 2 и № 4 зафиксировано большое скопление фрагментов керамических сосудов. В данном скоплении выявлены все 8 типов керамических лепных сосудов, известных на стоянке, где зафиксировано

348 фрагментов сосудов, относящихся к 8 типам бурхотуйских сосудов. Три сосуда украшены различным орнаментом в области венчика. В процессе обработки керамического комплекса стоянки была произведена реконструкция сосудов типов: «1» и «2».

Сосуд типа «1» – баночной формы, горло открытое, способ формовки кольцевым налепом. Тесто отощено мелкодробленой дресвой, тонкозернистым песком, травянистыми волокнами. Толстостенный (толщина стенок 7–9 мм). Обжиг неровный, цвет от тёмно-серого до светло-коричневого; с внутренней стороны стенки сосуда бурого цвета. Венчик прямой, внешне ассиметричный, с внешней стороны на расстоянии 2,5 см от верхнего края венчика находится налепной валик, рассечённый встречными наклонными оттисками плоской прямой лопаточки. В раскопах 2, 3, 4 найдено 110 фрагментов данного типа. Внешняя и внутренняя сторона стенок сосуда залощена. Данный сосуд имеет аналоги с керамическими лепными сосудами, датируемыми бурхотуйской культурой IV–VIII вв. [2, с. 71]. В то же время сосуд данного типа имеет свои аналогии с сосудами стоянки Жигуржинка – 2 (раскоп 3), где «второй слой явно выходит за рамки каменного века. Он хронологически сопоставим с памятниками, датируемыми периодом поздней бронзы и раннего железа» [3, с. 35]. Данный сосуд имеет аналогии в погребении № 4 могильника Чиндант 2 [2, с. 157].

Сосуд типа «2» – керамический лепной сосуд горшковидной формы, горло открытое, с поддоном, способ формовки кольцевым налепом. Тесто отощено мелкодроблёной дресвой, травянистыми волокнами. Толстостенный (толщина стенок 9–12 мм.). Обжиг неровный, цвет пёстрый с внутренней стороны бурый, с внешней стороны от светло-коричневого до жёлто-серого. Венчик не орнаментирован, выгнут наружу, с внешней стороны на расстоянии 6–7 мм. Налепной валик рассечён ромбовидными вдавлениями по всей длине. Внешняя и внутренняя стороны сосуда залощены. Фрагменты этого типа находились в раскопах 2, 4, где зафиксировано 100 фрагментов данного типа. Данный тип сосуда имеет аналогии с материалами средневековых погребений, датируемых бурхотуйской культурой IV–VIII вв., в том числе с сосудом из погребения № 3 могильника Онохтыча [2, с. 68, 158].

Сосуд типа «3» – керамический лепной сосуд, горло открытое, способ формовки кольцевой налеп. Тесто отощено мелкодроблёной дресвой, тонкозернистым песком. Толстостенный (толщина стенок 6–8 мм). Обжиг ровный,

цвет стенок с внутренней и внешней стороны жёлто-коричневый. Венчик выгнут наружу, по всей длине рассечён оттисками плоской прямой лопаточки. Следы лощения по всей поверхности сосуда. Нагар на внутренней и внешней сторонах сосуда. Фрагменты сосуда располагались в раскопах 1, 2, где зафиксировано 10 фрагментов данного типа. Форму сосуда типа «3» и других остальных типов установить не удалось.

Керамические сосуды, обнаруженные в ходе работ на стоянке «Хоктонга», имеют ряд ярко выраженных признаков, позволяющих отнести их к керамическим сосудам бурхотуйского типа. Сосуды данного типа лепные, снабжены карнизообразным венчиком, плоскодонные, реже с поддоном. Среди наиболее распространённых форм: баночные, горшковидные, вазообразные. Зачастую сосуды украшались налепными валиками орнаментированные насечками, которые могли располагаться как у венчика, так и на тулове.

В коллекции артефактов имеется 202 фрагмента фаунистических остатков, в том числе 4 костяных орудий, среди них: проколка, скребло, наконечник стрелы, тесловидно-скребловидное орудие. На основании проведённых исследований установлено, что среди выявленных костных остатков 66 имеют следы намеренного скалывания или расщепления, полученные как при употреблении в пищу, так и при изготовлении орудий труда. В коллекции следы скалывания и расщепления наблюдаются только на костях косули сибирской (*Capreolus pygargys*). Некоторые фрагменты обожжены. Костный материал сильно фрагментирован. При работе с коллекцией определено, что фаунистические остатки размещены в раскопах в основном на контакте 1Б/1В и в верхней и средней части слоя 1В. Естественная сохранность материала средняя. Цвет бурый и желтовато-коричневый. В фаунистической коллекции стоянки «Хоктонга» определены кости косули сибирской (*Capreolus pygargys*) и лошади (*Eguus (Eguus) sp.*). В данное историческое время у людей в хозяйственной жизни имело значение полуседловое скотоводство и коневодство [2, с. 134]. Также обнаружены кости неопределённого вида крупного животного отряда (*Artiodactyla*). В коллекции преобладают кости косули сибирской. Согласно определённым по ориентации в скелетах астрагалом обнаружены остатки минимум трёх особей этого животного. Имеется 4 астрагала косули сибирской, используемые, вероятно, как игровые кости. Большая часть остеологических находок представляет кости конечностей и чере-

пов. В коллекции нет позвонков, единичны ребра, нет тазовых костей. Это может говорить о том, что в планеграфическом смысле раскопана периферийная часть стоянки, куда выбрасывались пищевые отходы. Отделение и выбрасывание «малосъедобных» частей скелета позволяет предположить «обильный на добычу» сезон обитания стоянки. Определённые части скелета лошади (минимум одна особь) – части одной конечности и зубы с фрагментами челюстей подтверждают сделанные выводы. Все кости имеют несколько степеней сохранности. У костей лошади степень сохранности хуже, что может говорить о сравнительно более раннем их происхождении. На 5 фрагментах лошади нет следов скалывания.

Каменный инвентарь представлен незначительной коллекцией – 176 единиц, среди них: 4 сильносработанных торцово-клиновидных нуклеуса-скребка, из них 2 халцедоновых и 2 из яшмы, ретушированная микропластинка, вкладыш, фрагмент халцедонового наконечника стрелы, набор скребков на отщепках, комбинированные орудия, 2 проколки на отщепках. Орудийный набор, изготовленный из отщепов, более разнообразен. Орудия, изготовленные из пластинчатых форм, единичны. Техника обработки орудий на отщепках неоднозначна, при наличии «изящной» обработки наконечника стрелы из халцедона или комбинированного орудия скребок-резец срединный; в то же время имеется большое количество орудий из отщепов с прерывистой или протяжённой мелкой краевой ретушью на дистальном конце на спинке. Многие из данных орудий имеют мелкую ретушь со следами пришлифовки рабочего края. Данные орудия, возможно, использовались как скобели. Некоторые из орудий приобрели рабочую поверхность в результате не намеренного ретуширования рабочего края, а в результате хозяйственного использования, т. е. утилизации. Анализ каменного инвентаря даёт основание полагать о затухании каменной индустрии на изучаемой стоянке. Так как известно, что в период «конца неолита уже не фиксируется тщательный отбор наиболее качественных пород, сами каменные изделия оформлялись небрежно» [4, с. 164]. Носителям данной культуры ещё известна техника расщепления камня, и они могут сделать изящные в обработке изделия, такие как: наконечник стрелы, скребки, вкладыши. Однако в хозяйстве камень уже не играет той роли, какую играл в эпоху неолита и даже раннего бронзового века. Орудия из микропластин практически вытеснены орудиями из отщепов в количественном плане и составля-

ют в количественном соотношении 4/56. Изменение отношения к камню и каменным изделиям, как известно, объясняется тем, что в бронзовом веке, камень уступил изделиям из металла и кости. Орудия из камня всё же играют пусть и незначительную, но дополнительную роль в хозяйстве человека. Это объясняется не только дефицитом металла, вероятно, и тем, что кость менее универсальная в плане пригодности, края кости в отличие от краёв камня менее острые (бриткие).

В культурном горизонте 2 найдено комбинированное орудие – скребок – срединный резец, выполненный на пластине из яшмы; на проксимальной части на спинке по двум краям нанесена многорядная, мелкая, протяжённая ретушь, в дистальной части срединный резец, по левому маргиналу 3 фасетки параллельного снятия. Наличие данного комбинированного орудия, даёт основание полагать о том, что в культурном горизонте находятся артефакты двух разных исторических периодов, данная находка является случайной, так как на территории стоянки не были найдены фрагменты подобного цвета и породы камня. Как известно, срединные и боковые резцы «доживают» до раннего неолита и не укладываются в археологическую коллекцию стоянки «Хоктонга». В более поздних памятниках они не известны [4, с. 107].

Зафиксирована комбинированная пряжка подпрямоугольной формы литая из бронзы с подвижным железным язычком, закреплённым при помощи петли на конце, здесь же найден фрагмент железной пластинки.

На стоянке «Хоктонга» зафиксирован археологический инвентарь по своему составу разновременный. Артефакты культурного горизонта 1, размещённые в литологическом горизонте 1А, крайне малочисленны, датировать данный культурный горизонт не представляется возможным. Артефакты культурного горизонта 2, размещённые на контакте литологических горизонтов 1Б, и 1В, относятся к одному культурному горизонту (см. рис.1, 2).

Значительная часть археологического инвентаря культурного горизонта 2 с его культурно-хозяйственными зонами с наличием орудий на отщепах со своеобразной упрощённой обработкой рабочего края, наличием изделий из фаунистических остатков, лепной орнаментированной керамикой бурхотуйского типа, комбинированной литой пряжкой из бронзы и железа и фрагментом железной пластинки, представленного в типологической таблице, позволяет отнести данный культурный горизонт, к временной стоянке раннего железного века (I – начало II тыс. н. э).

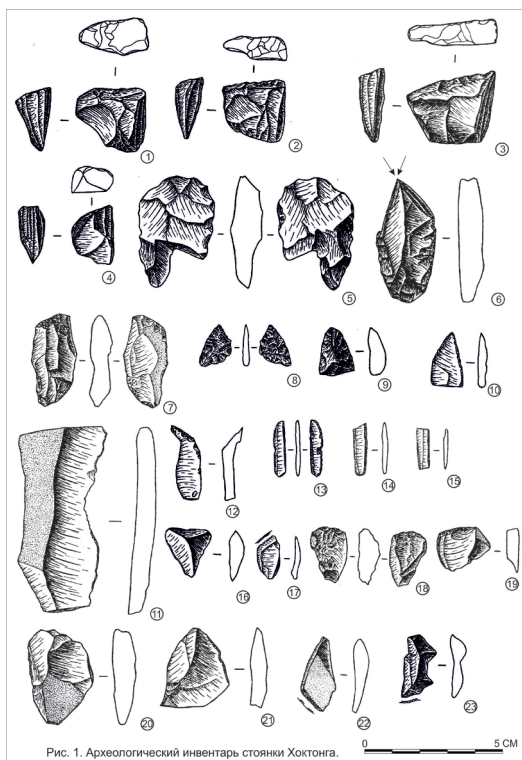

Рис. 1

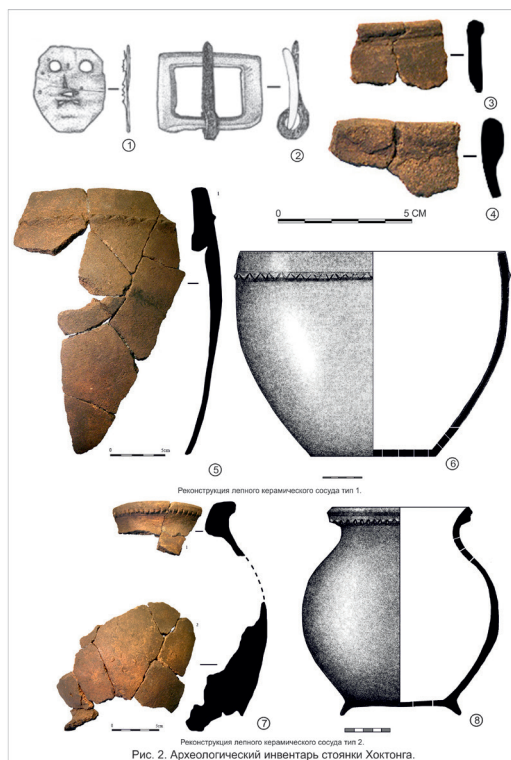

Рис. 2

Аспекты истории Забайкалья

Типологическая таблица археологического инвентаря стоянки «Хоктонга»

Наименование предметов	Кол-во
Нуклеусы	
Торцово-клиновидный с концевой затёской, нуклеус-скребок	3
Торцово-клиновидный со смешанной затёской нуклеус-скребок	1
Фрагменты нуклеусов	
Торцово-клиновидный	1
Орудия на отщепях	
Скребло с продольно выпуклым лезвием (боковой)	1
Скребок концевой	2
Фрагмент наконечника стрелы	1
Заготовка наконечника стрелы	1
Проколка концевая	2
Проколка угловая	1
Резец пряморетушный	1
Долото и его фрагмент	2
Отщеп с эпизодической ретушью	23
Отщеп с протяженной ретушью	2
Отщепы с ретушью утилизации	1
Из них отщепы с пришлифовкой	14
Комбинированные орудия	
Резец-скребок срединный на пластине	1
Орудия на микропластинах	
Микропластинки с краевой, прерывистой ретушью на спинке по одному краю	1
Микропластинки с краевой, протяжённой ретушью на брюшке по двум краям	1
Концевые скребки	2
Другие орудия	
Абразив и его фрагменты	2
Тесловидно-скребловидное орудие	1
Остеологические орудия	
Проколка	1
Скребло	1
Тесловидно-скребловидное орудие	1
Другие артефакты	
Отщепы	88
Технический скол	1
Микропластинки и их фрагменты	10
Фрагменты орудий	6
Фрагменты керамических сосудов	348
Остеологические остатки	202
Чешуйки	3
Охра	3
Предметы из металла	
Бронза (личина)	1
Железо	1
Бронза-железо	1
Всего артефактов	731 ед.

Список источников и литературы

1. Афанасьев С. А., Рафибеков Э. М. Спасательные работы на стоянке «Хоктонга» // АО 2004 года. М.: Наука, 2005. С. 403–404.
2. Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
3. Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2000. 176 с.
4. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 177 с.

УДК 902
ББК Т4

Алексей Михайлович Мамкин

*Центр охраны и сохранения объектов
культурного наследия Забайкальского края,
г. Чита, Россия*

Опыт проведения государственной историко-культурной экспертизы на стоянке бронзового века «Арчикой» в Чернышевском районе в 2015 году

В представленной статье освещён опыт проведения государственной историко-культурной экспертизы на территориях земельных участков, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ. На территории, предназначенной под строительство горнодобывающего и перерабатывающего предприятия на базе Арчикойского золоторудного месторождения, в ходе полевых работ обнаружена стоянка бронзового века «Арчикой». На основании проведённой историко-культурной экспертизы удалось осуществить перепроектировку планируемого строительства, определить регламент охранных мероприятий для безусловного сохранения целостности археологического памятника.

Ключевые слова: Забайкалье, гора Арчикой, историко-культурная экспертиза, полевые работы, стоянка, бронзовый век, охрана археологических памятников

Alexey M. Mamkin

*Center for the protection and preservation
of cultural heritage of Transbaikal region,
Chita, Russia*

The Experience of the Public Historical and Cultural Expertise at the “Arkchikoy” Site of the Bronze Age in Chernyshevsky District, 2015

The article, submitted for publication, highlights the experience of carrying out the state historical and cultural examination of land plot areas, subject to excavation, construction, reclamation, maintenance works. During the archeological excavation, the site of the Bronze Age “Archikoy” has been found on the territory designated for construction of mining and processing enterprise based on Archikoysky gold deposit. On the basis of historical and cultural examination it has become possible to carry out the proposed construction redesigning and to determine the regulations on protection measures for maintaining conditions to preserve inviolability of archaeological monument.

Keywords: Zabaikalye, mountain Archikoy, historical and cultural examination, excavation works, the Bronze Age site, the protection of archaeological sites, the site of the Bronze Age “Archikoy”

В соответствии с действующим законодательством, проектирование крупномасштабных объектов строительства предполагает проведение историко-культурной экспертизы. Изыскания, осуществляемые в рамках экспертизы, нередко приводят к выявлению объектов археологического наследия, с последующими научной идентификацией, датированием, определением предмета охраны, разработкой методов обеспечения сохранности выявленных археологических памятников.

Археологические изыскания государственного учреждения культуры «Центр охраны и

сохранения объектов культурного наследия» Забайкальского края в Чернышевском районе в 2015 г. проводились в рамках государственной историко-культурной экспертизы на земельных участках, предназначенных под строительство горнодобывающего и перерабатывающего предприятия на базе Арчикойского золоторудного месторождения (см. рис.1).

Ранее археологические изыскания на территории Арчикойского золоторудного месторождения не производились. Необходимо отметить, что гора Арчикой (1503) является высотной доминантой Хорьковского хребта в доли-

не р. Белый Урюм. Подобные горные вершины на бортах речных долин привлекали человека с периода палеолита до этнографической современности, как сакральные маркеры-медиаторы или как источники каменного и рудного сырья [2]. Кроме того, на левом борту р. Белый Урюм, на северной окраине с. Аксеново-Зиловское, 7 км юго-западнее от территории проектируемого строительства расположен Зи-

ловский комплекс археологических памятников. По итогам архивно-библиографических изысканий, анализа геоморфологических и ландшафтных особенностей, результатов проходки и визуального обследования всей площади проектируемого строительства установлен перспективный участок археологического поиска в районе инженерных коммуникаций и подъездной дороги к руднику.

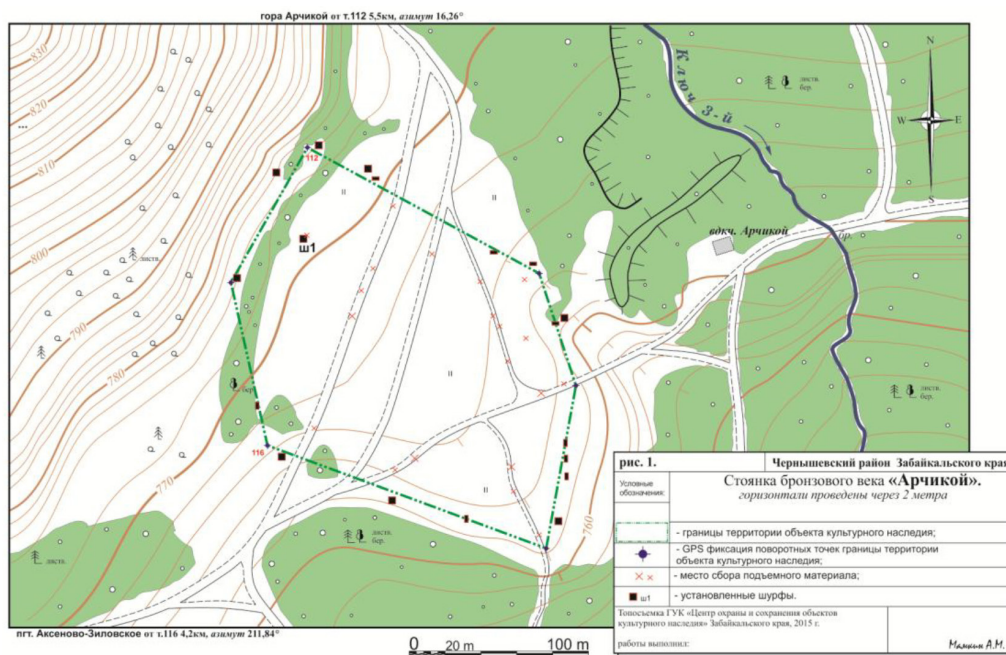

Рис. 1

В ходе обследования на данном участке собран многочисленный подъемный материал. Территория подъемных сборов полностью соответствовала витальным потребностям бронзового века: хорошая соляность, уплотнённая гипсометрия площадки, укрытие от северных ветров, хороший доступ к водоёму, охотничьим угодьям, сырьевым – каменным и рудным ресурсам. Все вышесказанное, в совокупности с типологией археологического материала, позволило определить объект культурного наследия как долговременную или регулярно посещаемую стоянку бронзового века.

Название объекта установлено по топониму – находящейся в непосредственной близости горы – «Арчиной». Объект археологического наследия находится 5 км северо-восточнее пгт. Аксеново-Зиловское Чернышевского района Забайкальского края. Стоянка расположена в юго-западной экспозиции мысовидного уступа делювиального шлейфа, в правосторонней части долины руч. Ключ 3-й, у юго-восточной подошвы ската горы (с вершиной 982,6), около 100 м западнее, юго-западнее развалин Арчи-

кой. На основании анализа предпроектных картографических материалов было установлено, что стоянка «Арчиной» расположена в границах проектируемого строительства. Техническое состояние территории стоянки удовлетворительное, однако в периферийной части объект частично разрушался полевыми дорогами.

На объекте произведены визуальное обследование и сбор подъемного материала, шурфовка, фотографическая, топографическая и GPS фиксация, проведены гипсометрические, геоморфологические, стратиграфические изыскания, научное документирование результатов работ (см. рис. 2).

Вместе с тем, с целью выявления культурного слоя в медиальной части мысовидного уступа делювиального шлейфа установлен поисковый шурф (2 × 2 м). В площади шурфа в основании дернового – кровле поддернового горизонтов обнаружены многочисленные каменные артефакты, определяемые как продукты расщепления, типологически соотносимые с инвентарным комплексом бронзового века (см. рис. 3).

рис.2 (фото) территория проектируемого строительства горнодобывающего и перерабатывающего предприятия на базе Арчинойского золоторудного месторождения Забайкальского края. Вид с юго-востока, юга, юго-запада на территорию стоянки «Арчиной».

Рис. 2

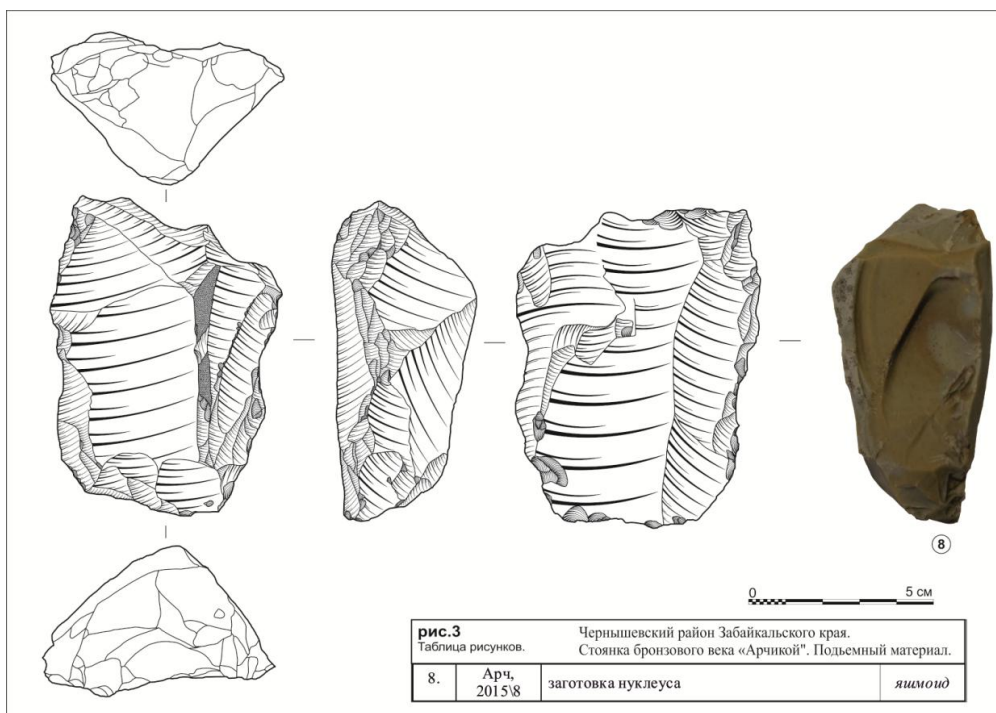

Рис. 3

Дерновый и поддерновый горизонты не повреждены. Ниже основания культуросодержащего горизонта, в нижележащих литологических слоях археологических находок не обнаружено. Таким образом, стратиграфическая позиция культуросодержащего горизонта также может указывать на датировку в пределах хронодиапазона эпохи бронзы. Во всяком случае, более точная датировка и идентификация объекта будут установлены только после про-

ведения полномасштабных археологических раскопок.

Четвертичная стратиграфия всех установленных шурфов соответствует общей стратиграфической колонке делювиальных отложений в долинах рек Белый Урюм, Черный Урюм, Ундурга, Талакан, Хоктонга [1]. Морфология контактов горизонтов в шурфе с находками и контрольных шурфах объективно указывает на относительную инситность культурного

слоя и очерчивает предположительные границы его распространения – по местам сбора подъёмного материала, совпадающим с очертаниями геоморфы мысовидного уступа делювиального шлейфа.

Необходимо отметить, что если западная и восточная границы определялась естественными геоморфологическими особенностями территории археологического объекта (западная граница – подошва резконаклонного ската горы и тыловая линия делювиального шлейфа, восточная граница – мысовидная бровка делювиального шлейфа), то северная и южная границы, до установки шурфов, оставались открытыми. Последующая периферийная шурфовка позволила определить точные границы объекта культурного наследия.

По окончании полевых изысканий и лабораторных работ был подготовлен научный отчёт, материалы которого являлись основой для историко-культурной экспертизы и определения регламента охранных мероприятий на объекте «Арчикой». На основании историко-культурной экспертизы осуществлена перепроектировка данного участка планируемого строительства.

Таким образом, итогом работ стала охрана физической сохранности территории объекта культурного наследия и, более того, соблюдены условия сохранения элемента культурно-исторического, природного ландшафта, вмещающего в себя археологический памятник «Арчикой».

Список источников и литературы

1. Афанасьев С. А. Научно-производственный отчёт по теме: Археологические аварийно-спасательные работы на федеральной автодороге «Амур» участке км 425–426 на стоянке Ундурга в Чернышевском районе Читинской области. Чита, 2002. 193 с.
2. Попов В. Б. К вопросу о времени возникновения древнего горнорудного ремесла в Забайкалье (на основе археологических материалов Хэнтэй-Чикойского нагорья) // Минералогия и геохимия ландшафта горнорудных территорий. Современное минералообразование: труды III Всерос. симп. с междунар. участием и IX Всерос. чтений памяти акад. А. Е. Ферсмана. Чита, 29 нояб. – 2 дек. 2010 г. Чита, 2010. С. 38.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- Афанасьев С. А.** – начальник отдела исследований, учёта и охраны памятников Центра охраны и сохранения объектов культурного наследия Забайкальского края, г. Чита, Россия.
- S. Afanasyev** – head of research, recording and protection of monuments of State Institution of Culture SIC “Cultural Heritage Site Protection and Preservation Centre” of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.
- Ахмадулина С. З.** – канд. ист. наук, ст. преподаватель, Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия.
- S. Akhmatulina** – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.
- Батура А. И.** – канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- A. Batura** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Professor, Department of National History of the Historical Faculty, Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Белоусов В. Е.** – ст. науч. сотрудник Центра охраны и сохранения объектов культурного наследия Забайкальского края, г. Чита, Россия.
- V. Belousov** – senior researche of State Institution of Culture SIC “Cultural Heritage Site Protection and Preservation Centre” of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.
- Васильев Г. Г.** – помощник ректора ЗабГУ по международным вопросам, директор Научного центра по международным вопросам Северо-Восточной Азии, г. Чита, Россия.
- G. Vasiliev** – Assistant Rector for International Affairs, Head of Research Center for inter-national issues in Northeast Asia.
- Гаврилов А. Ю.** – науч. сотрудник Центра охраны и сохранения объектов культурного наследия Забайкальского края, г. Чита, Россия.
- A. Gavrilov** – research fellow of State Institution of Culture SIC “Cultural Heritage Site Protection and Preservation Centre” of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.
- Дацышен В. Г.** – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия.
- V. Datsyshen** – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of the Department of General History of the Institute for the Humanities of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.
- Дроботушенко Е. В.** – канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- E. Drobotushenko** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Dean of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Евтехов Р. А.** – аспирант 3-го года обучения исторического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия.
- R. Evtehov** – Postgraduate of the third year of study of the History Faculty of Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.
- Жданов С. А.** – канд. ист. наук, начальник Пограничного управления ФСБ России по Забайкальскому краю, г. Чита, Россия.
- S. Zhdanov** – Candidate of Historical Sciences, Head of the Border Directorate of the Federal Security Service of the Russian Federation for Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

- Золотарёва В. Ю.** – секретарь общего отдела исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- V. Zolotaryova** – Secretary of the General Division of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Игумнов Е. В.** – доцент кафедры организации, экономики и управления ветеринарным делом Санкт-Петербургской государственной академии ветеринарной медицины, г. Санкт-Петербург, Россия.
- E. Igumnov** – Associate Professor of the Department of Organization, Economy and Management of the Veterinary of Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine, Saint Petersburg, Russia.
- Кальмина Л. В.** – д-р ист. наук, доцент, ведущ. науч. сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.
- L. Kalmina** – Doctor of Historical Sciences, Docent, Leading Researcher of Department of History, Ethnology and Sociology of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.
- Карасёв С. В.** – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Иркутского государственного технического университета, г. Иркутск, Россия.
- S. Karasyov** – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor Department of general educational disciplines of the Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia.
- Карпенко Е. В.** – аспирант кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия.
- E. Karpenko** – Postgraduate of the Department of General history of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.
- Карчанова Л. М.** – начальник отдела научно-исследовательской работы и использования документов Государственного архива Забайкальского края, г. Чита, Россия.
- L. Karchanova** – Head of the Department of Research Work and Use of Documents of the State Archive of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.
- Константинова Т. А.** – канд. ист. наук, ведущ. архивист отдела НИР и использования документов Государственного архива Забайкальского края, г. Чита, Россия.
- T. Konstantinova** – Candidate of Historical Sciences, Leading Archivist of the Department of Research Work and Use of Documents of the State Archive of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.
- Куриленко И. В.** – главный архивист отдела НИР и использования документов Государственного архива Забайкальского края, г. Чита, Россия.
- I. Kurylenko** – Chief Archivist of the Department of Research Work and Use of Documents of the State Archive of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.
- Ланцова Ю. Н.** – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, ведущий специалист по воспитательной работе исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- Yu. Lantsova** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Chair of History, Leading Expert on Educational Work of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Малыгина О. А.** – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия.
- O. Malygina** – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Officer of Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.
- Мамкин А. М.** – науч. сотрудник Центра охраны и сохранения объектов культурного наследия Забайкальского края, г. Чита, Россия.
- A. Mamkin** – Research Officer of the Center for the Protection and Preservation of Cultural Heritage of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

- Мамкина И. Н.** – канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой теории государства и права юридического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- I. Mamkina** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of Chair of Theory of State and Law of the Faculty of Law of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Мерцалов В. И.** – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- V. Mertsalov** – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor Chair of Russian History of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Минаева В. Ю.** – аспирант 3-го года обучения исторического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия.
- V. Minaeva** – Postgraduate of the third year of study of the History Faculty of Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.
- Мороз А. И.** – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры отечественной истории исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- A. Moroz** – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Chair of Russian History of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Мясников А. В.** – науч. сотрудник НРЦ «Энциклопедия Забайкалья», Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- A. Myasnikov** – Research Officer of Research and Editorial Center «Encyclopedia of Transbaikalia», Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Мясникова Г. В.** – ст. преподаватель кафедры истории, заместитель декана исторического факультета по научной работе Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- G. Myasnikova** – Senior Lecturer, Chair of History, Deputy Dean of the Faculty of History for Scientific Work of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Номогоева В. В.** – д-р ист. наук, доцент, декан исторического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия.
- V. Nomogoeva** – Doctor of Historical Sciences, Docent, Dean of the History Faculty of Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.
- Оглезнева Е. А.** – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск, Россия.
- E. Oglezneva** – Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Professor Department of Russian as a Foreign Language of the National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia.
- Плеханова А. М.** – д-р ист. наук, доцент, зам. директора по научной работе отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.
- A. Plekhanova** – Doctor of Historical Sciences, Docent, Deputy Director for Scientific Work of the Department of History, Ethnology and Sociology of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.
- Постников А. В.** – д-р тех. наук, профессор, гл. науч. сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, г. Москва, Россия.
- A. Postnikov** – Doctor of technical Sciences, Full Professor, Chief scientific officer of Russian Academy of Sciences S. I. Vavilov Institute of the History of Science and Technology, Moscow, Russia.
- Простакишина М. А.** – ассистент факультета предметных технологий и профильного обучения Института развития образования Забайкальского края, г. Чита, Россия.
- M. Prostakishina** – Assistant of the Faculty of Subject Technologies and Profile Education of the State Institution of Additional Vocational Education «Institute of Education Development of Zabaykalsky krai» Chita, Russia.

- Пряженникова М. В.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, заместитель декана исторического факультета по учебной работе Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- M. Pryazhennikova** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of History, Deputy Dean of the Faculty of History for Academic Affairs of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Ряженова В. С.** – магистрант исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- V. Ryazhenova** – master student, Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Пузанов В. Д.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории Курганского государственного университета, г. Курган, Россия.
- V. Puzanov** – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor Department of history of Kurgan state University, Kurgan, Russia.
- Романова Л. Г.** – канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- L. Romanova** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Professor Chair of Russian History of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Ушницкий В. В.** – канд. ист. наук, науч. сотрудник сектора этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН, г. Якутск, Россия.
- V. Ushnitsky** – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of the Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia.
- Филимонов А. В.** – старший преподаватель кафедры антикризисного управления, финансов и кредита факультета экономики и управления Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- A. Filimonov** – Senior Lecturer, Chair of Crisis Management, Finance and Credit of the Faculty of Economics and Management of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Янков А. Г.** – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления экономического факультета Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- A. Yankov** – Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Associate Professor Department of Economics and Management, Economic faculty of the Chita Institute (branch) of Baikal State University, Chita, Russia.
- Яремчук О. А.** – канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой истории исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- O. Yaremchuk** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the Chair of History of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Научное издание

РЕГИОН В ПРИГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Часть 2

REGION IN BORDER SPACE

Part 2

Дизайн обложки Д. А. Крылов

Редактор Т. Р. Шевчук
Вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 30.07.16.
Форм. бум. 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Способ печати цифровой.
Гарнитура Arial.
Уч. печ. л. 16,5. Усл.-изд. л. 14,3.
Тираж 200 экз. Заказ № 16214.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30